

І АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

І АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Администрация Пермской области
Мемориальный центр истории
политических репрессий “Пермь-36”

I Астафьевские чтения (17 — 18 мая 2002 года)

Пермь 2003

УДК 08(47+57)-51
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
А 91

I Астафьевские чтения: (17 — 18 мая 2002 года). —
Пермь: Мемориал. центр истории полит. репрессий
«Пермь-36», 2003. — 184 с.
ISBN 5-94095-031-0

В сборник включены материалы первых гражданских чтений памяти В. П. Астафьева, прошедших в г. Перми в 2002 году. На пяти секциях, работавших в рамках чтений, были представлены доклады по трем основным направлениям: жизнь и творчество В. П. Астафьева, проблемы создания гражданского общества в России, политические репрессии советского государства.

Книга рассчитана на политологов, политиков, историков, литературоведов, студентов и преподавателей вузов.

ISBN 5-94095-031-0

© Составление, оформление.
Мемориальный центр истории
политических репрессий
“Пермь-36”, 2003

Уважаемые друзья!

Перед вами — первый выпуск «Астафьевских чтений», которые состоялись в Перми 17-18 мая 2002 г. Организаторами чтений явились администрация Пермской области и Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36».

Замечательный русский писатель Виктор Петрович Астафьев долгое время жил и работал в Чусовом и в Перми, здесь началась его литературная судьба; кроме того, он был одним из первых, кто поддержал идею создания музея «Пермь-36» на месте бывшего лагеря для политических заключенных, был членом совета музея. Поэтому не случаен выбор места проведения первых чтений памяти писателя, не случайны и организаторы этой конференции.

Программа чтений включила в себя работу нескольких секций. И если выступления, прозвучавшие во время работы литературной, библиотечной и музейно-архивной секций, не вызывают сомнений по поводу своей тематической актуальности, то часть сообщений, включенных в программу руководителями исторической и общественно-политической секций, могут вызвать естественный вопрос: «А при чем здесь Астафьев?»

Объяснение может быть только одно: самому Виктору Петровичу до всего было дело. Не только как писатель, но и как «гражданский человек» он пытался понять, что происходит с Россией, с российским мужиком, с любимой некогда деревней, пытался понять, когда, на каком переломе истории и какие жернова перемололи, казалось бы, нерушимые вековые нравственные устои народной жизни. А перемолов, еще и смешали зерна с плевелами.

Поэтому сообщения, посвященные историческому и общественно-политическому фону российской действительности прошлого века (особенно его наиболее мрачным временам), в таком контексте кажутся уместными и придают чтениям объем полифонии гражданственного, а не только литературно-биографического звучания.

Организаторы чтений благодарят всех, кто принял в них участие, кто словом и делом помог в осуществлении этого масштабного проекта, и просят быть снисходительными к результатам первого опыта, который, надеемся, перерастет в традицию проведения майских Астафьевских чтений на пермской земле.

Оргкомитет

ЛИТЕРАТУРНАЯ СЕКЦИЯ

В. И. БУРДИН

Жанровое своеобразие «Затесей»**В. П. Астафьева**

Виктор Астафьев создал свой «фирменный» жанр, который, будучи не скованным устоявшимися формами литературы, отражает такие особенности художественной индивидуальности автора «Последнего поклона», как исповедальное и проповедническое начала. Установка на дневниковость, стремление остановить мгновения жизни, высвеченные прожектором памяти, попытка дойти «до бездонных глубин бытия, до отгадывания непостижимых вещей, необъяснимого, как мироздание, брэнного и просто-го с виду человеческого существования» (В. П. Астафьев), свободное раскованное повествование, автобиографизм — все это создает иллюзию полной достоверности.

Говоря о «родословной» жанра, Астафьев называет Ивана Тургенева, автора «Стихотворений в прозе». «Затеси» — с их монтажной композицией, отсутствием сюжета, когда инструментом творческого познания является мысль и центром художественного мира становится рассказчик, а бытовые рамки приобретают значимость символа, — организованы по законам поэтического текста.

Писатель размышляет о том, как успокоить «мятущуюся тревожную душу человека», открывает таинственные связи, существующие между человеком и Землей, растениями, когда худое, бранное слово, брошен-

ное озлобленным человеком, заставляет растения «покинуть» огород.

Астафьев сопрягает мгновение и век. В брошенной людьми деревеньке трезвонит школьный звонок, который как бы извещает о конце света, об апокалипсисе, о катастрофичности существования человека начала нового века.

Но вечны и неуничтожимы духовные начала бытия. Сияет над миром и Енисеем березка, «свеча в храме природы». Рассказчик ощущает себя звеном в вечной цепочке поколений. Он благодарно всматривается в рыболовный крючок, когда-то созданный енисейскими древлянами. Ностальгия по прошлому становится основой национального менталитета. Мир вечен, пока есть память о человеке праведной жизни, бабушке Катерине Петровне, которая превращается в фигуру мифологическую («Всезрящая»).

В человеке для Астафьева самое главное — ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности. Автор всматривается в роковые судьбы поэтов на Руси. Живописуя последние дни Николая Рубцова, он находит точный образ-символ: изваянная фигурка Сергия Радонежского, в середине которой светлый, непорочный ангелочек.

Отношение к жизни Астафьев выводит из обычаев коми-пермяков («Благоговение»). В затеси «на сон грядущий» писатель творит молитву — гимн жизни: «О тайга, о вечный русский лес и времена года, на земле русской происходящие, что может быть и есть прекраснее вас? Спасибо Господу, что пылинкой высеял меня на эту землю, спасибо судьбе за то, что она сделала меня лесным бродягой и подарила въяве столь чудес, которые краше всякой сказки».

Писатель уходит в тень, уступая место частному человеку. Главное — видеть и чувствовать красоту мира, жизни, быть «лесным бродягой». Главное — талант жизни.

И. А. ПОДЮКОВ

**Эстетика народной речи в поэтике
В. П. Астафьева**

Исследователями творчества В. П. Астафьева давно замечены характерные особенности его стиля — увлечение писателя «древнеписьменными» формами и публицистическим слогом, а одновременно и пристрастие к народному (диалектному, просторечному) слову. Все это признаки непростого, нагруженного необычными элементами слога писателя, понять который можно, лишь учитывая ситуацию в русской художественной речи второй половины XX века.

Лингвистическая поэтика Астафьева формировалась, во-первых, как реакция на стилистически сглаженный, стерильный язык официальной советской литературы. Во-вторых, существенное влияние на стиль писателя в 1980-е и 1990-е годы оказали процессы общего переустройства культурной и языковой среды в стране. Это было время, когда в обществе активно развернулись процессы демократизации языка, а в литературе отмечена так называемая диалектная вспышка: активное привлечение в художественную речь сугубо народных, диалектных элементов. Художественное использование национальной архаики (которое сохраняется и по сей день в разных сферах литературы, в т. ч. не только в «деревенской прозе», но и в авангардном обращении к народно-фольклорным элементам) — яркая черта стиля В. П. Астафьева. Многими критиками отмечена сгущенность, плотность его языка. По словам Тамары Хмельницкой¹, когда В. П. Астафьев пишет о нересте рыбы, сам «нерестится словами. Они (слова) тоже в какой-то непролазной тесноте толкуются, наступают друг на друга неуправляемо, кружатся в образной насыщенной гуще... Бурливые слова у писателя... брошены навалом...» Эти слова точно определяют и астафьевское пристрастие к стихии, живой энергии народного языка. Причины это-

го увлечения диалектными и просторечными формами очень просты: это языковая среда, в которой вырос писатель. Народное слово самоценно для писателя тем, что во всей полноте доносит интимность, естественность человеческих эмоций, их накал и силу. Отсюда берет начало типичная черта стиля Астафьева, когда рядом с лирическим (нередко — «бунинским») повествованием появляются резкие публицистические вставки с деревенски прямым и зачастую грубым словом.

Народное слово в творчестве В. П. Астафьева несет особую эстетическую и мировоззренческую нагрузку. Важно отметить, что писатель обращается к нему не для создания местного, «географического», колорита. В пермских описаниях Чусовой и Койвы, Сылвы, речки Быковки, Кваркуша у него много не уральского, а сугубо сибирского материала. Сам писатель вспоминал слова Б. Н. Назаровского: «Борис Никандрович мне сказал: «Виктор Петрович, миленький ты мой, не надо, не делай ты этого, не трать своих усилий, не того ты склада человек. У тебя все уральцы, которых ты тут изображаешь, все равно думают и говорят по-сибирски».

На наш взгляд, в существенной степени В. П. Астафьев ориентирован здесь на наличие в русской народной речи значительного по объему однородного материала вологодских, уральских, сибирских говоров. Примеры, подтверждающие этот факт, разнообразны: это частые в языке писателя диалектные названия типа *худая немочь* — болезнь («Слышно, как ворочается на скрипучей деревянной кровати бабушка, которую начали донимать «худые немочи» — «Запах сена»; выражение известно как северорусское, уральское и сибирское), *тихая деревня* — кладбище («Шить на покойников полагается руками, а не на машине, потому что в тихое место отправляется человек» — «Последний поклон»), выражение *тут пуп резан* («Нету зова сильнее крови да ишшо земли родной. Мила, мила та сторона, где пупок резан» — «Последний поклон»; оборот представляет одну из

форм общедиалектного оборота с упоминанием старого родинного обычая обрезания и последующего почитания пуповины — ср. московское *тут пуп зарыт*, орловское *тут пуп рван*, вологодское *тут пуп завязывали*).

Диалектное слово, предложение интересует писателя как знак национальной народной культуры, которую писатель, естественно, воспринимал через призму сибирской локальной традиции.

По мнению многих диалектологов, развитие современных говоров проходит по линии все большей нивелировки границ между отдельными диалектами при сохранении тем не менее диалекта как самостоятельной формы языка. Диалектные элементы все более осознаются писателями не как знаки места, а как своего рода народно-фольклорные реминисценции, как способ привнесения в текст элементов народной культуры. Использование народных речевых элементов Астафьевым соответствует обращению его к этнографическим деталям — здесь автор также не ограничивается установками на воссоздание местного колорита. В рассказе «Родные березы» («Затеси») автор описывает сибирскую Троицу: «Ворота, наличники окон в зеленой пене березового листа. Даже за ремешками картузов у парней — березовые ветки. Скараулив девок с водою, парни бросали им в ведра свои ветки, а девушки старались не расплескать воду из ведер — счастье не выплеснуть! В кадках вода долго пахла березовым листом. Крыльцо и пол сеней были застелены молодыми ветками папоротника. По избам чадило таежным листом, уже устоявшимся, набравшим силу. В этот день — в Троицу — народ уходил за деревню с самоварами и гармошками. А праздновали наступление лета».

В приведенном тексте писатель воспроизводит широко распространенное в России обрядовое почитание березки на Троицу (ср. народное название Троицы — «праздник березки», «березов праздник»). Традиционная культура знает множество способов ритуальных манипуляций с троицкой березкой. В уральской тради-

ции с ней ходили по деревне, ее украшали (лентами, носовыми платками, кольцами, полушалками, ткаными поясами), вокруг нее водили хороводы, березку носили по деревне, а после праздника «хоронили», бросали в воду (в реку, пруд). Так же, как и в Сибири, на Урале «в Троицын день приносили ветки березовые, ими украшали дом, втыкали их между окон», березовые ветки втыкали над воротами. Поскольку сакральной считалась любая троицкая зелень, в Троицын день рвали траву (любую) и несли в дом («троицкую траву приносили в дом и весь пол ей застилали»). Любопытно свидетельство В. П. Астафьева о том, что в Сибири на Троицу особое отношение проявлялось к папоротнику. На Урале культ этого древнейшего растения известен лишь применительно к Иванову дню, в это время собирали папоротник и использовали его в народной магии (в частности, подкладывали под простыню, если болели руки, при этом папоротник должен лежать целый месяц). Сообщение В. П. Астафьева — дополнительное свидетельство близости, изоморфизма различных календарных культурных форм и одновременно широкой, свободной их вариантности. В полном соответствии с этим интерес Астафьева к народному слову связан не столько со стремлением писателя быть этнографически точным, а с его постоянным вниманием к древнему, к «вечному, нетленному», «во мне нетленному», как часто говорил писатель.

Диалектное слово появляется в текстах Астафьева прежде всего для заполнения некоей культурной лакуны, с его помощью писатель стремится передать всю сложность народного мировидения и донести до нас ценность народной оценки. В предисловии к циклу «Затеси» Астафьев говорил: «...Процесс познания мира титаном мысли, разрывааемым внутренними противоречиями, скажем Львом Толстым, постижение им архисложных философских глубин и духовное напряжение неграмотного крестьянина, задающего себе вопрос «Что есть я и земля?», — не менее сложен и мучителен». Даже опре-

деляя ситуацию слома культурной жизни в стране в конце XX века, В. П. Астафьев точно и безжалостно определяет ее народным словом (явно ключевым у позднего Астафьева) — словом «порча».

Этнографические реалии, которых много в произведениях Астафьева, содержат отсылки к похоронному обряду («Шить на покойников полагается руками...»), отсылки к календарной, семейной традиции. Любопытный пример — новелла «Звезды и елочки» из сборника «Затеси», посвященная печальной судьбе вологодской крестьянки, потерявшей в войну пятерых мужчин — мужа, деверя и троих сыновей. Писатель замечает на одном из домов елочку в ленточках и тряпочках — отголосок обычая проводов в армию, когда невеста призывника прикрепляет елочку к дому, где жил ее жених. Предваряют текст слова Астафьева: «Какие только обычаи и обряды не навязывали досужие творцы нашему народу... забывая, что народ сам рождает обычаи... обязательно от жизни». Заметим, что в Прикамье этой традиции соответствует иное обрядовое использование деревца: украшенную елочку (или березку, если проводы в весеннее или летнее время) не оставляют у дома, а ставят в повозку новобранца.

С особой яркостью народная мифопоэтика В. П. Астафьева, представленная в диалектном слове, видна в использовании слова *хлебозары*. Хлебозары, по В. И. Далю *хлебозор*, *хлебозорка* (северовосточное),² — отдаленная молния, зарница во время цвета и налива хлеба. К этому названию близки слова типа сибирского *зарники* — всполохи, столбы на небе, откуда выражение *зарники играют*.

В новелле «Хлебозары» (цикл «Падение листа») описывается пора созревания хлеба, когда «зарницы тревожились в небе, зарницы играли на хлеба. В русских селах так и зовут их — хлебозары... В сумерках... повернулись колосья в ту сторону, откуда вслед за теплом пришли зарницы... мудро поседели хлебные поля, а

кустарники будто отодвинулись, давая простор им, не мешая совершиться какому-то, хлебом лишь ведомому, обряду... Когда по небу ходят сполохи, перестают охотиться звери друг за другом... замолкают птицы... человек крещеный осеняет себя, землю, небо трепетным троперстием».

Дальнейший текст прямо объясняет символическое восприятие писателем этого необычного природного явления: «Быть может, не зарницы это, а неостывшие голоса тех времен, пластая в клочья темноту, рвутся к нам... пробиваются сквозь толщу веков с приветом, только с виду грозным, а на самом деле животворным, потому что из дикого пламени в муках и корчах родилось все: былинка малая и дерево, звери и птицы, цветы и люди, рыбы и мошки... небо в эти минуты становится вестником нашего перворождения...»

Не характерное для пермских говоров слово, введенное В. П. Астафьевым в пермский текст (предположительно, родственное не только слову *заря*, *зорить*, но и *зреть*, ср. вологодское *зорить* — давать спеть, например *зорить огурцы* для семян), связано с народным восприятием космических событий. Близким к нему по смыслу является пермское выражение *калинники играют* — о зарницах в конце июля (в свое время А. Н. Афанасьев связывал это представление летних зарниц — всполохов без грома с именем святого Калиника, день которого приходится на конец июля). Зарницы как прорыв космического, вселенского огня, космического хаоса в народном сознании воспринимаются как явление, способное и благотворно воздействовать, и в то же время вносить возмущение в порядок вещей (ср. также пермские народные представления о том, что зарницы *спешат* хлеб, с одной стороны, и с другой — зарницы *с ума сводят*, *зарницы спать не дают*). Возможно, отголоском амбивалентности зарниц, с одной стороны, «помогающих», а с другой стороны, вредящих человеку, является энантиосемичность глагола *зорить* — «давать

спеть, делать спелым» и одновременно «разорять, уничтожать»). Время зарниц, необычных молний без грома мифопоэтически ассоциировалось с «первовременем», началом жизни, мыслилось в прошлом открытым, мистическим. На него приходились гадания на урожай, оно считалось способствующим вызреванию хлебов (отсюда и исходит пермское выражение *калинники хлеба зорят*).

Отмеченный мотив «зарницы — хлебозары» привлекает внимание Астафьева неоднократно, причем не только в связи с осмыслением русской народной культуры. В новелле «Благоговение» («Затеси») В. П. Астафьев говорит о сохранившихся у коми-пермяков («еще не забывших себя и Бога») «тайных, торжественных, порой причудливых обычаях», связанных с землей-кормилицей и природой: «В момент цветения ржи никакая зараза о себе не заявляла, никакой крик, даже громкий разговор не проникали на ржаное поле, не достигали слуха его. В период цветения ржи следовало воздерживаться не только от какого-либо шума, неблагоприятно сказывающегося на урожае, но и от супружеских отношений, нельзя было также стирать, полоскать белье, белить холст...

Самое цветение ржи, по поверьям пермяков, происходит в полдень. В старину в полдень люди прятались в избах, запирали двери, занавешивали окна, ложились в пологи и молчали. В это время никто не должен касаться голыми руками колосьев ржи, курить табак возле цветущего поля и производить какой-либо гам... Я почти четверть века прожил на Урале, прикипел к этой усталой, присмирелой земле, кажется, помню, слышу и вижу, ощущаю пору цветения ржи, когда и в самом деле делается тихо-тихо в селении, оно вдруг отдалится от всего, и жители села, кого где застал полдень, сомлело замрут в себе. Только зарницы, томительные зарницы, сверкают, плещутся над лесами и полями, голубым и белым пламенем озаряя покорные колосья... В такую пору мне казалось, что природа, мать наша, изнахраченная человеком, проникает в него нездешним светом и прощает

его за все тяжкие грехи и преступления, сотворенные против нее и жизни... Дедушко Урал... с поредевшей бородой, помнящий о лучших временах, кряхтя от старости, уже истощивший ниши, с пустыми недрами, с израненным телом, еще бережет собой какие-никакие леса, еще выжимает ключи и резвые речушки из каменного нутра своего, еще скатывает их с потных и пологих склонов. Слившись воедино, они еще волнуют веснами любимую и непокорную дочь его Чусовую, летом же она, многоводная когда-то, бойкущая, зацветает и совсем пропадает в луже водохранилища, теряя не только себя, но и название свое.

Но еще буйствует зеленью веснами, еще озаряется осенним пламенем дедушка-Урал, еще цветут местами на нем ржаные поля, и еще не забывшие бога и себя люди благоговейно замирают возле хлебных полей, и древнее пламя осеняет их, не давая совсем уж забыться и одичать».

Древнее пламя осенних зарниц становится знаком священности бытия и напоминанием мистической связи человека и космоса. Ощущение святости хлеба и хлебного поля, самой «природы, матери нашей», связь с которой так ослабла, если не прервалась в позднейшее время, — вот главное, что нужно вернуть в нашу жизнь.

В текстах, подобных приведенному выше, мы видим Астафьева, достигающего пронзительно лирической, поэтической тональности, думающего не о социальных проблемах, а о метафизических основаниях мира, о единстве человека и природы. Народное слово-символ становится в этом случае средством, генерирующим целостный фрагмент произведения, средством, возводящим авторский текст к коллективной народной традиции.

¹ Хмельницкая Т. Вглубь характера: О психологизме в современной советской прозе. — Л., 1988.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. — М., 1955. — С. 553.

В. А. ЗУБКОВ

**Полемиическая составляющая в творческом
методе В. П. Астафьева**

Целостность жизненной и творческой личности, на мой взгляд, суть того явления в русской литературе, которое носит имя Виктора Астафьева, а главным вектором его жизненного и художественного существования являлась высокая чувствительность, тонкая нравственная кожа, острокритическая восприимчивость к тому, что было вокруг него подлым, лживым и несправедливым. Как человек и как писатель В. П. Астафьев генетически, по группе крови, был настроен на несогласие с тем, что уродовало, сгибало, унижало человека. А уж обиды и боли, выпавшей на долю Астафьева в родном отечестве, было по горло и до войны, и на войне, и после войны.

Я убежден, что с ранних лет заложенная «ершистость», социально-нравственная чувствительность и нараставшее с годами несогласие со всеобщей притерпелостью сделали полемиичность основой творческого самосознания В. П. Астафьева — даже в те времена, когда его право на собственное мнение еще не было защищено всемирной известностью и он, как всякий провинциальный литератор, зависел от благорасположения партийных надзирателей. Я думаю, что уже в начале литературной биографии Астафьев осознанно исходил из творческого мироощущения, суть которого в чеканных строчках А. Т. Твардовского:

*...За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.*

История создания наиболее значительных произведений Астафьева, его собственные свидетельства убеж-

дают, что полемическая составляющая была существенной, если не ведущей, в возникновении творческого замысла. Его искра возникала обычно из противостояния астафьевского знания жизни и сложившихся в общественном сознании поверхностных или ложных представлений, из отказа писателя принять расхожие литературные версии близкого ему проблемно-тематического материала, из стремления доискаться до правды. Так было с замыслами его первого рассказа «Гражданский человек», повести «Пастух и пастушка», главной книги В. П. Астафьева «Последний поклон», повести «Кража», самого «пермского» по материалу рассказа «Паруня» из «Затесей», романа «Печальный детектив» и др.

Я полагаю, что полемичность В. П. Астафьева уже не в идейном, а в жанровом проявлении самым непосредственным образом окрасила его творческую эволюцию в последнее десятилетие и, в частности, во многом определила судьбу так долго и трудно писавшегося военного романа.

Дело в том, что ядром творческого метода В. П. Астафьева, вполне сложившегося к 1980-м годам, было «сгущение смыслов», возникающее из сцепления жизненных фактов с обобщающей мыслью автора. Полнокровность астафьевских образов возникла на пересечении равнодействующих: безупречной по достоверности жизненной фактуры и духовного зренья повествователя. Однако с 1980-х годов становится заметным внутреннее сопротивление Астафьева сложившемуся в его творческом методе равновесию жизненной картины и авторской мысли. В его новых произведениях, особенно крупных жанровых форм, обнаруживается, начиная с романа «Печальный детектив», очевидное смещение центра от образного мышления к прямому авторскому суждению.

Авторская мысль в «Печальном детективе» рвется из сюжетных рамок, тесня лепку характеров все новы-

ми фактами уголовной хроники, чтобы напрямую поставить вопрос: сегодняшнее озверение человека — это излом или закон природы? В «Проклятых и убитых» романное мышление автора оттесняется его открытой субъективностью, накаленными до предела болью и сарказмом. Основной стимул для автора, о чем он откровенно заявляет, — долг памяти. «Кто, кроме нас, это напишет? Кто поймет, как это было, когда мы поумираем от ран да от старости?»

Очевиден нарастающий в астафьевской прозе к концу века дисбаланс между образностью и публицистичностью, беллетристичностью и документальностью, сюжетностью и хроникальностью, литературной выстроенностью текста и свободой повествования. Астафьев-художник все чаще уступает место Астафьеву-мыслителю, участнику событий, рассказчику, проповеднику, обличителю. Причина, на мой взгляд, во внутренней полемике В. П. Астафьева с традиционной формой обращения к читателю посредством литературного сочинительства. Для «крика изболевшейся души» (В. В. Быков) утратили первостепенную важность образная выразительность и сюжетно-композиционная выстроенность. Груз пережитого и передуманного стал с годами для В. П. Астафьева столь велик и значителен, ощущение самодостаточности накопленных наблюдений, знаний и мыслей о жизни столь несомненно, что они потеснили, сделали излишней необходимость художественного придумывания и обобщения во имя подлинного факта и прямого авторского голоса.

В. М. МИХАЙЛЮК

Великий труженик пера

Виктор Петрович Астафьев — великий труженик пера. В нашей стране и за рубежом издано более двух-

сот его книг. У писателя вышло 4-томное собрание сочинений в издательстве «Молодая гвардия» в 1979—1980 годах и 15-томное собрание в Красноярске в 1997 году. По повестям «Перевал», «Звездопад», «Кража» и другим снято семь художественных фильмов. По его пьесам «Черемуха» и «Прости меня» во многих театрах России поставлены спектакли. Спектакль Вологодского ТЮЗа по пьесе «Прости меня» удостоен Государственной премии РСФСР, пьеса «Черемуха» в постановке Московского театра имени М. Н. Ермоловой удостоена «Золотой маски».

На Урале, в Прикамье, писатель прожил 24 года, с 1945 по 1969, из них 18 лет в городе Чусовом и около 6 лет в Перми. Здесь им были написаны и изданы несколько книг рассказов, роман «Тают снега», повести «Перевал», «Стародуб», «Звездопад», «Кража», «Последний поклон», пастораль «Пастух и пастушка».

О творчестве В. П. Астафьева написаны книги известными критиками: А. Макаровым «Во глубине России», В. Курбатовым «Виктор Астафьев», А. Ланщиковым «Виктор Астафьев: право на искренность», Н. Яновским «Виктор Астафьев: очерк творчества».

В его произведениях звучит страстный призыв к осознанию ответственности человека за все, что происходит на Земле и в его личной жизни, предупреждение об угрозе экологической катастрофы и нравственной дистрофии современного общества.

На наш взгляд, В. П. Астафьев в своем творчестве достиг того рубежа, который предвидел Л. Н. Толстой. «Мне кажется, — писал он в дневниках, — что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Писатели будут не сочинять, а только рассказывать то значительное и интересное, что им случалось наблюдать в жизни». Толстой признавался, что в процессе писания он не раз испытывал неловкость от

того, что вот он пишет о каком-то Иване Ивановиче, которого в природе не существует, и тем самым обманывает читателя.

К такому же выводу пришел Варлам Шаламов, утверждая: «Проза будущего требует другого. Заговорят не писатели, а люди профессии, обладающие писательским даром. Они расскажут о том, что знают и видели. Достоверность — вот сила литературы будущего».

И действительно, стоит ли измышлять персонажи и сюжеты? Не лучше ли исследовать характеры живущих людей? Как известно, то, что иногда предлагает жизнь, невозможно придумать.

Прорыв к изображению правды жизни произошел в 1960-е годы в так называемой исповедальной прозе, в которой ее герои вели рассказ от первого лица о себе и своих сверстниках. В числе таких книг были «Дневные звезды» Ольги Берггольц, «Владимирские проселки» Владимира Солоухина, повести Анатолия Кузнецова и Василия Аксенова.

Дневные звезды можно увидеть только из глубокого колодца. И чем глубже он, тем непроглядней в нем мрак и тем ярче и красивей в небесной вышине проявляются звезды. Исповедальная проза и предлагала более открытый рассказ о сокровенных мыслях и взглядах, более глубокое проникновение в колодец своей души и памяти, до самого доньшка, где хранится детство и находится совесть. «...Главная книга писателя — во всяком случае, моя Главная книга, — писала Ольга Берггольц в книге «Дневные звезды», — рисуется мне книгой, которая насыщена предельной правдой бытия, прошедшего через мое сердце».

Но до подлинной правды было еще далеко. Подошли к ней ближе всех писатели-«деревенщики» Василий Белов, Валентин Распутин, Борис Можаев, Гаврил Троепольский, Федор Абрамов, Виктор Астафьев. Все творчество Астафьева — это подлинная история нашего современника, жизнь действительно прожитая,

а не выдуманная, с жалкими потугами на правдоподобие. Кажется, с появлением его прозы настало время, когда сама жизнь, настоящие события начали затмевать затейливые, но вымышленные сюжеты. Кто хоть раз прочитал астафьевские рассказы «Уха на Баганиде», «Ясным полднем», «Руки жены», очерк «Перуня», повесть или поэму в прозе «Ода русскому огороду», романы «Царь-рыба», «Прокляты и убиты», у того они навсегда останутся в памяти.

Вот один эпизод из «Оды...», по признанию самого автора, «единственного в своем роде литературного сочинения, писанного на свой лад, но в высоком древнем стиле («штиле») о вещах обыденных и вечных, как то: земля, овощ, назем, баня...» Это произведение писатель назвал своим радостным детищем, похожим на новогоднюю елку, «которую чем больше наряжаешь, тем краше она выглядит». И Виктор Петрович не устал украшать ее «и много лет подряд возвращался и возвращался к ней, читал ее вслух друзьям и близким людям — выверял каждую строку, каждое слово».

Но вернемся к эпизоду. Субботний день. В бане, расположенной в конце огорода, три соседские девки, две родные тетки замужние да с ними мальчик-племянник «путался под ногами и стеснял чем-то девок». Чтобы быстрее сровадить его из бани, одна тетка на каменку сдает, другая шайку водой наполняет, «девки-халды толстоляхне одежонку с него срывают, в шайку макают и долбят окатенелым обмылком куда попало». Как мальчик ни зажмуривал глаза, едкое самодельное мыло попало под веки, он орет на всю баню, а тетки, бросая друг дружке племянша, скребли его, а затем завалили на приступок полка и давай охаживать веником, после чего старшая тетка обдала дряблой водой с приговоркой: «С гуся вода, с лебедя вода, с малого сиротки худоба... Вот и все! Вот и все! Будет реветь-то, будет!»

А сами тетки с девками забрались на полок и, по-

визгивая, начали стегать себя вениками.

Заканчивается эпизод так: «Соседская девка... главная потешница в бане была, она-то и вытащила из угла мальчика, тренькнула пальцем по гороховым стручком торчащему его петушку и удивленно спросила: «А чтой-то, девки, у него туто-ка? Какой такой занятный предмет?» Мгновенно переключаясь с горя на веселье, заранее радуясь потехе, мальчик поспешил сообщить все еще рвущимся от всхлипов голосом: «Та-ба-чо-ок!»

«Табачо-о-ок?! — продолжала представление соседская девка. — А мы его, полоротые, и не заметили! Дал бы понюхать табачку-то?»

Окончательно забыв про нанесенные ему обиды, из всех сил сдерживая напололам его раскалывающий смех, прикрыв ладошками глаза, мальчик послушно выпятил животишко.

Девки щекотно тыкались мокрыми носами в низ его живота и раздражались таким чихом, что уж невозможно стало дальше терпеть, и, уронив в бессилье руки, мальчик заливался, стонал от щекотки и смеха, а девки все чихали, чихали и сраженно трясли головами: «Вот так табачок, ястри его! Крепче дедова!», однако и про дело не забывали, под хохот и шуточки девки незаметно всунули мальчика в штаны, в рубаху и последним, как бы завершающим все дела хлопком по задку вышибли его в предбанник.

...Пройдет много вечеров, много лет, поблекнут детские обиды, смешными сделаются в сравнении с обидами и бедами настоящими, и банные субботние вечера сольются и останутся в памяти дивными видениями».

Останется этот дивный банный эпизод и в памяти читателя, настолько он правдив, забавен и, вопреки нынешнему бесстыжему вторжению в интимную жизнь, безупречно деликатен, что шутка с мальчиком по житейским меркам предстает невинной и пристойной, ибо где еще, как не в бане, неизбалованным вниманием и развлечениями девицам, познавшим с детства нелегкий крестьянский труд, позволить себе маленькую вольность

и надуреться всласть.

Нельзя не сказать несколько слов о другом запавшем навечно в память рассказе «Уха на Баганиде». В нем ничего особенного не происходит. На рыбацком стане живет одинокая женщина с оравой детишек мал мала меньше, нажитых невесть от кого. Словно выброшенные после кораблекрушения волной на берег, дети с надеждой смотрят, не мелькнет ли спасительное судно. И вот на горизонте появились рыбацкие баркасы. Стан ожил. И пока рыбаки выгружали улов, в огромном котле сварилась душистая уха, и первый, кому наливает повар варева с жирными кусками рыбы, — самый младший малец. Дабы братик не ошпарился, миску к столу несет старшая сестренка, а малец семенит за ней и умоляет ее: «Не расплеси! Не расплеси!»

Какой блестящий мазок художника! Как много в нем понимания, сострадания, милосердия и глубокого уважения к жизни!

В мировой литературе никто из писателей не рассказал такой правды о войне, как В. П. Астафьев в романе «Прокляты и убиты». Мало кто сможет прочесть его без содрогания и передышки, особенно главы о форсировании Днепра на Великокриницком плацдарме, когда в кровавом месиве битвы «от грохота и огня трескались перекаленные своды» всего поднебесья, а у солдат не оставалось ни сил, ни надежды. И они ясно ощущали, что у них нет никого, на кого бы можно было опереться, кроме Бога, и как бы для читателя в конце романа появилась молитва: «Боже милостивый! Зачем Ты дал неразумному существу такую страшную силу? Зачем Ты, прежде чем созреет и окрепнет его разум, сунул ему в руки огонь? Зачем Ты наделил его такой волей, что превыше его смирения? Зачем Ты научил его убивать, но не дал возможности воскресать, чтоб он мог дивиться плодам безумия своего? Сюда его, стервеца, в одном лице сюда царя и холопа — пусть послушает музыку, достойную его гения. Гони в этот ад впереди тех, кто,

злоупотребляя данным ему разумом, придумал все это, изобрел, сотворил. Нет, не в одном лице, а стадом: и царей, и королей, и вождей — на десять дней, из дворцов, храмов, вилл, подземелий, партийных кабинетов — на Великокриницкий плацдарм! Чтоб ни соли, ни хлеба, чтоб крысы отъели им носы и уши, чтоб приняли они на свою шкуру то, чему название — война. Чтоб и они, выскочив на край обрывистого берега, на спуду эту безжизненную, словно вознесясь над землей, рвали на себе серую от грязи и вшей рубаху и орали бы, как серый солдат, только что выбежавший из укрытия и воззвавший: «Да убивайте же скорее!»¹.

В одном из интервью, взятом у Астафьева «Литературной газетой» в сентябре 1990 года, когда писатель еще работал над романом «Прокляты и убиты», на вопрос корреспондента, о чем самом выстраданном ему хотелось бы сказать людям, он ответил: «Я сказал бы прежде всего о ценности жизни. Об этой бескорыстно дарованной нам радости, о единственной награде Божьей. И ею надо дорожить».

Астафьева всегда волновали незаметные для других драмы, из которых он извлекал и ясно и смело представлял истины, неведение коих являлось причиной многих бед.

Помнится, в 1970-х годах в «Комсомольской правде» публиковалась документальная повесть «Таежный туник» о семье староверов Лыковых, сбежавших невесть когда от греховного мира в сибирскую тайгу. Их было четверо: отец, два сына и дочь. Публикация стала сенсацией. На работе, в трамвае, дома на кухне только и говорили, восхищаясь, о Лыковых: надо же, без общения с цивилизованным миром — выжили.

Выжить-то выжили, но как-то никто не придал значения тому, что вскоре после публикации отец и два сына один за другим померли, в живых осталась одна-одинешенька дочь Агафья, наотрез отказавшаяся перебраться на большую землю.

Нашелся, кажется, только один человек, В. П. Астафьев, который задумался о случившемся. Он писал: «Останавливались у Лыковых еще в пятидесятые годы и журналист, и один из организаторов здешнего заповедника, умный лесной ученый и писатель А. А. Малышев...

Но ни журналист, ни писатель Малышев не совершили сенсаций из деликатного материала, писали о житье-бытье Лыковых без страстей и ужастей, писали осторожно, не засвечивали их, как кротов, которые, будучи вынутыми из земли, на свету просто-напросто погибают.

Свежие могилы возле Лыковского стана да будут наглядным укором всем, кто любит блудить ночами по лесу, пером и словом по бумаге, помнить об этом, дабы трагедия Лыковых не повторилась...»

Произведения В. П. Астафьева, его суждения частенько беспокоили партийных идеологов. Как-то редакция пермской областной молодежной газеты обратилась к нему с вопросом, как он относится к популярному герою Павке Корчагину, и Виктор Петрович вежливо, не обижая героя, но не колеблясь, ответил, что рубака-парень свое отжил, пришли другие времена, когда пора опаматоваться, и хватит размахайства.

И тогда разгорелся сыр-бор в обкомах комсомола и партии. Шуму-то сколько было, сколько шуму!

Независимые люди всегда неудобны для других тем, что они самостоятельны и всегда остаются самими собой. Виктор Петрович Астафьев во всем сохранял свою первичность — и письменно, и устно. Среди всеобщего коварства и суеты он расчищал место для подлинного понимания того, что все-таки на самом деле происходит. А это постигается лишь в своего рода озарении, в служении правде.

¹ Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Т. 10. — Красноярск, 1998. С. 719.

В. Ф. ГЛАДЫШЕВ

Мы за ценой не постоим? (Две правды о войне)

В своем отношении к горькому военному прошлому В. П. Астафьев не был однозначен и постоянен. Он мучительно размышлял, искал подтверждения своим сомнениям и догадкам на протяжении нескольких десятилетий.

Однажды писатель сам признался, что на заре своей литературской жизни (в пермский период) он старался писать так, чтобы «и читателю приятно, и тебе любо: все есть — и бой, и подвиг, и любовь, и ненависть».

Что же, поздний Астафьев противоречит самому себе? Писатель, которому уже было «даровано» звание Героя Социалистического Труда, писатель, ставший почти классиком, вдруг начал излагать страшные мысли, не вписывающиеся в советский идеологический стандарт.

Когда-то В. П. Астафьеву нравились телепередачи Константина Симонова, в которых о войне вспоминали фронтовики, простые солдаты. Вспоминали без прикрас, без ретуши, без кунжор (во всяком случае, так всем тогда, в 1960-х, казалось).

Спустя десятилетия Астафьев пришел к жесткому выводу, что и это не вся правда о войне. Он сказал, что «полную правду о том, какая это была бесчеловечная, кровавая, бездарная война, знает только Бог». Во всеуслышание, в полный накал В. П. Астафьев заговорил о горькой цене великой Победы. Результат известен — на Астафьева дружно ополчились ветераны войны. Причем те самые побратимы-окопники, самые разные люди, вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны. Среди фронтовиков, принявших «в штыки» новые астафьевские произведения на военную тему, прежде всего роман «Прокляты и убиты», были пермские ветераны, в том

числе и его однофамилец, Герой Советского Союза Василий Астафьев.

И даже свой брат-писатель не одобрил! Так, Евгений Носов, с которым Виктор Астафьев был близок, познакомившись с его новыми сочинениями, не согласился с радикализмом авторской концепции.

Георгий Жженов, многолетний «сиделец» сталинских лагерей, актер-умница, назвал Виктора Астафьева «перевертышем». Куда уж больше, как говорится...

Между тем, еще в 1962 году в статье «Нет, алмазы на дороге не валяются» начинающий писатель Виктор Астафьев поделился с читателями довольно неожиданными для тех лет размышлениями:

«...Мы увезли с фронта не только груз потерь и утрат, тяжесть гнетущих окопных воспоминаний, а также и память о тех несправедливостях, которые не раз обрушивались прежде всего на солдатские головы...»

Ну, а уж после публикации романа «Прокляты и убиты» стало абсолютно ясно, что для старших поколений астафьевская правда была несвоевременной, неуместной, лишней. Просто помехой.

* * *

По каким направлениям прошел водораздел, который даже фронтовиков развел «по разные стороны баррикад»? Это — отношение к цене наших побед, это — отношение к роли и значению наших полководцев в истории войны и прежде всего к фигуре маршала Жукова, это — представление о будущем России.

Виктор Петрович писал и говорил, что «самая правдивая книга о войне еще пишется, и она будет без дозировки». Вот это-то «без дозировки» как раз и не устраивает, похоже, многих.

Отношение писателя к фигуре Георгия Жукова коренным образом отличается от общепринятого. В письме к своему другу Вячеславу Кондратьеву Виктор Астафьев замечал: «Тот, кто «до Жукова до-

берется», и будет истинным русским писателем... Он, он и товарищ Сталин сожгли в огне войны русский народ и Россию. Вот с этого тяжелого обвинения надо начинать разговор о войне, тогда и будет правда, но нам до нее не дожить...» И в другом месте той же переписки, опубликованной в «Литературной газете» в октябре 1994 года: «Как бездарно и бесчеловечно мы воевали. На пределе всего — сил, совести, терпения. И вышла нам наша победа боком через много лет».

«Достойный выкормыш вождя», «продукт времени — и этим все сказано» — вот астафьевская характеристика четырежды Героя Советского Союза маршала Жукова.

Самый тяжелый разговор — о будущем России. По мнению Виктора Астафьева, оно безрадостно. Если и воспрянет Россия, какая-то ее часть к новой жизни, то это будет уже другая Россия и другой народ, считает писатель.

Единственный пункт, в котором ветераны, расколовшиеся на два лагеря, все-таки сходятся — это резкое осуждение русского нацизма. Впрочем, их отношение к радикальным крайне правым группировкам, исповедующим фашистские взгляды и называющим себя русскими патриотами, вполне объяснимо. Причины их появления антагонисты объясняют опять же по-разному.

Виктора Астафьева обвиняют в том, что позиция, занятая им, «не способствует героико-патриотическому воспитанию молодежи» (фраза из письма членов Пермского совета ветеранов войны, 1987 год).

Сам писатель, обвинявший беллетристов, идеологов да и самих ветеранов в искажении подлинной правды, в нежелании искать эту самую правду, в облегченном отражении истории войны, видел последствия всего этого в появлении новых циников. Для Виктора Петровича тут существовала очевидная связь.

* * *

Нужно отдать дань мужеству солдата Виктора Астафьева, который «попер» почти в одиночку против общественного мнения. «Клеветает на наши славные Вооруженные Силы, сводит «на нет» значение самой святой победы...» В таком духе обвиняли его (а ветераны войны «прикладывали» и покрепче).

В 1990-е годы правда Астафьева была востребована в среде интеллектуалов и либеральной части общества, писатель получил полный «карт-бланш».

А вот ярый оппонент своего однофамильца, почетный гражданин города Перми Герой Советского Союза Василий Михайлович Астафьев сказал, раскритиковав «Проклятых и убитых»: «Мели Емеля, твоя неделя». На данном отрезке общественного развития его, Василия Астафьева, боевого сапера, правда о войне оказалась словно бы забытой, ненужной. Таких как он уже не слушали, не слышали. И этому фронтовику тоже потребовалось немало мужества в отстаивании своей правды.

Нужно сказать, что таких как Василий Астафьев немало. Они честно воевали, заслуженно получили за свои подвиги боевые награды. Для многих из них война, совпавшая с их молодостью, — самый яркий период жизни, связанный со служением Отечеству.

Самая яркая, пожалуй, иллюстрация расхождений в ветеранском корпусе — рассказ двух Астафьевых об одном боевом эпизоде, форсировании нашими войсками Днепра. Один, писатель, упирает на то, что операция не была подготовлена, что сотни и сотни наших бойцов утонули без плавсредств зазря. Другой, сапер, признавая эти многочисленные потери, говорит, что первыми шли добровольцы, что здесь проявился подлинный героизм... (газета «Пермские новости», 23 марта 1995 г., статья «Это будет другая Россия и другой народ»).

Истина, видимо, где-то посередине. Но не каждая птица долетит до этой поистине золотой середины.

Скорее всего, история рассудит по-своему. Великой Победы никому не зачеркнуть, не обесценить. В учебники вошла глобальная правда, она в том, что русские победоносно вошли в Берлин и тем самым спасли старушку-Европу и весь мир от коричневой чумы. Что касается подробностей последней операции войны, «завалил Жуков Берлин трупами наших солдат» или это были неизбежные потери — правду об этом могут сказать только неангажированные специалисты.

* * *

Сам автор «Проклятых и убитых» признавался, что он то и дело находит в себе привычку к прежней жизни, «какое-то согласие с ней». Но в В. П. Астафьеве все сильнее пробивалось желание, как он выразился, «выбраться из-под могильной плиты советской литературы». Определенная публицистичность мышления (наследие «проклятой газеты!»), груз испытаний, перенесенных в сиротском детстве, накладывали свой отпечаток на его творчество.

Было время, когда в школьные хрестоматии включались рассказы В. П. Астафьева о простых героях войны, о связисте-сибиряке, который шел на верную смерть, но знал, за что погибал, и поэтому героизм его был исполнен света.

Позднейшая трансформация во взглядах автора привела к тому, что светоносность подвига человека, положившего «жизнь за други своя», уменьшилась. Не случайно его занимал не сам героизм поступка Александра Матросова, а обстоятельства гибели этого человека, причины, по которым он вынужден был броситься на вражескую амбразуру. В одном из интервью Виктор Петрович даже назвал свои ранние военные рассказы, так или иначе воспевавшие героизм защитника Отечества, «бренчаньем».

Но к одному из своих последних военных произведений, повести «Так хочется жить», о непутевом и ершистом солдате Николаше Хахалине, эпиграфом Астафьев поставил короткую и емкую, как молитва, фразу:

«Во здравие живых, во славу павших побратимов-окопников».

Это его свеча.

С. И. ВАКСМАН

Останутся воспоминания

Разгоняли в ту пору, в 1962 году, нашу нефтяную партию, которая вела поиски нефти в Приморском крае. Куда податься? Варианты: Бухара, Оренбург, Пермь, Элиста. Попал в руки другу моему, Вадику Тихомирову, номер приличного тогда журнала «Молодая гвардия». «Хороший рассказ какого-то Астафьева, название сентиментальное — «Останутся воспоминания». Прочитал я рассказ этот безотрывно. Совпали печаль, разлитая в нем, с моей тревогой о будущей жизни. На фото автор в белой рубашке с отложным воротничком, совсем молодой, смотрит прямо в глаза. В конце текста — «г. Пермь». И это все решило. Так что как мне рассказывать о Викторе Петровиче, не говоря о себе?

На вечере в Доме журналистов я услышал неведомого мне Алексея Решетова, потом шел по метельной Перми, шепча: «Кофточка застенчивого цвета...» В другой раз был вечер одного стихотворения. Выходили на трибуну люди из публики и читали стихи. Среди других — человек нельзя сказать что молодой, простецкое лицо; таких можно встретить в очереди, в трамвае, у заводской проходной. Фамилию я не разобрал. «....служащий».

Я прочту стихи одного английского солдата — Джеймса Клиффорда. Он погиб в сорок четвертом в Арденнах.

*Сижу в кафе, отпущен на денек
С передовой, где плоть моя томилась.
И мне, сказать по правде, невдомек —
Чем я снискал судьбы такую милость.
Играет под сурдинку местный джаз,
Солдатские притоптывают ноги.
Как вдруг — сигнал тревоги, свет погас,
И все в подвал уходят по тревоге.*

Служащий читал наизусть. Голос тихий, с хрипотцой, интонация доверительная.

*А мы с тобой плетемся на чердак,
Я достаю карманный мой фонарик,
Скрипит ступенька, пылью пахнет мрак,
И по тропилам пляшет желтый шарик.*

В бомбардировочные ночи Москвы нас, детей, уводили в полуподвал, и я отгибал, трепеща, уголок шторы. Взрослые по очереди дежурили на крыше нашего дома. А эти двое...

*Ты в чем-то мне клянешься горячо.
Мне все равно — грешна ты иль безгрешна.
Я глажу полудетское плечо.
Целую губы жадно и поспешно.
Я в Англию тебя не увезу.
Во Франции меня ты не оставишь.
Отбой тревоги. Снова мы внизу.
Все тот же блюз опять слетает с клавиш.
Хозяйка понимающе глядит.
Мы с коньяком заказываем кофе.
И вертится планета и летит
К своей неотвратимой катастрофе.*

Я запомнил эту фамилию — Клиффорд — и голос этого служащего. Много позже я узнал, что служащий этот и есть Астафьев. И не зря он не называл себя писателем — служащим он был; и совершенно свободен он

был в своей службе, и начальство у него было одно — люди в очередях, в мехмастерских, рыбаки на весеннем льду...

Может быть, это стихотворение дало начало такой вещи Астафьева как «Пастух и пастушка». Хотя он сам писал, что первой точкой была «Манон Леско» аббата Прево, прочитанная им в ожидании поезда на каком-то полустанке Горнозаводской линии.

Может быть, Виктор Петрович знал и другое стихотворение Клиффорда — «Дежурю ночью»:

*По казарме, где койки поставлены в ряд,
Я иду и гляжу на уснувших солдат,
На уставших и крепко уснувших солдат.
Как они непохоже, по-разному спят.
Этот спит, усмехаясь чему-то во сне.
Этот спит, прижимаясь к далекой жене.
Этот спит, не закрыв затуманенных глаз,
Будто спать-то он спит, но и смотрит на вас.*

*Эти двое из Глазго храпят в унисон.
Этот сыплет проклятья кому-то сквозь сон.
А у этого сны, как подснежник, чисты.
Он — ладонь под щекой — так доверчиво спит,
Как другие не спят. Как спала только ты.
Он, я думаю, первым и будет убит.*

Из этих строчек через повесть весьма ценимого Астафьевым владимирского прозаика Сергея Никитина «Надучая звезда», кажется мне, вырос роман «Прокляты и убиты».

Долго я искал стихи неведомого мне Клиффорда, и оказалось, что принадлежат они ленинградскому фронтовому поэту Владимиру Лифшицу. Похоже, Виктор Петрович так и не узнал этого.

Как и многих пишущих людей (да и непишущих), меня тянуло к Астафьеву. Мне достаточно было быть

поблизости от него, слушать его неторопливую крестьянскую речь, негромкий смех — юмор жизни он чувствовал бесподобно.

Как-то французы переводили биографическую справку о нем. Потом сделали обратный перевод на русский. И получилось: вместо деревни Овсянки «родился на своей вилле Офф-сенка».

Или такой разговор.

— Про что пишете, Виктор Петрович?

— Да все про то же — про отцов и детей.

— А конкретнее?

— Конкретнее — и те, и другие сволочи.

Сам Астафьев, может быть, не из особого интереса ко мне, а по любознательности, несколько раз в издательстве пристраивался к столу Нади Гашевой, с которой я любил делиться диковинными геологическими историями из сводного тома реферативного журнала, читавшегося в те молодые годы как собрание сочинений Жюль Верна. Однажды он даже из коридора пришел, когда я рассказывал о том, что скважины на быстро растущих голоценовых рифах Тихого океана вскрыли пласт второй мировой войны — с обломками самолетов и кокосовых орехов. Может быть, ему нужны были какие-то реалии для образа геолога в «Царь-рыбе», который все-таки получился, честно сказать, картонным.

Несколько раз я случайно встречался с Астафьевым в книжном магазине на улице Ленина.

— Что купил?

— «Алису в стране чудес», перевод Демуровой.

— У меня дети-то уже выросли.

— Эта книга больше для взрослых. «Жизнь становилась все страньше и страньше».

— Не успеваю читать то, что дарят.

В другой раз он почему-то показал мне несколько своих фотографий: какая подойдет для «Роман-газеты»?

У меня дыхание перехватило: Астафьев со мной советуется! Надо сказать, что в те годы известность его только начиналась. Владимир Радкевич сказал ему, когда курили в перерыве встречи с латышскими писателями: «Ты, Витя, теперь из колоды уже не выпадешь». Он имел в виду, конечно, обойму писательских имен в обзорах «Литгазеты». Мне кажется, что в Пермь, именно к Астафьеву уже тогда тянулись и столичные литераторы. Марк Соболев поведал тогда о лучшем, по мнению Константина Симонова, военном стихотворении, и, помнится, Виктор Петрович с этим согласился. Он, как известно, страстно любил стихи и составил свою антологию. Но это стихотворение в шесть строчек из дивизионной газеты Ленинградского фронта, подписанное без инициалов безвестным лейтенантом Аракчеевым, осталось только в памяти тех, кто его тогда услышал:

*Болото помню, где мы спали стоя,
Где от застоя дохли комары.
Здесь не желали даже рваться мины,
А шли на дно, пуская пузыри.
И если б не было за ним Берлина,
Мы б никогда сюда не забрели.*

— Вот как писать надо! Нам мешает провинциальность мысли. Мы все повторяем друг друга. Борис-то Ручьев в своем Магнитогорске никого не повторяет! А в Перми нет крупных писателей. Нет! Пермское отделение растет вширь, а не вглубь. Сергей Антонов сказал: «Если бы тексты пермяков были на уровне картинок, цены бы им не было». Пьют, курят, не надсаживают себя работой. Книжки-то сырые. «По земле ходить не просто», «Счастье рядом» — все эти книги о счастье пустотелые. Хорошую книгу невозможно зажать. Пример — Василий Белов из вологодской деревни Тимони-ха, «Привычное дело» в журнале «Север».

— Сейчас ведь во многих местах писательские секретари из обкомов не выходят. Там целыми отделами

рукописи читают. Слава Богу, мы от такой опеки избавлены, у нас Европа. Мы обратились в обком по поводу отношений с издательством, дав ему срок. Нас поддержали. Почти всем дали квартиры. Хотя писать книги со счастьем на обложке — плевое дело, а издавать — еще плевее. Нужна работа и работа, чтобы приблизиться к лучшим вещам. Маршал Конев недоволен такими книгами, как «Убиты под Москвой» Воробьева, «Мертвым не больно» Бакланова. «Как же так, — говорит Конев, — я провел великолепную кировоградскую операцию, а вы печатаете «Мертвым не больно». Там, — говорит, — есть правда, но — окопная!» А правда-то только одна бывает!..

Это записи от марта 1967 года. У Астафьева простецкое лицо — лицо человека толпы, серый пиджачок, зеленая рубашка с белыми пуговицами. Только что вышли «Где-то гремит война» и «Кража».

— Оно, конечно, тоска по спокойной жизни естественна для человека. «Вы, русские, любите у себя дома бить посуду и рвать на груди рубаху, — сказал мне один югославский писатель, забыл фамилию. — Со стороны это смешно, но мне нравится. А на Западе каждый копается в своей норке».

Не знаю, как другие, но я все время чувствовал присутствие Астафьева. Однажды Алексей Домнин сказал мне:

— Вите понравилось твое стихотворение.

— Ка-кос? Не может быть!

— *«Вхожу в село, ищу себе ночлег,
Его в селе найти нетрудно вроде,
Все избы одинаковы, у всех
Шатром стропила, баня в огороде...»*

И вдруг! Партийная газета «Звезда» печатает большую статью Астафьева «Под одной крышей» о сборнике «22 поэта», где многим досталось — и мне тоже:

«У Семена Ваксмана в стихах — и «Мелодия Гершвина», и «Издательство «Артия», и «Хромой Магеллан» со шхуной своей «Тринидад», и «Улисс и Итака», и «С перстами пурпурными Эос». Как у дядюшки Якова — товару всякого, вот только поэзии кот наплакал». Правда, компания у меня была хорошая: «Два стихотворения Алексея Решетова — «Пора замаливать стихи» и «Ах, Пушкин, Пушкин...» —, пожалуй, могут соперничать с произведениями тех авторов, что из кожи лезут, лишь бы выглядеть «оригинальными». (Через много лет Виктор Петрович изменит оценку решетовских стихов.)

— А ведь Астафьев, может быть, и прав, — горестно размышлял я. — Чем он силен? Свободой, полным доверием читателю: вот я плачу слезами — и ты со мной плачешь, я смеюсь — и ты со мной хохочешь! Сегодня он говорит: «Да как же писать надо, когда на тебя смотрят Пушкин и Толстой», а завтра: «Толстой не знает, чего я знаю». Такой он есть человек. Ему можно называть рассказ «Ария Каварадосси»! А может быть, Пушкин рассудит: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Но тогда получается, что если я не графоман, то Астафьев не прав. Я сам решаю, о чем и как мне писать. Как точно было сказано бездомным Осипом Мандельштамом в первую годовщину гибели человека, наступившего «на горло собственной песне»:

*Я пью за военные астры, за все, чем корили
меня,
За барскую шубу, за астму, за желчь
петербургского дня,
За музыку сосен савойских, Полей Елисейских
бензин,
За розу в кабине рольс-ройса и масло
парижских картин.*

Я пью за бискайские волны, за сливоч-
альпийских кувшин,
За рыжую спесь англичанок и дальних
колоний хинин.
Я пью, но еще не придумал — из двух
выбираю одно:
Веселое асти-спуманте иль папского
замка вино?

Мне кажется, Виктора Петровича тоже томила «тоска по мировой культуре». Ведь он, всю жизнь проживший, по слову любимого им критика Александра Макарова, «во глубине России» — в Перми, Вологде, Красноярске — именно мировой, а не только национальный писатель. Били-то его и справа, и слева. Как капитан Ахав из мелвилловского «Моби Дика», он бросил вызов злу, ненависти, войне и сказал все, что хотел — «с последней прямотой». В «Ночи космонавта» он взлетел над Землей и опустился на Землю, и увидел небо из сибирской тайги, как пашню, засеянную звездами, и спасательный вертолет шел на свет затепленной на поляне свечи, и никаких границ не было ни в небе, ни на Земле.

Ю. Г. БОБКОВА

**Живое слово народной речи
в художественном стиле В. П. Астафьева**

Диалектное слово организует один из стилевых пластов художественной речи Виктора Пестровича Астафьева. Включенное в пространство текста живое слово народной речи, сохраняя колоссальную культурную энергию, вступает в сложные структурно-семантические взаимоотношения с различными текстовыми уровнями, благодаря чему снимается территориальная ограниченность его функционирования.

В цикле «Затеси» диалектное слово вынесено в заглавие, а значит, является элементом формы, с одной

стороны, и смысловой и эмоциональной доминантой содержания — с другой. Возможности интерпретаций текстов цикла, обусловленные открытой смысловой структурой, следующие: от заметок на память до «укоренения в землю» и утверждения тождества человека и природы.

Диалектные слова в художественных текстах функционально делятся на две группы: в речи героев (к этой же группе относится косвенно-прямая речь) и в авторской речи. Речь героев в рассказах «Жучина» и «Паруны», связанных с пермским топосом, характеризуется диалектными особенностями всех языковых уровней при активном взаимодействии явлений, свойственных как пермским, так и сибирским и вологодским говорам.

В авторской речи также наблюдается размытость границ функционирования диалектизмов, что объясняется признанием универсальности традиционной культуры, зафиксированной в языке.

Приемы введения диалектного слова в авторскую речь различны (пояснения значений, ссылки на народную речь и др.), однако за ним всегда сохраняется содержательно важное место в структуре текста: Астафьев делит текстовое пространство концептуально важными вехами повествования, отмечая их народным словом.

Органично вошедшее в художественную речь Виктора Петровича Астафьева диалектное слово обслуживает три важнейшие составляющие жизни людей: принадлежность к определенной местности и принципиальную территориальную разомкнутость; образ жизни, по преимуществу трудовой, с соответствующими названиями предметов быта, орудий труда, природных явлений и т. п.; особое мироощущение, мировосприятие, миропонимание, наивное и сущностное, глубинное, мудрое, сформированное веками и передающееся от поколения к поколению посредством живого народного слова.

Л. М. МАРАКОВА

Творчество В. П. Астафьева как выражение русской души

В годы кризиса культуры, в атмосфере идейного безбожья, когда распадаются прежние устои и идеалы, изменяются моральные, социальные, этические, политические принципы, снова возникает интерес к русской идее.

«Новая русская литература засомневалась во всем без исключения: любви, детях, вере, церкви, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости... Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к «грязному» слову, мату как детонатору текста...» — пишет критик В. Ерофеев.

В этих условиях, когда все шатается, когда почва уходит из-под ног, хочется опереться на что-то устойчивое, обратиться к основам национальной жизни, по-новому осознать своеобразие русского национального характера.

Таким выражением русской души стало творчество В. П. Астафьева и прежде всего самое сокровенное его создание — повесть в рассказах «Последний поклон». Повесть эта композиционно напоминает коллективную деревенскую фотографию, когда в одной рамке собраны снимки всех членов большой семьи, рода: бабушки, деда, теток, дядьев, братьев, сестер, многочисленных родственников. О такой фотографии пишет Астафьев в рассказе «Фотография, на которой меня нет»: «Деревенская фотография — это своеобразная летопись нашего рода, настенная история его».

В повести «Последний поклон» собраны все основные ценности русского человека: дом, семья, дети, природа, родина; выявлены главные черты русского национального характера, русской души: человеческая доброта, совесть, умение терпеть, умение быть

благодарным, память об ушедших, вера в Бога, неисчерпаемое трудолюбие.

В этом смысле очень важны зачины к первой и второй частям повести. В них сосредоточены идеи, которые становятся ключевыми для всего цикла. Так, в первой части это мысль музыканта Васи — поляка, живущего на чужбине, — о родине: «Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина — он еще не сирота».

Вторая часть начинается рассказом «Мальчик в белой рубаше», где возникает тема вечного материнства, вечной вины матери, потерявшей ребенка. Эта материнская любовь не прекращается никогда: «Сорок с лишним лет минуло, но все слышит мать ночами легкие босые шаги, протягивает руки, зовет, зовет и не может дозваться маленького сына Петеньку. И сон ее кончается всегда одинаково: ввысь, по горной дороге, меж замерзших хлебов, осиянный солнечным светом, уходит и уходит от нее маленький мальчик в белой рубаше...»

В. П. Астафьев показывает нерушимость, незыблемость духовных основ бытия, он утверждает: пока есть дом, бабушка, которая любит своих детей и внуков, молится за них, — в жизни есть смысл и счастье. «Буря пролетела над землей, смешались и перепутались миллионы человеческих судеб, исчезли и появились новые государства, фашизм, грозивший роду человеческому смертью, подох. А тут как висел настенный шкафчик из досок и на нем ситцевая занавеска в крапинку, так и висит; как стояли чугушки и синяя кружка на прищечке, так они и стоят; как сидела бабушка на скамейке с привычным делом в руках, так и...»

• В повести передано ощущение счастья, полноты жизни мальчика из бедной сибирской деревни. Здесь возникает модель подлинно гармоничного бытия, построенного на основах высокой человечности.

Темы, о которых шла речь выше, остаются ведущими на протяжении всего творчества В. П. Астафьева.

Трагическое звучание они приобретают в последнее

десятилетие XX века. Боль, страдание, чувство вины за человека и родину — тоже черты великой русской души писателя. Обратимся к одному из последних рассказов писателя «Пролетный гусь», опубликованному в «Новом мире» в 2001 году и ставшему, по сути, завещанием писателя. Это, может быть, самое жестокое и трагическое из произведений писателя.

Рассказ строится на последовательном отрицании и разрушении краеугольных камней, самых значимых ценностей бытия в художественном мире Астафьева.

Нет родного дома у молодых героев рассказа Марины и Данилы, умирает их ребенок, затем уходит из жизни сам Данила, повесилась его жена Марина. Бесчеловечной жизни не нужна семья. В рассказе нет природы, пейзажа, где могла бы отдохнуть человеческая душа, — пространство искажено, испорчено, превращено в свалку.

Самое страшное — герои не нужны родине, они лишние в этом мире. Природа, родина перестают быть близкими человеку; ни природа, ни родина уже не являются ему матерью.

Эта тема страшного одиночества человека подчеркнута символическим образом пролетного гуся. Одинокий гусь, оторвавшийся от стаи, погибает. Здесь уместно вспомнить рассказ «Гуси в полынье» из повести «Последний поклон». Оказывается, гуси не могут жить в одиночку, а только семьей, стаяй. Попавшие в ледяную полынью птицы борются за жизнь, выполняя приказ матери-гусыни: «Быть всем вместе! Держаться ближе ко мне!»

Трагический и жестокий рассказ Астафьева стал последним его призывом вернуться к национальным основам русской жизни.

Таким образом, творчество В. П. Астафьева именно сейчас, в пору нравственного вакуума, необходимо читателю: оно дает ему духовную опору.

В заключение отметим, что произведения Астафье-

ва востребованы молодым читателем. Доклады по творчеству писателя все чаще звучат на научно-практических конференциях школьников и студентов. Такие работы есть и в нашей школе (см. *приложение*).

Значит, жизнь героев русского писателя В. П. Астафьева «беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта».

Приложение

Ирина Федотова,

учащаяся 10-го класса школы № 15

Тема сиротства в рассказе В. П. Астафьева «Пролетный гусь»

Тема сиротства — основная в творчестве В. П. Астафьева. Она звучала уже в первых его произведениях («Кража»). Она присутствует и в 1970-е («Царь-рыба»), и в 1990-е годы («Людочка»). Творчество Виктора Астафьева автобиографично: он сам был сиротой (его мать утонула в Енисее, когда мальчику было 7 лет).

Отметим, что тема сиротства сегодня очень актуальна. Когда рушится уклад, просуществовавший много лет, перед государством вновь встает проблема беспризорности. Мы постоянно слышим о ней по радио и телевидению.

В своей работе мы обращаемся к последнему рассказу Виктора Астафьева «Пролетный гусь». Здесь тема сиротства воплощена особенно проникновенно и трагично.

Можно сказать, что это произведение — завещание Астафьева. По сути, все герои рассказа по-своему сироты.

Сирота — это человек без семьи, без родственников, без матери.

В рассказе Виктор Астафьев показал разные типы человеческого одиночества, сиротства.

В центре внимания молодая семейная пара, Марина и Данила. Это люди трудной судьбы, которых жизнь прибывает друг к другу.

Автор показывает трагизм их совместной жизни. Даже в семье, любя друг друга, они остаются сиротами, жертвами жестокой жизни.

Кульминацией рассказа становится смерть их сына, Аркаши. Этот ребенок изначально обречен, вечное сиротство — его удел.

Другой тип сиротства показан в образах семейства Мукомоловых. По внешним представлениям они счастливая семья без признаков сиротства. Но на самом деле у героев нет чувства семьи, а самое главное — они лишены чувства любви к матери.

Очень важен образ матери Виталии Гордеевны. И мать может быть сиротой!

Она брошена своими детьми и теряет чужого ребенка, которого любит.

У героев рассказа нет корней, нет родни.

Не случайно ключевым образом становится пролетный гусь, именем которого назван рассказ. «Пролетный» — то есть без стан, одинокий, затерявшийся в пространстве.

Таким образом, рассказ — завещание великого русского писателя, «последнего классика» русской литературы — становится призывом к любви, состраданию, соблюдению христианских заповедей.

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕКЦИЯ

Т. Я. АНИСИМОВА

В. П. Астафьев в письмах к Л. И. Кузьмину: штрихи к портрету

В декабре 2001 года в Перми был открыт первый литературный музей — музей писателя Льва Кузьмина при областной детской библиотеке. Он насчитывает свыше 1000 экспонатов: подлинные документы, фотографии, личные вещи, письма, черновики его произведений и т. д. Среди них — документы, связанные с именем В. П. Астафьева. Их немного: три письма, поздравительная открытка к 60-летию Льва Ивановича и книга Виктора Петровича «В тайге, у Енисея» с его автографом. Письма написаны в разное время, по разному поводу, разные по объему: три письма из Вологды, открытка и книга из Красноярска. Первое из писем датировано 23 марта 1969 года, последняя корреспонденция — 1 февраля 1988 года.

В. П. Астафьев и Л. И. Кузьмин почти ровесники: первый родился в 1924 году, второй — в 1928. Виктор Петрович старше на четыре года и... на целую войну.

И тот, и другой родились и провели детство в сельской глубинке: Астафьев — в деревне Овсянка Красноярского края, Кузьмин — в деревне Задорино Костромской области. Виктор Петрович рано осиротел, жил у

бабушки с дедушкой, затем в детском доме. Лев Иванович в еще более раннем возрасте потерял отца, много страдал от отчима, спасался от него у двоюродной бабушки Августы Андреевны Широковой, бабушки Асти, героини многих его рассказов.

Разница в целую войну определила место каждого из них в Великой Отечественной: Астафьев воевал на фронте, четырнадцатилетний Кузьмин после окончания 7-го класса в 1942 году пошел работать в МТС механизатором. Предварительно закончил краткосрочные курсы под Рыбинском, куда по ночам прорывались немецкие самолеты и бомбили наши села и города.

Ни один из них не имел не только благополучного детства, но и добротного классического образования, интеллектуального окружения. Всю жизнь оба сами образовывали себя. И в том, и в другом рано проснулось желание стать писателем, которое подкреплялось трудолюбием, постоянным самообразованием, умением сопереживать другим, высокими моральными принципами, наконец, литературным талантом.

По случайному совпадению одинаковые причины приводят их в Пермь (Пермскую область). В. П. Астафьев в 1945 году, после демобилизации, приезжает в город Чусовой, на родину своей жены Марии Семеновны. Лев Иванович с молодой женой выбирают Пермь местом своего постоянного жительства в 1956 году — здесь жили сестры Марии Григорьевны.

В. П. Астафьев давно и прочно вошел в число лучших русских писателей современности. Стоит, наверное, сказать и о том, что творчество Л. И. Кузьмина вышло далеко за пределы Пермской области: его много издавала Москва, печатали центральные детские журналы, за рубежом на разных языках выходили как книги, так и отдельные стихи, сказки, рассказы.

Можно предполагать, что определенная общность судеб сближала их, делала интересными друг для друга. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы по-

зволяют говорить о дружеском характере их взаимоотношений.

Как уже было сказано, первые письма написаны в Вологде, куда В. П. Астафьев уезжает из Перми в 1969 году. В это время уже вышли такие известные его книги, как «Кража» (1966), «Где-то гремит война» (1967), в 1968 году начал публиковаться «Последний поклон». Он известен в стране. У Льва Ивановича тоже выходят первые сборники: «Апрель» (1963) — стихи для взрослых — и детская книжка «Кто что умеет», о которой сам он писал, что «в этой книжке оригинального, «кузьминского» было еще мало». Как для любого начинающего литератора, для Кузьмина важна была поддержка братьев-писателей. В неопубликованной автобиографии «О себе» он пишет: «Из пермских же писателей, поэтов особо дружественны всегда были ко мне Алексей Домнин, Владимир Радкевич, Борис Ширшов. Алексей Михайлович Домнин... пожалуй, первым в Перми углядел, что я могу писать для детей». И далее: «...в 1969 году, во время одной из поездок в Москву, В. П. Астафьев передаст мои рукописи со стихами-сказками тогдашнему главному редактору «Мурзилки» Анатолию Митяеву...» В мартовском номере 1969 года «Мурзилка» впервые печатает стихотворение Л. И. Кузьмина «Звездочеты».

Именно о событиях, связанных с «Мурзилкой», и пишет в письме, датированном 23 марта 1969 года, Виктор Петрович: «Твои рукописи я отправил Митяеву по почте, предварительно свозив их в Киев. Дело в том, что на пути (в киностудию) я в Москве был очень мало и Толи Митяева не застал, а отдавать рукописи в случайные руки не захотел — почта вернет. Дай Бог, чтобы и у этих рукописей была такая же судьба, как и у предыдущей!»

Тема «Мурзилки» находит продолжение и в письме от 2 июня 1969 года, где Виктор Петрович советует Льву Ивановичу поехать в Москву и обратиться прямо к А. Митяеву: «Ему нравятся твои вещи, и он писал мне,

что будут их печатать и хотел бы увидаться и поговорить с тобой».

С легкой руки В. П. Астафьева Л. И. Кузьмин стал постоянным автором «Мурзилки»: с 1969 года вышло более семидесяти номеров журнала со стихами, сказками и рассказами Кузьмина. Журнал отметил 70-летие писателя и наградил его шутиливой керамической медалью «За верность «Мурзилке». К 70-летию журнала выпущена книга «Путешествие с Мурзилкой», где опубликовано, по словам художника А. Каневского, «самое интересное», что было напечатано в журнале за семьдесят лет. Наряду с именами В. Астафьева, Е. Чарушина, В. Берестова, А. Гайдара, Ю. Казакова, В. Драгунского, К. Чуковского, С. Михалкова, Д. Хармса находим и имя Л. Кузьмина. И все началось с В. П. Астафьева.

Возвращаясь к письму от 23 марта 1969 года, необходимо сказать, что Виктор Петрович не ограничивается деловой информацией. Затронутая тема становится поводом для рассуждений об оценке писателем своего творчества: «Писатель должен уметь и радоваться удаче, и огорчаться, если что-то не получилось, — это признак здоровой эмоциональности, а эмоциональные люди, как правило, талантливы». Развивая далее эту тему, Астафьев пишет о самом Кузьмине: «...с такой застенчивостью и оговорками пишешь о своей радости. Зная тебя, хоть и немного, уверен, что не завертится у тебя голова и удача творческая пойдет только на пользу дела, а не на фарисейство и игру в литературу, как это случалось уже не с одним даровитым пермяком.

Похвала и удача должны удваивать силы в работе и еще большую ответственность за нее придать: литературная удача не детская игрушка, от которой визжат и прыгают, забывши обо всем на свете, и прежде всего о деле, ради которого и дал бог какую-то искру из своего нетленного костра. А искре свойственно гаснуть от личного и неосторожного с нею обращения».

В. П. Астафьев и далее продолжает следить за творчеством Л. И. Кузьмина и радоваться его успехам. «Рад, что дела твои так хорошо развиваются и ты неуклонно идешь вперед» (Письмо от 3 июля 1971 года.).

Искренней теплотой и радостью за коллегу проникнут автограф В. П. Астафьева на книге «В тайге, у Енисея»: «Дорогой Лева! Хотя ты уже и седой, а по мне все еще молодой, таким и будь, и прими мой поклон с Енисея. Я тебя помню всегда и радуюсь, что ты состоялся как личность и как писатель...»

Обращение Астафьева к Кузьмину обычно «дорогой Лева», надпись на конверте «Кузьмину Льву», только единожды шутливое — «Кузьмину Лева Ивановичу». Подписывался же «Виктор Петрович», реже — «В. Астафьев». Это говорит о том, что некоторая дистанция (может быть, в те самые четыре года войны) все же существовала. В то же время Астафьев просит писать чаще, что свидетельствует о потребности в подобном общении.

О себе и своей жизни Виктор Петрович пишет довольно скупно. Чаще всего это информация о своих поездках.

Письмо, датированное 23 марта 1969 года: «Завтра ночью думаю в Москву, на редколлегия «Современника» и по кое-каким своим литературным делам».

2 июня 1969 года: «Собираюсь в конце июля в Сибирь, до этого на денек-другой заеду в Пермь, затем в Свердловск, Новосибирск и Красноярск. В родную деревню, на Енисей, — они еще умеют лечить нас от душевных недугов, и больше никто и ничто. Москва, наоборот, добавляет мути в душу. С ней, с мутью этой, вот и вернулся, и надо несколько дней отхаркиваться...»

3 июля 1971 года: «Ответить тебе не мог долго оттого, что был во Сибири, и вот вернулся».

1 февраля 1988 года: «...везу завтра книгу в «Москву». (Речь идет о «Последнем поклоне».)

Кроме этой своей книги упоминает только раз еще одну: «Сегодня в «Книжном обозрении» видел, что вышел «Дядя Кузя» в Перми».

Первое из писем написано вскоре после переезда Астафьевых из Перми в Вологду, и впечатления от нового города отразились в нем: «По тону письма ты, надеюсь, понял, что мне здесь нравится, и я уже выпустил спертый воздух из груди, и дышится мне легче. А главное, меньше стала болеть голова, и я в состоянии и писать, и читать, и даже выпивать иногда для бодрости духа». Делясь первыми приятными впечатлениями о Вологде («Народ здесь, как и город, простецкий и добродушный», «Ни разу мне никогда не нахамили, даже в военкомате», «Писатели в Союз ходят по делам, а не пьют в нем...» и т. д.), Виктор Петрович невольно сравнивает ее с Пермью, к нашему сожалению, не в пользу последней. Вопрос болезненный и для Астафьева, и для пермяков, но факт остается фактом: Пермь не стала для него родным домом, хотя остались в ней люди близкие, приятные, которым через Кузьмина Виктор Петрович шлет поклоны. Это Леша Домнин, Андрюша Романов, Володя Радкевич, Боря Ширшов, Александр Николаевич Спешилов. По сути дела, это те же лица, о которых говорил и Кузьмин, то есть можно предположить, что круг общения в пермской писательской среде был у них один.

Несколько строк одного из писем Виктора Петровича посвящены еще одной теме, важной для обоих писателей, — рыбалке. Астафьев пишет: «Ездил трижды на рыбалку. Осваиваюсь потихоньку. Но главная рыбалка впереди: в апреле на Кубенском озере будем ловить нельму. Поэтому я сейчас стараюсь прикончить все свои срочные дела и высвободить больше времени для рыбалки...»

Названные документы, естественно, не создают полного портрета незаурядной и сложной личности Виктора Петровича Астафьева. Но когда речь идет о людях

такого масштаба, важно выявить и сохранить все документы и донести содержащуюся в них информацию до широкой аудитории.

Г. В. ВЕРШИНИН

Поводырь российской глубинки

Из отдельных эпизодов моей поездки в Овсянку, из наблюдений за писателем в кругу семьи и среди гостей у меня сложился — и довольно-таки устойчиво — образ эдакого балагура, неунывающего шалопута с простовато-мужичьим обличьем, не признающего изысканные манеры. И этот стереотип бодрячка из народа как-то в одночасье рухнул. Или точнее: Астафьев открылся для меня в тот вечер с совершенно другой стороны. Это было незадолго до моего отъезда. После ужина я, как обычно, с головой уходил в чтение, благо, возможностей для этого в домашней библиотеке писателя, ставшей на неделю моей спальней, было достаточно. Сажу я, читаю. Подходит Виктор Петрович.

— Что, Гена, читаешь?

— Вот, воспоминания Марьи Семеновны о Николае Рубцове.

— Да... Светлые у Коли стихи. Светлые и печальные.

Виктор Петрович присел к столу. И тут как-то сам по себе у нас зашел разговор о поэзии и поэтах. Астафьев прочел наизусть пушкинское «Я вас любил», заметив после этого:

— Любовь и женщина движут поэзией.

О Пушкине он говорил с особым почтением, рассказывая такие подробности его биографии, каких в школьном учебнике не встретишь. Вообще у Астафьева исключительная память. Он перечислил фамилии художников, рисовавших Пушкина. С большой симпатией отзывался Виктор Петрович и о «полубоге» Лермон-

тове, о Баратынском, об испанском поэте Хименесе, лауреате Нобелевской премии.

— А как вы относитесь к Высоцкому?

— Высоцкий — временное явление, дань эпохе. С годами поклонников у него поубавится, хотя в свое время он был нужен. Но стихи у него слабые. Мне от силы два-три стихотворения нравятся.

Услышав такой отзыв, я, выросший с песнями Высоцкого, «полез в бутылку»:

— Виктор Петрович, как же так? А его песни из военного цикла? Помните строчки: «Для меня будто ветром задуло костер, когда он не вернулся из боя»? Какой образ, сравнение, а? Вам как фронтовику наверняка должны быть близки эти строки.

— Образ, сравнение... Уходить надо в стихах, да и в прозе, от красотостей. Ты посмотри, как у Тютчева написано. — Виктор Петрович взял с полки книгу. — Вот послушай:

*Не рассуждай, не хлопочи...
Безумство ищет, глупость судит.
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.
Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего жалеть? О чем тужить?
День пережит — и слава Богу.*

— Смотри, как все просто и ясно сказано. В стихах должна быть абсолютная точность. А еще вот послушай:

*Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томных легкий
шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею*

*И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможение — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.*

— Божественной стыдливостью страданья... — как бы про себя повторил Виктор Петрович. — Чудесные, пронзительные строки! Я у себя в Овсянке частенько беру, перечитываю Тютчева. Иной раз такое скверное настроение, а почитаю — и так отрадно на душе становится.

Из современных поэтов Виктор Петрович выделил Николая Аушева и Ольгу Постникову из Костромской области:

— У Николая есть замечательные стихи о лошади. А с Олей я встретился в день, когда мне вручили премию Шукшина. Ну, думаю, подойдет девица в обтянутых джинсах, намакияженная, а передо мной предстала скромная девушка в вышитой рубашке, без всякой «штукатурки». И стихи у нее такие же простые, искренние. На днях получил письмо со стихами от внучки Матвея Савинцева, героя моего первого рассказа «Сибиряк». Умница. Добротные стихи. От поэзии сейчас ей уже не отстать, только вот что ее ожидает за литературным углом?.. — В вопросе, заданном скорее самому себе, сквозила тревога.

Тепло вспоминал Виктор Петрович и о своих встречах с Булатом Окуджавой, сборник стихов которого с дарственной надписью стоит в книжном шкафу на самом видном месте:

— При встрече Булат всегда дружески бодал меня головой. И про здоровье никогда не спрашивал: дескать, раз встретились, значит, живы, и нечего тут про здоровье спрашивать.

Часа полтора мы говорили о поэзии. Я-то больше

слушал, поражаясь тонкому чутью литератора-прозаика на хорошие стихи, его доскональным знаниям творчества и классиков, и современников — наших и зарубежных. И когда я сказал ему об этом, Виктор Петрович хитро усмехнулся:

— Ну, так я же профессионал.

— Вот почему вы любите смотреть фильмы про Колумбо! Тот тоже под простачка «косит», а в самом деле непревзойденный специалист, профессионал до мозга костей, — осмелился я на сравнение.

— Так Вася Шукшин в сапогах ходил, а такое выделял! — с улыбкой отреагировал Виктор Петрович. И, вставая, уже серьезно добавил: — Да... Мы-то с тобой проговорили, почитали стихи. А часто ли нынче открывают добрую книгу? Людям сейчас абсолютно не до поэзии...

Как я пожалел, что во время нашей беседы не включил диктофон! Ведь я передал (и то весьма приблизительно) лишь малую толику из того, о чем рассказывал Виктор Петрович. А это была прекрасная лекция о поэзии — живая, не академическая, с яркими примерами и житейскими историями из биографии Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Рубцова. И какая неповторимая, доверительная интонация! Потому-то, с первых минут увлекшись беседой, я совершенно забыл о диктофоне...

Наутро, увидев меня с тем же томиком стихов Тютчева, Виктор Петрович заулыбался:

— Что? Раззадорил я тебя вчера?

А мне было не до смеха. После вчерашнего разговора меня взяла оторопь: до чего же я еще «зеленый», как много не знаю, сколько не прочитано нужных книг! И оставшись один, я совсем другими глазами оглядел астафьевскую библиотеку. Достоевский, Тургенев, Лесков, Шишков, Солженицын, Замятин, Соллогуб, Гумилев, Данте, Рабле, Моруа, Ремарк... Да разве перечислить всех авторов, стоявших «плечом к плечу» на полках под стеклом книжных шкафов! А сколько же специальной лите-

ратуры — от «Говор Среднего Приобья» до «Истории и дипломатии» и книг по искусству! Отдельный шкаф занимают книги из серии «Жизнь замечательных людей». Кстати, собирать и читать книги серии «ЖЗЛ» — в недалеком прошлом любимое занятие писателя.

С книжных полок меня пристально разглядывали классики, и мне показалось, что кто-то из них произнес: «Да, брат, немало надо перелопатить словесной руды, чтобы извлечь из нее ценную породу».

То ли Виктору Петровичу самому захотелось в тот вечер окунуться в лирическую волну поэзии, то ли он почувствовал, что мне как журналисту недостает какого-то штриха, изюминки для будущего очерка, но я бесконечно благодарен Астафьеву за «поэтический вечер для двоих». Он мне запомнился на всю жизнь.

...Теперь, «когда на сердце тяжесть», я включаю магнитофон с подаренной Виктором Петровичем кассетой. На ней записан романс (музыка Владимира Пороцкого) на стихи Астафьева. Да, не удивляйтесь: закоренелый писатель-прозаик в душе всегда оставался поэтом. И стихи не могли не родиться. Вчитайтесь в эти идущие от сердца строки:

*Над Енисеем осени круженье,
И листья светло падают в реку.
И острова плывут, как листьев отраженье,
А сердце рвется вслед прощальному гудку.
Тревоги нет, а лишь тоска. И горе
Листом увядшим над рекой кружит.
И не слезой, а песней о далеком море
В краю полночном память, память
прозвучит.*

Припев:

*Ах, осень, осень, зачем так рано,
Зачем так скоро прилетела ты?
Зачем ты утренним туманом
Закрыла летние цветы?*

*И улетают птицы, нами не добытые,
И в небе стон стоит, прощальный стон —
То пролетают годы, нами не дожитые...
Над Енисеем листьев, листьев перезвон.*

Припев:

*Ах, осень, осень, зачем так ярко,
В час угасанья ярко светишь ты?
Зачем в груди так холодно, так жарко
От неизбывной красоты?*

Разумеется, не все время Виктор Петрович был человеком словоохотливым и открытым, свойским, сыплющим байки налево и направо. Бывает, выйдет из кабинета усталый, прошаркает грузно до кухни, и такой же молчаливый, сосредоточенный, весь ушедший в себя, вернется обратно к своему письменному столу. Работы у него, конечно, уйма, и наверняка наш с Секлетой (няней детей Астафьевых в 1950-е годы. — Г. В.) приезд оторвал его от каких-то срочных дел, которые потом придется навестывать. Но ни разу Виктор Петрович ни словом, ни взглядом не выказал нам упрека.

Бывал Виктор Петрович и рассерженным. Как-то разговорились о работе культурных учреждений.

— Вот как у нас по-советски все делается! В выходные дни музеи закрыты. Это так же, как ко мне однажды профессор из Женевы приезжал. Что-то мы с ним заговорились, проголодались, кинулись в столовую, а она — в самое обеденное время — закрыта. Я тогда его к себе в Овсянку затащил, купив предварительно колбасы да еще кое-чего...

И совсем Астафьев был непримирим, когда люди безжалостно относились к природе. Впрочем, эта проблема наиболее полно отражена в «Царь-рыбе», где каждая строчка вызывает к разуму человеческому, молит о бережном отношении к природе, ко всему живому на земле.

Мария Семеновна дала посмотреть семейный альбом с любительскими фотографиями. Сижу, вглядываясь в пожелтевшие черно-белые снимки. Ко мне подсел Виктор Петрович:

— Ну-ка, ну-ка, что там у тебя? Так это коллектив редакции «Чусовского рабочего». Вон Гена Блинов, а это Серега Балахонов... Кстати, дружный коллектив в ту пору был, непьющий. Один раз мы, правда, что-то отметили да прошлись по городу с песнями — сколько потом разговоров-то было. Досталось нам от Григория Ивановича Пепеляева (редактор «Чусовского рабочего» в 1950-х годах. — Г. В.). А это мы с Васей Беловым, а тут с Женькой Носовым. Что там дальше? Встреча с фронтовиками, а это выпускники литературных курсов. Как много уже умерло нашего брата... Феди Абрамова нет. Вот он стоит. Верочки Пановой тоже нет. А какие были молодые... Здесь мы на рыбалке у Вильвенского моста. Вон и Марья Семеновна. Сколько я ей доставлял хлопот! А вот поди ж ты — переждет, приткнется ко мне и опять счастлива... Тут на море отдыхаю. Девочка? Да из отдыхающих, дочь чья-то. Возле меня почему-то всегда крутилась ребятня. Да и я любил поиграть с детьми... Ну тут видно же, что я поддатый, так ведь нет — лезут с микрофонами. Это я в Болгарии был. А вообще-то, многих из нас сгубила пьянка... Это мы с Володией Радкевичем. В ту пору он, пожалуй, был самым заметным в пермской писательской организации.

Нашел я в альбоме и известную фотографию Астафьева — рыбака со щукой, — обошедшую позднее многие центральные журналы и газеты. А снимал его наш земляк Виктор Семенович Хорошавцев после удачной рыбалки на Яйве. Весьма любопытно было наблюдать за Виктором Петровичем во время просмотра фотографий. Воспоминания молодости зажгли в его глазах озорные огоньки. Он будто вновь пошел по своим заветным рыбацким местам, выпил чарку с друзьями, пообщался

с коллегами по литературному цеху на писательских конференциях, полюбовался с борта парохода скалистыми берегами Енисея, побродил с ружьем по тайге...

Из Овсянской библиотеки поехали на сельское кладбище, где похоронена старшая дочь Виктора Петровича и Марии Семеновны Ирина. Лопату с собой не взяли, она, впрочем, и не понадобилась, хотя Виктору Петровичу и эта почти не занесенная снегом тропинка от дороги до могилки далась с трудом... На строгом прямоугольном мраморном памятнике, над которым склонилась береза, высечено только имя — «Ирина». Постояли. Помолчали. Возложили цветы. Поклонились.

— А вот сюда мы с Марьей ляжем. — Виктор Петрович указал на свободные места рядом с Ириной могилой, обнесенной чугунной оградкой.

— Виктор Петрович, зачем вы так? Не торопитесь, — сказал Сергей Ким, руководитель местной телекомпании.

— А что? Я к этому спокойно отношусь.

Надо сказать, в Красноярске очень уважают Астафьева. Узнают и здороваются на улицах. А кто посмелее — просят сфотографироваться с писателем. Раз у семилетней девчонки Танюшки (разговорился с нею, гуляя по Академгородку) специально поинтересовался, кого она считает «самым главным» писателем. Так она мне сразу, без запинки назвала Астафьева и даже дом показала, в котором он живет. На обратном пути из Красноярска я задал вопрос соседкам по купе: «Кто, на ваш взгляд, самый известный и читаемый писатель в России?» Зина и Галя, обе из Белоруссии, почти в один голос ответили: Астафьев и Быков. Это мнение простых людей. Самым великим писателем называет Астафьева и патриарх советской литературы Сергей Михалков, политические взгляды которого, мягко говоря, очень отличаются от астафьевских.

Предвижу язвительные усмешки недругов Астафьева (а такие есть среди моих знакомых, в том числе и среди журналистов): вот, мол, погостил провинциал у знаменитого писателя, так теперь готов его на божничку поставить. А он, дескать, такой-сякой, и армию охаял, и за народ сейчас не пошел бы воевать добровольцем в случае войны. А мнит себя патриотом. И вообще, мол, старческое брюзжание сейчас не в моде.

Что им сказать? Да... Себе-то мы знаем цену. Это бы и ладно. Но нам еще подавай человека на виду, на нас непохожего, — ох, уж мы его разложим по косточкам. В крови это, что ли, у нас — уравнивать яркую личность с собой, серенькими и неказистыми, и, более того, подмять под себя? Так было с Александром Солженицыным и Андреем Сахаровым. Многим тогда не по нутру была их обнаженная правда. Но годы все расставляют по своим местам. Вот и книги, исповеди Астафьева, написанные живым сочным языком, не утратили своей значимости. Их читают и будут читать. Кто-то митинговал, разрушал памятники, переименовывал улицы, а он, израненный фронтовик, за рабочим столом в кабинете, в домике на берегу Енисея выплескивал свою боль на белые листы бумаги. И, как оказалось, эта боль является нашей общей. В трудное для России время он не покинул Родину. Вот что написал Виктор Петрович в подаренной мне книге «Русский алмаз»: «Гена, тут на обложке моя Родина и я среди нее. Я ее люблю и счастлив, что доживаю свой век на родной стороне, о ней печалюсь, на нее сержусь, порою славлю, порой плююсь. Быть нам веки вечные вместе — и лучшей доли не пожелаю себе».

И это его, острее других переживающего разлад в стране, горести и мучения народные, упрекают в непатриотизме? Слава Богу, хулителей его творчества, осуждающих взгляды писателя на историческое прошлое, все же явное меньшинство. Большинство-то осознает, что

Астафьев один из немногих, кто наиболее правдиво, достоверно, не по-газетному написал о нашей жизни и своем многострадальном народе.

И раньше, зная Астафьева по его книгам, и тем более сейчас, познакомившись с ним, говорил и говорю: это наш писатель. Самый что ни на есть земной. Земной потому, что корнями врос в родную землю, живет среди людей, о них и для них пишет. Земной, потому что ему не чуждо ничто человеческое. И необычный, потому что стоит выше нашей обыденности, ограниченной узким мирком житейской суеты. И не стареющий, потому что книгам его уготована долгая жизнь. И ранимый, потому что муки и страдания народные болью отзываются в сердце писателя. И дающий надежду, потому что читаешь Астафьева — и душа тянется к светлому, как бы ни была горька и тяжела жизнь. И мудрый, потому что писатель, поводырь российской глубинки, открывает глаза на многие непонятные вещи и явления, происходящие с нами и со страной. Он и простой, и великий, потому что...

Да что это я доказываю очевидные истины! Читайте Астафьева — и вы сами во всем убедитесь.

Я бесконечно благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим удивительным человеком, достойнейшим сыном России и одним из лучших представителей XX века.

В. С. КОЛБАС

Несколько слов о Викторе Астафьеве

Как-то В. П. Астафьев заметил: «Жизнь состоит из встреч и разлук. И встречи и разлуки бывают разные, как разны и люди, с которыми встречаешься и разлучаешься»¹. Я не был, к сожалению, лично знаком с Виктором Петровичем Астафьевым, хотя встречи с ним — заочные — были.

Правда, однажды я видел его на одном из совещаний. Дело было в конце 1960-х годов. Я тогда работал в книжном магазине № 11, который располагался на улице Мира, 65, и начальство наше (к слову, из лучших побуждений) постоянно организовывало для продавцов книжных магазинов города Перми и области всевозможные совещания, семинары и прочие собрания. Помимо обсуждения чисто производственных вопросов, на этих совещаниях часты были встречи с писателями: Л. И. Давыдычевым, А. М. Домниным, А. Д. Крашенинниковым, Л. Н. Правдиным и другими. Вот на одно из таких совещаний и пригласили В. П. Астафьева.

Все эти мероприятия проходили, как правило, в Доме журналиста или в Доме учителя, актовом зале книжного магазина «Мысль» и реже в конторе Пермского облкниготорга — все на улице Карла Маркса (ныне Сибирской). Точно не припомню тему того совещания. Хотя, вне всякого сомнения, оно было посвящено организации и состоянию книжной торговли в Перми. Кто выступал из книгопродавцев, я не помню: в те годы был штатный круг выступающих, выходивших на трибуну каждый раз и на каждом совещании. А на этом «книготорговом форуме» произошло нечто неожиданное. Слово предоставили писателю, имя которого тогда мало кто знал. По крайней мере, всероссийского масштаба известности у В. П. Астафьева в те годы еще не было.

Не на трибуну, а перед рядами кресел, встал среднего роста скромно одетый человек. Говорил он о многом. Запомнилось же одно: его рассказ о высокой культуре обслуживания в ресторанах, кафе, гостиницах и, что было особенно интересно, о работе продавцов в книжных магазинах за рубежом. Они, говорил В. П. Астафьев, не наблюдают бдительно за покупателями, а помогают им в выборе книги, консультируют клиента, активно предлагают ассортимент, который, в отличие от советского, был огромен. То есть В. П. Астафьев тогда говорил о том, к чему пришла российская книжная тор-

говля в наши дни, — примером тому может служить пермский книжный магазин «Библиосфера».

Собирая материалы о деятелях культуры Прикамья, я делал вырезки из газет, журналов, сборников. Узнав об этом, сотрудник Пермского государственного архива Леон Сергеевич Кашихин предложил мне все материалы В. П. Астафьева и об В. П. Астафьеве передать в ГАПО, в личный фонд писателя. Поразмыслив, я согласился и передал некоторые опубликованные произведения В. П. Астафьева и статьи о нем на государственное хранение.

Однажды Л. С. Кашихин показал мне перекидной календарь В. П. Астафьева за 1976 год, переданный писателем в ГАПО с остальными документами личного архива. Л. С. Кашихин спросил, что делать с этим даром — перекидным календарем. А Леон Сергеевич любил проверять архивистов на прочность, удостоверяться в их трепетном отношении к архивному документу, зная (к сожалению, из горькой практики), что некоторые архивисты способны списать, выбросить, уничтожить документ, который, по их мнению, не представляет никакого интереса для истории. Я предложил при обработке фонда В. П. Астафьева, чтобы не перегружать его, оставить только те листы календаря, на которых имелись пометки писателя. В настоящее время 32 листа из этого календаря с пометками В. П. Астафьева хранятся в ГАПО в его личном фонде р-1659².

И, конечно, были встречи с книгами В. П. Астафьева.

Творческой удачей писателя стала повесть «Последний поклон». Книга, вышедшая в Перми в 1968 году тиражом 30 000 экземпляров, была великолепно оформлена А. Г. Мотовиловым в соавторстве с женой — В. А. Мотовиловой. Выход этой книги стал заметным явлением и в культурной жизни Перми. Помню, как книга прекрасно расходилась в нашем книжном магазине. Каждую неделю мы заказывали ее по 200—300 эк-

земляров. Это был успех — и писателя, и художников, и издателей. Искусствовед, кандидат исторических наук Л. Ф. Дьяконицын чутко уловил этот момент. Во вступительной статье к каталогу областной художественной выставки, посвященной 50-летию ВЛКСМ, он отметил: «Дружно и как всегда увлекательно выступили пермские иллюстраторы. Особенно хороши детские и «потешные» книги Владимира Вагина, Светланы Можяевой, изящные ансамбли Маргариты Тарасовой и каллиграфически изысканные издания в оформлении Алексея Мотовилова. Своим искусством они приумножили славу пермских писателей и высоко подняли престиж нашего областного издательства. Пермская книга, живая и разноликая, сделалась предметом собирательства, предметом искусства»³.

Книга эта была дорога В. П. Астафьеву. И, наверное, не потому даже, что была удостоена в 1969 году диплома второй степени на Всероссийском конкурсе «Искусство книги», а потому, смею предположить, что писатель в художнике нашел соавтора, единомышленника.

В очерке «Русская мелодия», который опубликован в каталоге посмертной выставки А. Г. Мотовилова, Виктор Петрович писал: «Я держу в руках книгу — мою повесть «Последний поклон». «Мою» — говорю я и задумываюсь: какая же она моя, когда ушла от меня и принадлежит смутно мною видимому читателю, лицо которого я пытаюсь и не могу себе представить, ибо многолик он, наш читатель, и «моей» повесть была до тех пор, пока я работал ее, писал, выдумывал. Я и заглядываю-то в нее теперь редко, по необходимости, и заглядываю, как правило, в первое издание книги, осуществленное Пермским издательством в 1968 году.

Что же влечет меня к этой книге? Чем она, уже «ушедшая», дорога мне? А тем, что есть у нее еще один автор — художник Алеша Мотовилов. Это он сделал из моей повести книгу, а до этого она была просто рукопи-

сю, напечатанной на машинке. Сейчас же она «построена», как дом: в ней есть крыша, крыльцо, сени и даже кружевные занавески на окнах, а дом весь заселен народом, птицами, скотом. Есть тут и лес, и горы, и река...

Всему этому существуют специальные названия: обложка, форзац, фронтиспис, титул... Но как не подходят, не годятся эти слова для книги, построенной Алейшей, — настолько она одухотворена, мелодична и красива...

Алеша вместе со своей женой Верой долго работал над моей книгой»⁴.

Знакомство с художником В. И. Захаровым-Холмским, живущим ныне в Магнитогорске, способствовало встрече с другой книгой В. П. Астафьева — «Дядя Кузя, куриный начальник». Издана она была Пермским книжным издательством в 1969 году тиражом 75 000 экземпляров и проиллюстрирована В. И. Захаровым-Холмским. Поскольку я был частым гостем в мастерской художника, работа над книгой проходила на моих глазах. Честно скажу: иллюстрации мне не понравились. Только сейчас, спустя годы, понимаю, что художник придал этой книжке В. П. Астафьева неповторимое лицо. А у меня на память остался на книге автограф художника: «Володе Колбасу с пожеланием всего доброго. Вен. Захаров-Холмский. 15 марта 1969 г., г. Пермь».

29 июля 1983 года я обратился к писателям В. А. Каверину, Н. И. Букину и В. П. Астафьеву с просьбой сообщить для собираемой мною коллекции материалов о деятелях культуры свои биографические данные и, в частности, написать о пермских страницах своей жизни и творчества. К слову, все трое ответили мне. А Виктор Петрович, как я узнал позже, вообще отличался особо добрым отношением ко всем пермякам. Из Красноярска я получил его коротенькое письмо: «Уважаемый Владимир Сергеевич! Я не совсем здоров и безмерно загружен — возьмите в библиотеке мою книгу

«Посох памяти», и в ней Вы найдете все, что Вас интересует. Желаю успехов и здоровья! Кланяюсь — Виктор Петрович (В. Астаф...) 16 августа 1983 г., село Овсянка».

Я, разумеется, разыскал книгу В. П. Астафьева, вышедшую в Москве в издательстве «Современник» в 1980 году в серии «О времени и о себе». В ней Виктор Петрович писал:

«Я считаю свою литературную судьбу удачливой. Некоторые друзья называют меня «литературным баблом», и в этом, пожалуй, есть резон. Посудите сами: уже после первого рассказа руководительница Пермской писательской организации, по какому-то «высшему» совпадению носившая одинаковую с моим школьным учителем фамилию — Рождественская Клавдия Васильевна, так ко мне прониклась, что «под чернильницу» — как принято говорить среди литераторов — добилась для меня издательского договора, и в 1953 году вышла моя первая книжка в Перми — сборник рассказов «До будущей весны».

Пермское издательство, отделение Союза писателей, старшие товарищи много сделали для меня. Разумеется, не последнюю роль сыграла и играет в моей писательской судьбе моя истовая работоспособность, которую, к счастью, я не утратил и по сей день»⁵.

К сожалению, Виктор Петрович Астафьев ушел из жизни. В моей же памяти сохранились эти крупницы воспоминаний.

¹ Астафьев В. П. Посох памяти. — М., 1980. — С. 7.

² ГАПО, ф. Р-1659, оп. 1, д. 450.

³ Областная художественная выставка, посвященная 50-летию комсомола: Каталог / Авт. вступ. статьи и сост. Л. Ф. Дьякощины. — Пермь, 1969. — С. 9.

⁴ Астафьев В. П. Русская мелодия // Алексей Мотовилов: Каталог произведений. — Пермь, 1973. — С. 34.

⁵ Астафьев В. П. Посох памяти. — М., 1980. — С. 30.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

О. Л. ЛЕЙБОВИЧ

Исторические взгляды В. П. Астафьева

Произведения В. П. Астафьева принадлежат литературному направлению, известному под именем «реализм». Художник-реалист в своем творчестве следует известной максиме, некогда сформулированной Г. В. Плехановым: «Поэт должен изображать жизнь, как она есть, не приукрашивая ее и не искажая»¹. Для русского литератора XIX столетия этот эстетический принцип, восходящий к писаниям В. Г. Белинского, накладывал известные ограничения, прежде всего, на творческий стиль. Для реалистов следующего века он означал внутреннюю свободу от давления со стороны власти, которая «...с очаровательной простотой и искренностью», по замечанию В. В. Набокова², назначила литературу орудием для достижения политических целей.

В. П. Астафьев начинал свою литературную деятельность в эпоху, когда государственной цензуре вменили в обязанность «всемерно усилить политико-идеологический контроль во всех предназначенных к опубликованию и распространению произведений печати, радио» для того, чтобы «самым решительным образом не допускать проникновения в печать враждебной большевизму идеологии». Причем термин «враждебная идеология» в официальном документе толковался предельно расширительно. К враждебности приравнивалась *обывательщина, развязность, безыдейность, халтура*³.

В этих условиях писатель-реалист неминуемо вступал в конфликт с директивными органами и по поводу тематики произведений, и по поводу языка, но самое

главное, по поводу того, что считать *жизнью*: повседневный мир своих соотечественников, земляков, сверстников или патетическую составляющую этого мира.

В. П. Астафьев выбрал первый путь. Вступив на него, он обрек себя на борьбу с идеологией, от имени которой выступала власть. И в этой борьбе его главным противником стали чиновники от идеологии с университетскими дипломами, учеными степенями, титулами и пропагандистскими брошюрами — все те, кого принято было ранее называть «партийной интеллигенцией». В. П. Астафьев не различал оттенков и проходил мимо внутренних границ. Для него все эти люди, убивающие правду, были лжецами, мерзавцами, внешней и чуждой силой. Все, что они писали о сегодняшнем дне, было заведомой и оплаченной ложью. Все, что они писали о дне вчерашнем, не могло быть ничем иным, кроме как разновидностью этой же самой лжи. Война, которую помнил В. П. Астафьев, разительно отличалась от военных историй, в сотнях томов опубликованных государственными издательствами. И признав это, В. П. Астафьев принял на себя обязанность, хорошо знакомую его литературным учителям из прошлого столетия, — обязанность историка.

В. П. Астафьев не писал исторических очерков, не владел жанром романизированной биографии. Тем более, ни одно из его произведений не подпадает под рубрику исторического романа. Речь идет о другом. В астафьевских текстах с беспощадной силой передан дух эпохи, тщательно и кропотливо воспроизведены детали исторического быта, вплоть до мельчайших. Время от времени он позволяет себе вплести в ткань художественного текста сюжетные вставки собственно исторического содержания. Причем эти ремарки на полях всегда предельно конкретны и колоритны.

В повести «Так хочется жить» возникает зловещая фигура генерала Зачепы — «наполовину татарина, наполовину хохла. Через несколько лет этот деятель будет избран депутатом Верховного Совета как железный чекист и истинный коммунист, а еще через года три во время денежной реформы нагреет он родное государство на несколько миллионов и, будучи помещен в закамскую психушку, быстренько кончит там свои дни, потому что орал на всю округу, мол, есть воры и выше него и он всех выведет на чистую воду, исчезнет беззвучно и бесследно с испоганенной и ограбленной земли»⁴. Документы, хранящиеся в местных архивах, на ином, канцелярском языке сообщают о злоупотреблениях начальника УМГБ по Молотовской области генерал-майора И. И. Зачепы, совершившего «подлог в момент проведения денежной реформы и организацию сговора с целью обмана партии» и наказанного с учетом «раскаяния и безупречной до того времени 28-летней службы в органах государственной безопасности строгим выговором с предупреждением» и снятием с работы⁵. Счет шел, конечно, не на миллионы — на тысячи рублей⁶.

В. П. Астафьев не верил свидетельствам, сохраненным в прессе, испытывал неодолимое отвращение к официальным бумагам из архивохранилищ и, самое главное, видел в профессиональных историках наемных слугителей лжи. Он подозревал их не только в сознательном искажении фактов, в фальсификации событий, но также и в неумении и нежелании понять прошлое с точки зрения простого человека: рабочего, колхозника, мелкого служащего, агронома, инвалида войны. Для В. П. Астафьева профессиональные историки прежде всего слугители бесчеловечной, нехристианской и ненародной идеологии. И в этой связи уместно вспомнить его переписку с Н. Я. Эйдель-

маном, которого В. П. Астафьев сделал ответственным за все грехи и советской исторической науки, и большевизма, и мирового еврейства. Его ожесточенные нападки на Н. Я. Эйдельмана не случайны. В. П. Астафьев сводил исторические счеты с московской интеллигенцией, с либеральными барами от социализма, с идеологическими экспертами. Просветительский пафос книг Н. Я. Эйдельмана, так же как и их сюжеты и излюбленные герои, взвешенность и умеренность оценок — все это было ему глубоко чуждо и ненавистно.

В. П. Астафьев не умел да и не хотел писать без гнева и пристрастия. Особенно в тех случаях, когда словом, печатным или устным, задевались его самые чувствительные струны. Он не переносил пренебрежительного, покровительственного или критического отношения к *маленьким людям* советской эпохи. В. П. Астафьев считал себя одним из них — уполномоченным представителем в литературном мире, изначально враждебном и чужом.

Историческое поле В. П. Астафьева не протяжено. По времени оно совпадает с его биографией, с его личной судьбой. По пространству — с обжитой им территорией: сибирской деревней, фронтом, рабочими поселками и городами Молотовской области. История В. П. Астафьева населена разными людьми — близкими и чужими, привлекательными и отталкивающими, своими и врагами. Историческое поле, созданное писателем, отделено от большой историографии. Оно возделано им лично по собственному методу, для которого характерно наполнение исторического повествования личным, живым чувством. В. П. Астафьев писал о том, что видел сам или слышал от знающих людей. Как это ни парадоксально звучит для писателя, он мастер устной истории, истории частного человека в эпоху соци-

альных потрясений, войн и государственных преобразований.

В. П. Астафьев не только рассказывает — он проповедует от имени здравого смысла, накопленного русским мужиком, русским мещанином, русским солдатом, сумевшим сохранить этот здравый смысл несмотря на агрессию со стороны новой прогрессистской идеологии.

¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 1. — М., 1956. — С. 353.

² Набоков В. В. Лекции по русской литературе. — М., 1998. — С. 21.

³ ГАПО, ф. 105, оп. 13, д. 141, с. 2—3. Циркуляр № 18/1045с. 21 апреля 1947. Всем органам цензуры. Об усилении политико-идеологического контроля над произведениями печати. Подробней см.: Index librorum prohibitorum русских писателей 1917—1991. Ч. 1. А—Ж. Аверченко — Житков // НЛО. № 52. — С. 425—448.

Книги В. П. Астафьева такой участи избежали.

⁴ Астафьев В. П. Так хочется жить; Обертон; Веселый солдат: Повести. — Иркутск, 1999. — С. 151.

⁵ ГОПАПО, ф. 105, оп. 14, д. 36, л. 117. Протокол № 2 заседания бюро обкома ВКП(б) от 9.04.1948 г.

⁶ ГАПО, ф. Р-1365, оп. 2, д. 166, с. 113 и об. Протокол изъятия лицевых счетов на денежные вклады. 1948 г. января 12-го дня г. Молотов.

В. В. ШАБАЛИН

«Пьяная оппозиция»

*(из истории левоопозиционного движения
на Урале)*

В январе 1928 года в небольшом южноуральском городе Троицке была арестована группа оппозиционеров. Арестованные обвинялись в организации террори-

стических отрядов и ведении антисоветской агитации. Обвинения оппозиционеров в террористической деятельности были характерны скорее для второй половины 1930-х годов, для конца же 1920-х они не являлись типичными. На каком основании сотрудники ОГПУ выдвигали подобные обвинения?

В 1926—1927 годах в СССР происходило самое крупное столкновение между партбюрократией и левым крылом ВКП(б) — большевиками-ленинцами (Объединенная оппозиция). Левые развернули по стране сеть фракционных групп, которые подчинялись местным центрам. Например, руководство уральской областной фракционной структурой осуществлялось из Свердловска. В местную структуру входило более полутора десятков оппозиционных объединений, в том числе и троцкое.

По данным ОГПУ, группа организована весной 1926 года. Ее участниками были бывшие красные партизаны. Большинство — выходцы из крестьян, но были и лица рабочего происхождения. Например, лидеры группы Романов и Шаров. Участники группы были действительными или бывшими членами ВКП(б). Почему они поддерживали оппозицию?

Как и многие ветераны гражданской войны, троцкине партизаны были недовольны результатами революции. Нэп, введенный на исходе войны, не принес им ни высокого социального статуса, ни ожидаемого повышения жизненного уровня. При этом рядом богатели нэпманы и делали карьеру люди, чье прошлое с классовой точки зрения было очень сомнительным. Общий политический фон тоже не внушал оптимизма: мировая революция остановилась, внутри партии отодвигали от власти старых, авторитетных вождей. Неудовлетворенность жизнью была почти полной. Психологически троцкине ветераны были готовы к тому, чтобы пополнить собой ряды алкоголиков и самоубийц, чье число в не-

риод нэпа постоянно росло. Однако начавшаяся внутрипартийная борьба дала им некоторую надежду на перемены.

Для того чтобы победить в политической борьбе, лидеры оппозиции стремились привлечь на свою сторону как можно большее количество членов партии. Для этого, в нарушение решений X съезда РКП(б), была создана фракция. Структура выстраивалась в соответствии с российской политической традицией: по инициативе сверху, с опорой на личные связи и личную преданность. На Урале фракционная структура появилась при активном участии С. В. Мрачковского — одного из ближайших соратников Л. Д. Троцкого. Здесь С. В. Мрачковского хорошо знали как старого большевика и известного командира времен гражданской войны. Троицким оппозиционерам он тоже был хорошо известен. Один из них — Романов — даже был его адъютантом.

Благодаря личным связям троицкая группа стала частью Объединенной оппозиции. Ветераны приняли и усвоили один из основных тезисов левых: из-за неправильной политики правых руководителей партии началось перерождение советской власти.

Основным направлением деятельности членов троицкой группы была пропаганда оппозиционных взглядов. Они распространяли «Заявление 83-х» и собирали под ним подписи, выступали на собраниях. Самым же применяемым и, видимо, наиболее эффективным методом было то, что председатель местной ОКК Ермаков назвал «агитацией за бутылкой». Пивные, бильярдные, квартиры становились местом подобной агитации. К фракционерам приклеилось прозвище «пьяная оппозиция».

Пропаганда велась в первую очередь среди бывших партизан, которые, по выражению того же Ермакова, болеют уклонами «верхов» и «низов» и жалуются, что их забыли.

По мере того как приближался XV съезд ВКП(б) становилось понятно, что Объединенная оппозиция проигрывает. Это вполне закономерно вело к радикализации взглядов фракционеров. На уровне вождей это проявилось в требовании вынести дискуссию за рамки партии, апеллировать к пролетариату. На уровне рядовых большевиков-ленинцев выразилось в разговорах о силовом решении проблемы. Как раз этим и интересна троицкая группа.

Необходимость силовых действий бывшие партизаны обосновывали уже упоминавшейся идеей о перерождении советской власти. «Сейчас соввластью... управляет не рабочий класс, а бывшие белогвардейцы, офицеры и полицейские», — говорил Шаров. Из этого делался вывод о необходимости второй революции или, как минимум, о «сшибании голов».

Кому собирались «сшибать головы»? Среди врагов, кроме бывших белогвардейцев, упоминаются «ответработники» и «чиновники-фашисты», то есть традиционный для левых список. Для активных действий создавался добровольческий отряд. В него набирали все тех же бывших партизан, у многих из которых, кстати, на руках хранилось оружие.

Надо отметить, что ветеранов вовлекали в отряд не только обещаниями расквитаться с переродившимися ответработниками. Судя по документам, осенью 1927 года начинает четко звучать еще один мотив — помощь китайским коммунистам. Например, Шаров и его приятель Тихонов обращались к одному из ветеранов со следующими словами: «Поедем в Китай бить Чан-Кай-Ши, а сначала пощупаем своих чиновников-фашистов». Добровольцев не очень смущало то, что расстояние от Троицка до Китая сотни километров, которые, вероятно, придется преодолевать с боями. Для них это было возможностью порвать с опостылевшей жизнью, вспомнить боевое прошлое.

Нам достаточно трудно говорить о том, что больше привлекало ветеранов в описанной аванюре — месть партийным карьеристам или рейд в Китай. Пожалуй, более определенно можно говорить лишь о лидерах. Для них окружающие были разделены на две категории: «наши» и «не наши». К последним относились все, кто был наделен властью. О степени ненависти троицких оппозиционеров к этой категории лиц может говорить следующий эпизод. В сентябре 1927 года оппозиционеры планировали убийство председателя троицкой ОКК Ермакова, для чего в пивной были наняты за 125 рублей (примерно месячная зарплата рабочего) «два неизвестных лица». Судя по тому, что Ермаков остался жив, предприятие закончилось ничем. Скорее всего, несостоявшиеся убийцы наутро просто ничего не помнили.

«Пьяная оппозиция» не могла не привлечь к себе внимание компетентных органов. После XV съезда партии у ОГПУ по отношению к большевикам-ленинцам были окончательно развязаны руки. По стране прошли аресты, в том числе была «оперирована» группа троицких оппозиционеров из двенадцати человек. Одновременно с ними был арестован еще один человек — старый большевик С. И. Клепацкий. Он входил в местную элиту — был членом бюро ОК и председателем окрисполкома, при этом тайно симпатизировал левой оппозиции. Клепацкий имел доступ к агентурным разработкам ОГПУ и сумел предупредить бывших партизан о том, что за ними ведется слежка. Это и было поставлено ему в вину вместе с сомнительными обвинениями в участии в нелегальных собраниях и «обработке» ответработников.

Дела оппозиционеров были переданы на рассмотрение ЦКК ВКП(б). Все они получили удивительно мягкие наказания. С. И. Клепацкий был исключен из партии (апрель 1928 года). Были исключены из партии и трое

проходивших по делу «тронцкой оппозиционной группы бывших партизан» (май 1928 года). Остальные получили строгие выговоры с предупреждением! Через год любой из исключенных мог поставить вопрос о восстановлении в партии! Одна из главных причин такого снисходительного отношения к «террористам», на наш взгляд, заключается в том, что партийный и советский аппарат в значительной мере еще состоял из старых большевиков. Например, по делу С. И. Клепацкого доклад перед ЦКК делал известный чекист С. Я. Агранов. Красная бюрократия еще была просто не готова к тому, чтобы уничтожать себе подобных.

Описанный эпизод внутрипартийной борьбы позволяет нам сделать несколько выводов.

— Противостояние левых и остальной части партии проходило не только в столицах, но и в провинции.

— Социальный состав оппозиции вовсе не ограничивался служащими, как об этом было принято писать в советское время. Большевики-ленинцы рекрутировались из всех социальных групп. Пожалуй, единственное, что их объединяло, — это участие в гражданской войне, когда большинство из них вступило в коммунистическую партию.

— Изы оппозиции, прошедшие войну, быстрее радикализировались и шли в этом дальше своих столичных вождей (здесь играли роль также культурные факторы).

— Партийный аппарат в конце 1920-х годов еще не был готов к тому, чтобы перейти к жестким репрессиям по отношению к оппозиции¹.

¹ Для подготовки текста использованы материалы ЦДООСО, ф. 424, оп. 1, д. 1551.

М. А. ИВАНОВА

**Сталинская «кадровая революция»
1937—1938 годов: региональный аспект**
(по материалам Прикамья)

Идея «кадровой революции» была выдвинута Сталиным на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года в докладе «О политическом воспитании партийных кадров и мерах борьбы с троцкистскими и иными двурушниками»¹. Суть ее состояла в замене части партийно-советского корпуса, оказавшейся «врагами народа» или их пособниками («двурушниками»), новым пополнением из выдвиженцев, как правило, молодых и безоговорочно преданных Системе и Вождю. Реальным основанием этой идеи стало противоречие между верхним звеном руководства (республиканский, краевой, областной, окружной уровни), наполненным в основном старыми партийцами с дореволюционным и послереволюционным стажем, большим опытом работы, в том числе в досталинский период жизни партии, и широкими слоями низовых работников, рядовой партийной массой, большинство которой было в возрасте от 25 до 35 лет — 60% состава ВКП(б), — имело потенциал социальной мобильности и карьерные амбиции. Эта ситуация была доложена Сталину накануне пленума Г. М. Маленковым в справке о составе рядов партии², и ее глава использовал это противоречие для устранения не устраивавшей его части старых кадров и обновления социальной базы режима.

Способом реализации идеи «кадровой революции» явились политические репрессии 1937—1938 годов, фактически санкционированные пленумом 1937 года. Рефрен «враги есть повсюду» стал указанием для массовых репрессий во всех сферах жизни страны, на всех уровнях Системы и по всей территории, вплоть до самых отдаленных мест. Изучение хода и механизма репрессий в региональных рамках Урала и Прикамья показыва-

ло, что кадровая чистка охватила действительно все уровни руководства, от областного до первичного, включая директорский корпус и специалистов разных профилей. Формальная мотивировка репрессии (часто скрытая) сводилась к обвинениям в принадлежности к классово чуждым слоям, идеологической враждебности (от религиозности до оппозиционных взглядов), в экономическом вредительстве и политической деятельности, направленной на свержение советской власти (серия сфабрикованных дел о «контрреволюционных повстанческих организациях» по всем районам). Реальной основой кадровой чистки явилось ухудшение социально-экономической ситуации в промышленности и сельском хозяйстве: невыполнение планов, неурожай 1936 года и кризис продовольственного снабжения (сведения о недостатке кормов, массовом падеже скота, ночных очередях за хлебом поступали из большинства районов)³. «Враги народа» в составе руководящих кадров объявлялись виновниками всего неблагополучия. Проявления социального недовольства направлялись по указанному адресу, и весьма успешно. Требования расправы с «врагами народа, шпионами и предателями», инспирированные руководством, стали массовым явлением.

Результаты кадровой чистки 1937 — 1938 годов явились непревзойденными. Партийный аппарат чистился в два этапа: в ходе перевыборов, в соответствии с решениями февральско-мартовского пленума, и затем в ходе репрессивных кампаний разного характера, развернувшихся с лета 1937 года. В итоге численность районных парторганизаций Прикамья сократилась более чем на тысячу человек, в связи с чем приостановился рост рядов, только начавшийся с возобновлением приема в партию во второй половине 1936 года. Ввиду этого январский пленум ЦК ВКП(б) 1938 года осудил «практику массовых огульных исключений из партии» с последующим освобождением исключенных от занимаемых должностей. Одновременно давалась установка на рас-

ширение нового приема⁴. За 1938 год численность рядов парторганизаций Прикамья возросла на 2,8 тысячи человек (13%), при этом за счет кандидатов в члены партии — на 32,6%. Кандидаты составили почти половину численности парторганизации⁵. В целом прием 1937 — 1938 годов составил 27,7% численности Пермской областной парторганизации по состоянию на 1 января 1939 года, в том числе среди кандидатов — 55%. Как видно, замена кадров осуществлялась успешно, на стартовые позиции пришли молодые — необходимая Система свежая кровь.

В 1937 — 1938 годах был почти полностью обновлен состав районного кадрового звена. Это видно на примере районных органов управления сельским хозяйством. По данным 19 районов, к началу 1939 года вновь назначенными были все заведующие земельными отделами, уполномоченные комитета заготовок, управляющие конторами «Заготзерно», сменились 47 директоров МТС и МТМ, вместе с их заместителями, 14 директоров совхозов. Суммарно по этим районам было заменено 168 руководителей названных организаций, а лиц, работавших до 1936 года, осталось только 7. Почти все новые назначенцы были членами или кандидатами в члены партии (за исключением 5 человек), 40 из них приняты в 1937 — 1938 годах⁶. В целом по Уральскому региону в 1937 году было заменено 202 директора МТС, или 36,7% их состава. В Свердловской области сменился 31 директор МТС, в 1938 году замены продолжались. Новые назначенцы имели партийную принадлежность, незапятнанное рабоче-крестьянское происхождение, начальное образование⁷.

Чистка прошла и по колхозным руководящим кадрам. В 1937 году в Свердловской области (включавшей территорию Прикамья) было снято 47,7% председателей колхозов, более 40% заведующих колхозными животноводческими фермами и бригадиров, около 60% зоотехников, более 50% агрономов и агротехников,

35% счетоводов и бухгалтеров⁸. Замены продолжались и в 1938 году. Осенью 1938 года в формирующийся Пермский обком партии серийно поступали сообщения о засоренности колхозов чуждыми элементами. Так, в Оханском районе «кулаков, белых офицеров и других классово-чуждых элементов» выявили во главе 50 колхозов. Подобное отмечалось и по другим районам. В Косинском районе сменилось 40 председателей, причем в некоторых колхозах по два-три раза, что совершенно дестабилизировало их деятельность. В ряде случаев должности председателей колхозов, директоров МТС оставались вакантными⁹.

Итогом «кадровой революции» стал «острый недостаток специалистов сельского хозяйства, и особенно с высшим образованием», как отмечалось в докладной в Пермский обком партии. Коми-Пермяцкий округ запрашивал 94 специалиста сельского и 30 — лесного хозяйства. При этом отмечалось, что на руководящей работе заняты люди без всякого образования или с низшим. В округе были полностью оголены аппараты земельного управления, «Заготзерно», лесотреста, окрпотребсоюза¹⁰. Такая ситуация была характерна и для других районов. В 1939 году руководство страны приняло экстренные меры по мобилизации имеющихся специалистов сельского хозяйства на работу в производственную сферу и расширению подготовки новых кадров (постановление ЦК ВКП(б) от 26 декабря 1939 года). В связи с ним в Пермской области на работу в районы было направлено около 100 человек, при этом оставался недобор в количестве 144 человек. Обком отметил «неудовлетворительную работу по подбору и воспитанию руководящих колхозных кадров»¹¹.

Следствием массового истребления кадров всех уровней стало плачевное состояние аграрной сферы. В 1938 году урожайность зерновых в Пермской области едва превысила 7 центнеров с гектара. Продолжало оставаться сложным продовольственное положение. В 1939 —

1940 годах по всей стране наблюдался кризис снабжения населения. Показателем социального неблагополучия стал усиливающийся отток населения из колхозов. В связи с ним развернулась своеобразная низовая чистка: колхозы в массовом масштабе исключали «мертвых душ» — ушедших без заявлений в города и на стройки. По данным 26 районов Пермской области, с конца 1936-го до середины 1938 года из колхозов было исключено 1732 хозяйства, добровольно вышли 3994¹². Некоторую часть в этом потоке составили «вычищенные» как враги, что показывают районные дела «повстанческих», «кулацких» и других вымышленных организаций. В итоге возникла угроза потери значительной части трудоспособного населения колхозов (оно же — податное сословие, обязанное делать государству поставки сельхозпродукции). 27 июля 1938 года постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О запрещении исключения колхозников из колхозов»¹³ исключенных следовало вернуть, исправив несправедливости и нарушения прав, одновременно ухудшив положение единоличников. В ноябре 1938 года были остановлены все чистки — приняты решения о прекращении массовых репрессий и отставке наркома внутренних дел Н. И. Ежова.

Что же дала сталинская «кадровая революция» 1937 — 1938 годов?

Ее прямая цель — смена одной генерации партийно-советского руководства на другую, из молодых, энергичных и нерассуждающих — была достигнута. Кадровый корпус был обновлен на всех уровнях и по всем составляющим.

Последствия второго плана были удручающи и, вероятно, непредвиденны. Новые кадры были недостаточно компетентны, в большинстве своем малообразованны и политически малоразвиты. Но даже таких кадров не хватало, многие должностные места оставались незаполненными, особенно специалистами разных профилей. Это нанесло урон развитию экономики и куль-

туры, наращиванию военной мощи страны. Страна и ее население в очередной раз были принесены в жертву интересам политической элиты ради сохранения и укрепления ее власти. Однако достижение близлежащих целей описанными способами сокращало возможности достижения конечных целей, на которые была ориентирована партия и созданная ею политическая система.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. — Изд. 8-е. — М., 1971. — С. 303—304.

² *Наумов О. В., Филиппов С. Г.* Руководящий партийный работник в 1924 и 1937 гг. (попытка сравнительного анализа) // Социальная история: Ежегодник. 1997. — М., 1998.

³ ГОПАПО, ф. 200, оп. 1, д. 843, л. 75, 94; д. 945, л. 2; ф. 970, оп. 3, д. 168, л. 4.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 5. — С. 311—312.

⁵ Пермская областная организация КПСС в цифрах: 1917—1937. — Пермь, 1974. — С. 26—27.

⁶ ГОПАПО, ф. 105, оп. 5, д. 196, л. 1—25, 35—43.

⁷ РГАЭ, ф. 7486, оп. 18, д. 887, л. 102—103.

⁸ Колхозы во второй сталинской пятилетке. — М.—Л., 1939. — С. 60—70, 73—78.

⁹ ГОПАПО, ф. 105, оп. 4, д. 98, л. 64—66; оп. 5, д. 130, л. 13.

¹⁰ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 842, л. 4, 15; д. 843, л. 98; д. 945, л. 19.

¹¹ Там же, ф. 105, оп. 5, д. 249, л. 137.

¹² Там же, д. 196. т. 1, л. 51.

¹³ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 5. — С. 313—315.

А. С. КИМЕРЛИНГ

Советская карательная политика 1945—1953 годов: постановка проблемы

Карательная политика является частью внутренней политики государства, в некоторых случаях — маргинальной, в некоторых — ключевой. Репрессивный ком-

понент в советской системе власти и хозяйствования был достаточно силен. Когда речь идет о сталинской карательной практике, у нас сразу возникает ассоциация с политическими репрессиями. Неудивительно, что именно политические преступления оказались в центре внимания историков. Безусловно, политические репрессии — важнейшая часть советской карательной политики, возможно, даже определяющая, но не единственная. Под карательной политикой обычно понимают всю деятельность правоохранительных органов государственной власти, направленную на нейтрализацию или искоренение преступности.

Мы собираемся трактовать карательную политику расширительно.

Во-первых, будут рассматриваться действия не только правоохранительных органов, но и партийных и административных инстанций разного уровня. Во-вторых, предметом исследования станет карательная политика, связанная не только с политическими, уголовными и административными преступлениями, но и с нарушениями общепринятой морали. При этом необходимо определить, что в Советском Союзе считалось преступным в тот или иной исторический период. Мы планируем реконструировать карательную политику 1945—1953 годов. Именно для этого времени требуется выяснить, что было нормой, а что считалось преступлением.

Кроме того, важно исследовать взаимосвязь карательной политики с экономической, хозяйственной, военной, партийной политикой советского режима. Выяснить, насколько тесно послевоенная карательная политика влилась в другие сферы жизни государства, или она существовала автономно.

Карательная политика в послевоенные годы практически совсем не изучена даже на общесоветском уровне. Исключение составляют лишь политические репрессии. Наиболее серьезное исследование внутренней политики СССР 1945—1953 годов провел Г. В. Костырченко. Его

монография «Тайная политика Сталина» посвящена проблеме сталинского антисемитизма и связанным с ним репрессиям. Г. В. Костырченко отмечает, что антисемитизм был инструментом карательной политики Сталина в послевоенные годы¹.

Документы, отчетность органов суда и прокуратуры, различные статистические данные, связанные с не-политическими вопросами карательной политики, до сих пор не опубликованы, а некоторые даже все еще недоступны. В 1993 году российские историки получили наконец возможность работать с архивными источниками, но, как отмечает Ю. Н. Жуков, после довольно непродолжительного периода большую часть из них вновь засекретили. Основываясь на большом количестве вновь недоступных историкам источников, Ю. Н. Жуков реконструирует личные и политические конфликты в высших эшелонах власти и через их призму — хитросплетения внутренней и внешней политики СССР в 1938—1954 годах².

Социологических исследований преступности в послевоенные годы также не проводилось. Занимаясь социологией проституции в России, И. А. Голосенко и С. И. Голод отмечали: «Сталинскому «новому bravому миру» социология вообще... была не нужна и даже вредна, ибо не вписывалась в мифологический контекст «самого передового в мире социалистического общества». Вероятно, социология нужна только обществу, ясно и честно осознающему свою несовершенство»³. Именно так они объясняли исчезновение социологии в конце 1930-х годов и новое ее появление лишь в 1960-х годах.

Слабость исторических исследований большой карательной политики не позволяет выяснить и ее региональные особенности. Исследователи карательной политики послевоенного периода в Прикамье также отдают предпочтение истории политических репрессий. История политических лагерей нашла отражение в ра-

ботах В. А. Шмырова. О спецконтингенте на территории Пермской области пишет А. Б. Сулов.

Послевоенный период весьма своеобразен. Война, давшая определенные хозяйственные свободы на местах, существенно повлияла на мировоззрение и поведение людей. Вернувшиеся с войны люди привыкли к насилию и поэтому были склонны решать проблемы с помощью методов, которые не соответствовали общественной морали и советскому законодательству. 1945 — 1953 годы принято называть «восстановительным периодом». Современные публикации не дают ответа на вопрос, верно ли это определение и для карательной политики. Что именно восстанавливалось? Карательная политика образца 1932 года, или 1936 — 1938 годов, или политика 1940 года? Была ли эта политика целостной, продуманной, стратегически выверенной или стала хаотическими ответами разных ведомств на возникающие проблемы? И что получилось на самом деле?

Автору близок подход П. Гетти и Ш. Фицпатрик, интерпретированный О. Л. Лейбовичем. Этот подход предусматривает при изучении истории необходимость учитывать расхождение ведомственных интересов центральных и местных учреждений, а также региональных начальников.

Реконструировать карательную политику в Прикамье можно по материалам фонда областной и городской прокуратуры, органов внутренних дел, а также по материалам заседаний партийных органов различных уровней и в различных учреждениях. Особенно интересны в этом смысле материалы, хранящиеся в фондах обкома партии. Важным источником являются материалы совещаний при областном прокуроре. На таких совещаниях и партийных заседаниях указания центра перелагались и по-своему интерпретировались местными руководителями.

Исследуя послевоенную карательную политику в Прикамье, мы должны проверить, как принятый в Крем-

ле указ или постановление воплощались в регионах. Имелись ли в Молотовской области отклонения от центральной линии карательной политики? Чьи личные или корпоративные интересы оказывали влияние на местном уровне? Была ли карательная политика однородным процессом или делилась на этапы? Если были какие-либо стадии, то какими факторами они обусловлены? В каких формах и методах воплощалась эта политика? И кто был ее исполнителем и адресатом?

Таким образом, надо выявить место карательной политики в системе внутренней политики Советского Союза, установить функции карательной политики в обществе, найти те пружины и механизмы, которые оказывали воздействие на нее, представить виды тяжелых и легких правонарушений, а также виды нарушений общественной морали. Реконструируя карательную политику, необходимо также выяснить отношение общества к исполнителям и жертвам карательной политики. И, наконец, выявить изменения этой политики в послевоенный период.

¹ См.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. — М., 2001.

¹ См.: *Жуков Ю. Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. — М., 2000.

³ *Голосенко И. А., Голод С. И.* Социологические исследования проституции в России. — СПб., 1998. — С. 88.

Г. А. ЯНКОВСКАЯ

**Советский художник в годы позднего
сталинизма: повседневная жизнь против
идеологии**

Повседневная жизнь, условия творчества и самоидентификация творческой интеллигенции принципиально трансформировались за годы советской власти. Намере-

ния авангардистов разрушить традиционный уклад художественной жизни совпали с идеями революционной власти. В 1920-е годы левые художники отказались от романтического имиджа одинокого творца и начали называть себя «категорией трудящихся». Власть же организовала художественную жизнь таким образом, что художник, мечтающий об успехе, должен был стать «крепким производственным». В Советском Союзе ликвидировали легальный арт-рынок. Искусство создавалось по государственным заказам. Художественная промышленность сначала была национализирована, а с конца 1920-х годов функционировала как отрасль плановой советской экономики. «Инфраструктура» изобразительного искусства была развита крайне слабо: не хватало выставочных залов, средств художественного творчества (красок, холста, кистей), специализированных художественных магазинов.

В СССР в 1940—1950-е годы работало примерно 5,5 тысячи профессиональных художников. В основном они занимались оформительскими работами (от декорирования демонстраций до росписи детских садов), создавали эталоны для тиражирования в художественной промышленности, копировали произведения русской, советской и зарубежной классики для продажи населению, выполняли заказные творческие работы к тематическим выставкам.

Профессиональная деятельность и повседневная жизнь художника зависели от деятельности трех корпоративных организаций. Оргкомитет Союза художников СССР так и не смог при жизни И. Сталина подготовить и созвать первый съезд Союза художников, а в основном курировал выставки и активно участвовал во внутриклановой борьбе. Художественный фонд предоставлял художникам мастерские, оказывал финансовую помощь и социальную поддержку. Всекохудожник — союз многочисленных кооперативов и артелей — решал производственные и организационные проблемы массовой

художественной промышленности, занимался вопросами авторского права. В структуру Всекохудожника также входили художественные мастерские Гулага.

Жизнь и деятельность советского художника подвергались всестороннему контролю. Наиболее существенную роль в этом играли Комитет по делам искусств, Главискусство, Главлит, Главрепертком, художественные и экспертные советы на предприятиях, закупочные комиссии, дирекция художественных выставок и панорам.

Насколько можно судить по документам центральных и местных архивов, эта громоздкая планово-распределительная модель художественной жизни привела в итоге к деволюции как художественной практики, так и официальной идеологии. Сама система художественной жизни в СССР была организована таким образом, что продуцировала повседневную практику, которая противоречила официальным декларациям.

Официальная пропаганда утверждала, что в Советском Союзе сложилось социально однородное общество. Тогда как среди многих социальных групп ясно различалось резкое социальное и статусное неравенство. У художественной интеллигенции сталинской эпохи на особом положении существовала лидирующая группа социального и, следовательно, коммерческого успеха, принадлежность к которой часто определялась личными вкусовыми пристрастиями партийно-государственной элиты. Другую группу творческой интеллигенции образовали менее статусные, но финансово успешные художники, выполняющие заказные работы советских организаций. Многочисленную категорию, особенно в провинции, составляли малообеспеченные и малопрофессиональные оформители — «халтурщики». На расслоение творческой интеллигенции влияло советское авторское право, которое, например, лишало авторских гонораров художников театра и создавало преимущество для художников-копиистов.

Советский художник не ощущал себя в полной мере творческой личностью, так как его индивидуальность была под жестким контролем. Не мог он ощущать себя и полноправным трудящимся ни по характеру основной деятельности, ни по условиям труда, так как в годы войны многие художники не получали продовольственных карточек и вплоть до 1950-х годов им не оплачивались больничные листы, отпуска.

Официальная пропаганда твердила о расцвете искусства. Однако чем более мелочным и всесторонним был контроль, тем беднее и ремесленнее становилась художественная составляющая советского изобразительного искусства. Низким уровнем исполнения отличались работы идеологического и пропагандистского содержания. Во всяком случае, художественные советы систематически и регулярно отбраковывали портреты Сталина, Ленина, вождей партии, выполненные на местах и даже представленные к Сталинской премии.

Сомнительными выглядели достижения плановой художественной промышленности. Она работала крайне неэффективно, изопродукция не находила спроса. Так, только за девять месяцев 1949 года было выпущено продукции на 159, 8 миллиона рублей, а реализовано лишь на 8,9 миллиона. Художники занимались нелегальной коммерцией. С 1950 по 1953 год половина председателей художественных товариществ Всекохудожника была осуждена за частнопредпринимательскую деятельность¹.

Художественная интеллигенция должна была, в соответствии с идеологической риторикой, стать «воспитателем» художественного вкуса масс. Тогда как сама система превращала художника в создателя советского кича — массовой художественной продукции для повседневной жизни. Любопытно, что именно бесконфликтный конформистский мир ширпотреба легко проходил экспертные проверки и цензуру, тогда как пропагандистское искусство отбраковывалось, поскольку выполнялось на низком профессиональном уровне.

В годы сталинизма изменились нравы творческого сообщества. Художественная интеллигенция бюрократизировалась. Мелочная патерналистская опека со стороны корпоративных и государственных организаций превращает художника в инфантильного иждивенца, готового использовать любые средства в борьбе за государственный заказ и символический капитал.

Повседневность, таким образом, способствовала формированию двойного стандарта в поведении советской творческой интеллигенции и обесмысливала тем самым официальную идеологию.

¹ Подробнее см.: Янковская Г. А. Профессиональные художественные организации и объединения в послевоенном советском искусстве // Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы научной конференции. Ч. 2. — М: ИВИ РАН. — С. 29—32.

Е. А. КОБЕЛЕВА

«Члены семей изменников Родины» в Молотовской области в 1941—1945 годах

Репрессии составляют значительную часть истории нашей страны. Тоталитарный режим в силу самой своей природы нуждается в репрессиях. Поиск «врагов» позволял оправдать существование государства в глазах основной массы населения, мобилизовать людей на решение очередных великих задач, отвлечь от трудностей жизни. Репрессиям подвергались не только те, кто совершил, по мнению власти, какое-то преступление или проступок, но и люди, которые не сделали буквально ничего. К ним относятся и «члены семей изменников Родины» (ЧСИР). Уголовные завершённые дела на ЧСИР содержатся в архиве информационного центра (ИЦ) ГУВД Пермской области.

Дела на них появлялись и в годы Великой Отечественной войны. Они оформлялись следующим обра-

зом. Сначала происходило преступление. Обычно оно заключалось в переходе или попытке перехода на сторону врага на фронте. Особые отделы НКВД воинских подразделений проводили следствие, выясняя обстоятельства преступления, анкетные данные обвиняемого и обязательно состав его семьи. Если военным трибуналом армии преступник приговаривался по статье 58-1 УК РСФСР 1926 года (измена Родине) к высшей мере наказания (расстрелу), то в военкомат по месту жительства семьи посылали протоколы допроса осужденного, копию приговора и указания завести дело на ЧСИР. Следователи действовали в полном соответствии с постановлением ЦИК СССР от 8 июня 1934 года «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине». В статье 58-1 часть 3 говорилось о том, что «совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживающие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет»¹.

Кроме документов — протоколов допросов обвиняемого, обвинительного заключения, копии приговора, акта о приведении приговора в исполнение — в делах на ЧСИР содержались опросный лист на главу семьи, различные справки, протоколы допросов свидетелей и т. д.

С совершеннолетних членов семьи изменника Родины районные отделы НКВД брали подписку о невыезде. Путем наведения справок у официальных органов (сельсоветов, правлений колхозов) и допросов свидетелей следователи устанавливали число фактически совместно проживавших и находившихся на иждивении членов семьи. Сроки следствия составляли от двадцати дней до шести месяцев, основная масса дел рассматривалась за один месяц.

При работе в архиве ИЦ УВД установлено, что всего по 80 делам «членов семей изменников Родины» прошел 101 человек. Все проживали в Молотовской области. Из них восемь мужчин: четверо находились в возрастной группе от 17 до 28 лет (братья осужденного), четверым было 59 и более лет (отцы). Русских шестеро (75%), один башкир, один немец. Все беспартийные, кроме одного человека, о котором сведений нет. Социальное положение: пятеро крестьян (62,5%), двое рабочих (25%), один учащийся.

Женщины составляли большинство ЧСИР — 85 человек. По национальности русских было 67 (87%), коми-пермячек пять (5,8%) человек, две белоруски, две карелки, две татарки, две украинки (по 2,3% каждой национальности), одна башкирка; неизвестна национальность у четырех женщин. 78 женщин были беспартийными, о семерых сведений нет. По социальному положению было 34 крестьянки (40%), 25 служащих (29,4%; они работали на низших должностях: санитарками и проч.), 16 рабочих (18,8%), пять — «других» (учащиеся, домохозяйки, пенсионерки); о пяти сведений нет (5,8%).

Образовательный уровень женщин был низок: 38 из них имели только начальное образование, 1 — незаконченное среднее, 12 были неграмотны вообще (коми-пермячки или пожилые русские женщины). Но среди 34 человек, образовательный уровень которых неизвестен, могли быть и лица со средним и высшим образованием, так как в анкетах встречаются профессии счетовода и учителя. Ранее были осуждены и отбыли срок наказания 6 женщин, 1 в прошлом являлась трудпоселенкой. Почти все находились в самом расцвете сил: в возрастной группе от 18 до 25 лет — 18 человек (21%), от 26 до 35 лет — 41 (48,2%), от 36 до 45 лет — 16 (18,8%), старше 50 лет — 10 (11,8%). Несовершеннолетних детей имели 58 женщин.

В постановлениях особого совещания при НКВД,

которое осудило всех этих лиц, упоминаются и 8 детей, осуждены они не были. Они подлежали высылке вместе с матерями (в Новосибирскую область и Якутскую АССР — по трое, в Омскую область — двое). Среди них было 3 мальчика (от 7 до 15 лет) и 5 девочек (от 4 до 10 лет). Только 1 девочка и 1 мальчик были учащимися, остальные являлись иждивенцами.

Всем совершеннолетним лицам было предъявлено обвинение по статье 58-1, пункт «в», часть 1 (так записано в обвинительном заключении). Приговор был стандартный: высылка на пять лет спецпоселения с конфискацией имущества.

В 1942 году была осуждена 41 женщина: в Омскую область отправлено 7 человек, в Новосибирскую — 2, в Якутскую АССР — 1, в Павлодарскую область Казахской ССР — 29, в Кустанайскую область той же ССР — 2. В 1943 году были осуждены 38 женщин: в Омскую область выслана 1, в Новосибирскую — 9, в Павлодарскую область — 28 человек. В 1944 году была осуждена 1 женщина (выслана в Новосибирскую область). В 1945 году (до 9 мая) к ссылке на спецпоселение в район Молотовской области приговорены 4 женщины, отправлены они были в Чердынский район. Очевидно, вместе с женщинами в ссылку отправлялись и их несовершеннолетние дети.

Прокуратурой Пермской области реабилитированы все, кроме 2 человек. Дети реабилитированы не были.

Что касается мужчин, то в 1942 году были осуждены 5 человек: в Омскую область высланы 2, в Павлодарскую — 2 человека; в 1943 году 2 человека отправлены в Павлодарскую область; в 1945 году — 1 в район Молотовской области. Прокуратурой Пермской области реабилитированы все ².

Исходя из вышесказанного, можно нарисовать портрет осужденных как ЧСИР: это жена изменника Родины, женщина самого цветущего возраста, низшая служащая или крестьянка, с начальным образованием,

русская, беспартийная, ранее не судимая, занимающаяся неквалифицированным трудом, имеющая детей.

В большинстве случаев родные не видели своих мужей, братьев, сыновей по несколько лет. С трудом нажитое имущество конфисковывалось органами. Людей осуждали часто даже без их присутствия, срывали с места и отправляли неизвестно куда и неизвестно в какие условия жизни (нетрудно догадаться, какими они были). Маленьких детей насильственно вырывали из нормальной жизни. Такую жесткость нельзя понять, даже если бы дело происходило в прифронтовой полосе, — Урал же всегда был глубоким тылом.

¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993. — С. 27.

² Тезисы составлены по: Архив ИЦ ГУВД Пермской области, ф. 6, Уголовные прекращенные дела, д. 87318—87340, 89307, 89323, 89331, 89334, 89364, 89370—89382, 89384—89407, 89497—89507, 90395, 90396.

К. В. ТИТОВ

Проблемы гражданского общества и архетипические черты российской государственности

Гражданское общество действительно стало лозунгом, желанным состоянием общества после крушения коммунизма. Правда, следует сразу же оговориться, что это распространяется лишь на узкую прослойку интеллектуалов. Кроме того, даже в этой среде понимание гражданского общества, гражданственности далеко не однозначно. Если для «западников» это индивидуализм и ответственность в системе договорных отношений, то для «почвенников» понятие «гражданин» приобретает некую соборную, патриотическую (в российском понимании этого слова) окраску.

Будем исходить из того, что гражданское общество — совокупность ассоциаций, способная уравнивать государство, снимать угрозу тирании и, с другой стороны, оставляющая своим членам индивидуальную свободу. При этом государство поддерживает институты гражданского общества, ему же противостоящие. Это определение демонстрирует целый блок проблем, разрешение которых необходимо для становления гражданского общества.

Проблема генезиса гражданского общества и гражданина является до сих пор достаточно сложной загадкой даже в отношении тех обществ, где этот процесс считается уже завершенным.

Что же касается вероятности появления этого феномена в обществах с ярко выраженной традиционной окраской — в данном случае в постсоветской России, — то эта вероятность представляется крайне малой.

Тезис о том, что нынешнее российское общество во многом, если не в основном, сохраняет черты традиционного, вряд ли может претендовать на оригинальность. Государство остается патерналистским. Власть опутана плотной сетью коррупции. Формальные общественные институты значат гораздо меньше, чем неформальные связи, опирающиеся на оказанные в прошлом услуги, на покровительство сверху взамен на поддержку снизу и т. д.

Необходимо, однако, выяснить, пусть даже в самых общих чертах, предоставляет ли нынешнее традиционное российское общество шанс для появления общества гражданского. Ведь и гражданское общество на Западе созрело в недрах традиционализма. Такие черты, как неразвитость демократических институтов, сословно-корпоративные связи, всевластие неконтролируемой бюрократии, размах коррупции и т. п., сами по себе не являются фатальными. Все это во многом было пережито западными обществами, причем не так уж и давно.

Рассмотрим условия существования гражданского общества, вытекающие из принятого определения.

Во-первых, такое условие как поддержка государством противостоящих ему институтов — ассоциаций граждан — представляется совершенно невыполнимым. Речь не может идти не только о поддержке, но даже о нейтралитете. Ключевая проблема — особенности российской государственности. Она, на взгляд автора, сохраняет некие архетипические черты, присущие ей с момента зарождения. Так сложилось, что государство российское переняло многие внешние формы с Запада, и это крайне затрудняет ориентацию исследователя. Можно подвергнуть сомнению применимость к российской реальности буквально всего понятийного аппарата политологии. Является ли наша бюрократия действительно бюрократией в веберовском смысле слова? Является ли коррупция коррупцией или это нечто совершенно иное? Перечень можно продолжить.

Представляется, что институциональным ядром российской государственности является институт верховной государственной собственности. Причем речь идет не о классическом «*dominium directum*» традиционных обществ эпохи феодализма, а о верховной собственности «вотчинного государства». Этот порядок хорошо характеризовал еще в XVI веке известный английский путешественник Д. Флетчер: «Правление у них чисто тираническое: все действия клонятся к пользе одного царя, и, сверх того, самым явным и варварским образом. Оба класса, и дворяне (читай «олигархи». — Т. К.), и простолюдины, в отношении к своему имуществу суть не что иное, как хранители царских доходов, потому что все нажитое ими *рано или поздно* (курсив мой. — Т. К.) переходит в царские сундуки»¹.

Рассмотрение реалий современной российской действительности в системе «вотчинного государства» позволяет совершенно по-новому взглянуть на многие известные, казалось бы, явления. Возьмем в качестве при-

мера коррупцию. Представляется, что мы имеем дело не с системой злоупотребления властью, а просто с совершенно «нормальной» и признанной системой ее употребления. Не является ли современная «коррупция» модернизированной по форме системой кормлений, то есть способом эксплуатации корпоративной собственности? Ведь не только «доходные» казенные места, но и крупная частная собственность являются, по большому счету, «пожалованиями в кормление». Крайне нерациональное, на первый взгляд, экономическое поведение (поведение временщиков) не только чиновников, но и предпринимателей может быть объяснено именно таким образом.

Любопытно, как объясняет природу взяточничества и поборов в Московском государстве тот же Флетчер. Метод фискальной политики заключался, по его наблюдениям, в следующем: «...Не препятствовать поборам и всякого рода взяткам, которым князья, дьяки и другие должностные лица подвергают простой народ... но позволять им все это до окончания срока их службы, пока они совершенно насытятся; потом поставить их на правож (или под кнут) за их действия и вымучить из них всю или большую часть добычи... награвленной ими у простого народа, и обратить все в царскую казну, никогда, впрочем, не возвращая ничего настоящему владельцу...»².

С этим же связаны и особенности нашего законодательства, на первый взгляд крайне нерационального. Обратимся опять к нашему источнику. «Употребляют иногда, — пишет Флетчер, — весьма простые, но довольно странные уловки. Вот как поступал, например, Иван Васильевич (Грозный. — Т. К.)... Он отправил в Пермь за несколькими возами кедрового дерева, зная, что оно там не растет; когда же жители отвечали, что не могут найти такого дерева, то царь велел взыскать с них 12 000 рублей, как будто они с намерением его скрывают. В другой раз он послал в Москву добыть ему кол-

пак... живых блох для лекарства. Ему отвечали, что этого невозможно исполнить... За это царь взыскал с них штраф и выбил правежом 7000 рублей»³. Здесь мы видим на самом деле не «иногда употребляемые странные уловки», а целую систему, хорошо известную и в наши дни, когда правила игры, создающиеся государством, заранее не выполнимы. Это делает гражданина абсолютно беззащитным перед властью: все ощущают себя правонарушителями и ведут себя соответственно.

Здесь мы вновь возвращаемся к проблеме гражданина и гражданственности. Несомненно, что при таком состоянии ответственная гражданская позиция невозможна. Общество представляет из себя атомизированную массу и находит выход в поддержании и формировании корпоративных объединений (от семейных до мафиозных кланов), а не ассоциаций а la гражданское общество. Самый яркий пример — российский предприниматель, то есть представитель того слоя, который должен идти в авангарде грядущего гражданского общества.

«У буржуазии, — отмечает Э. Геллнер, — зародившейся некогда в тени командно-административной системы феодализма, были своя гордость и свое достоинство. Буржуазия, которую сегодня призывают явиться из-под рухнувшего здания коммунизма, выглядит гораздо менее привлекательно. Где они, современные Будденброки? Или мы вправе ожидать лишь представителей люмпен-буржуазии, рекрутированной из оппортунистов-аппаратчиков, готовых на ходу вспрыгивать на подножку рыночного экспресса, чтобы продавать свои старые связи и знания о закулисных маневрах? Или быстро перешедших на легальное положение фарцовщиков-мафиози? Или местных представителей зарубежных инвесторов? И способны ли вообще оппортунизм, цинизм и аморализм, сопровождающие крушение старого строя — не говоря уже об открытом разгуле преступности — породить ту этику высочайшей ответственности, кото-

рая является неперменным условием существования эффективной индустриальной экономики?»⁴.

Если добавить, что «этика высочайшей ответственности» есть неперменное условие существования гражданского общества в целом, то приговор мечтам о гражданине в нашей стране прозвучит весьма определенно.

¹ Флетчер Д. О государстве русском. // Хрестоматия по истории России. М., 1994 С. 261.

² Там же, с. 262.

³ Там же, с. 263—264.

⁴ Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. — М., 1995. — С. 155—156.

К. В. ЮХНЕВИЧ

Повседневная хозяйственная жизнь русской деревни. 1923—1925 годы

*«Впитывает новые песни Илька.
Мотив он схватывает быстро, а вот
слова ему туго даются. Но у песни
главное мотив — так считает
мальчишка...»*

Виктор Астафьев. «Перевал»

Темой произведений Виктора Астафьева является повседневный мир его современников. Это даст основание и нам реконструировать некоторые элементы быта уральской деревни в 1924 году — году рождения писателя.

Источником послужил отчетный доклад рядового окружного комитета ВКП(б) за 1925 год¹. Он содержит в себе многоплановое обследование деревень Айлино и Кундравы Златоустовского района Уральской области — ныне это территория Челябинской области. Среди населения этих деревень возможно выделить две группы: социально сильные и социально слабые.

Социально сильных крестьян отличает следующее: а) крупный посев (10—25 десятин); б) достаточное количество рабочего скота (от 2 до 6 лошадей); в) собственный инвентарь; г) рабочие руки; д) хозяйственная активность — «экономический рост толкает мощные хозяйства всюду, где есть... возможность с выгодой для дела использовать излишки...»³; е) и, как следствие, получение от хозяйства денежной прибыли. Социально слабых отличает: а) малый посев (менее 3 десятин); б) малое количество, а порой отсутствие рабочего скота; в) отсутствие собственного инвентаря; г) отсутствие потребного числа рабочих рук; д) падение хозяйственной активности — «в 1923 г. беспосевных хозяйств было 64 (в обеих деревнях. — К. Ю.), в 1924 г. их стало 87»⁴; е) рост долгов и разорение.

У крестьянского хозяйства того периода была одна обязательная статья денежных расходов: фиксированный сельскохозяйственный налог, выплачиваемый в октябре-ноябре. За неуплату предусматривалась уголовная и имущественная ответственность. В случае гибели большей части урожая (что происходило нередко) нужно было или полностью сбыть собранное зерно, оставшись без еды и семян, или продавать лошадей и скот. В любом случае это путь к разорению. Практически половина всех дворов не могла себя содержать. Тогда «бедняк... за семена, за лошадь, за инвентарь поденно работает лето и зиму»⁵, что не гарантирует избавления от бедности. Работая не менее 10—15 часов в сутки, за сезон батрак зарабатывал от 4 до 15 рублей⁶. На один заработанный рубль семья могла приобрести или 14 килограммов мяса, или 51 литр молока, или 2,7 пуда овса.

Более успешный крестьянин, собрав наконец урожай и обеспечив пропитание и семенной фонд, часть зерна и овощей мог реализовать. Овес, горох, рожь и часть пшеницы отдавали кооперативу, который в обмен, по льготным ценам, предоставлял различные товары: ткани, соль и прочие предметы повседневного оби-

хода. Подводы же с пшеницей тайно (так как у кооператива горит «разверстка» райсоюза) вывозились в город Миасс на хлебный рынок. «Говорят, что продают ее (пшеницу. — К. Ю.) часто дороже»⁷. Тогда и получали некоторую прибыль.

Была возможность выжить, хозяйствуя сообща — с кем-нибудь скооперироваться, сбиться в артель, товарищество или коммуну. Еще один способ выживания — участие в формальных экономических и иных структурах (кооперативах, крестьянских комитетах, советах, партиях и проч.) и использование предоставляемых ими ресурсов. Документы свидетельствуют, что чаще «зажиточные и середняки преобладают в кооперации... в с. х. кружках... работают весьма активно»⁸. Но есть редкие примеры достижения определенного успеха и крестьянами-бедняками: Андрей Курбатов «лошади нет... получал ссуду 4 п. пшеницы и 5 п. овса. Посеял... Землю обрабатывал в компании с инвалидом Лутковым, у которого пара лошадей, плуг, борона... Ссуду вернул (Курбатов хочет обучать сына, но одеть его не может. — К. Ю.) ...Надеется, что удастся одеть на будущий год»⁹. Этот и многие другие случаи показывают: хозяйственная активность могла вырвать из нищеты.

Куда же тратились деньги? Капитал вкладывали в покупку нового инвентаря или машин. Например, через кредитное товарищество «Пахарь» в селе Кундравы, где состояло 390 человек, за 1924 — 1925 годы было куплено машин на 1269 рублей¹⁰. Можно было приобрести предметы роскоши: патефон или новую одежду. Нередко средства оседали в кулдымках и у самогонщиков, чей небывалый количественный рост отмечали авторы документа. Но нельзя забывать и о том, что на полученные с продаж деньги семья должна была жить целый год до следующего урожая.

Несмотря на установление советской власти, шел процесс капитализации русской деревни. Часть хозяйств переходила от натурального хозяйства к формам рыноч-

ных и денежных отношений. Хозяйственная активность стала важным условием достижения благосостояния. Но уже тогда существовало расхождение в оценках происходящего. Социально сильные считали, что своим примером формируют определенный механизм достижения экономической успешности: «...пусть она (беднота) берет с меня пример, как надо работать... ведь я из батраков поднялся»¹¹. Это убеждение лежало в основе их требования льгот и политического признания.

Партийцы (авторы доклада) сделали иной вывод: «Мы всегда объясним за собой руководство и влияние, если сплотим вокруг себя хотя бы тех бедняков и середняков, которые льнут к ячейке...»¹².

¹ ГОПАПО, ф. 2, оп. 1, д. 1. Отчет Златоустовского ОКП за 1925 г.

² Для сравнения приводим некоторые цены в местном кредитном товариществе: конные грабли — 48 рублей, сенокосилка — 132 рубля, молотилка 175 рублей, сеялка (2 диска) — 238 рублей (там же, л. 20), ситец в кооперативе — примерно 40 рублей за метр.

³ ГОПАПО, ф. 2, оп. 1, д. 46, л. 4.

⁴ Там же, л. 3.

⁵ Там же, л. 3.

⁶ Там же, л. 71.

⁷ Там же, л. 15.

⁸ Там же, л. 4.

⁹ Там же, л. 65.

¹⁰ Там же, л. 19.

¹¹ Там же, л. 5—6 (из бесед с «кулаками», лишенными права голоса).

¹² Там же, л. 75 (из заключения).

С. А. ШЕВЫРИН

ГУЛАГ на территории Пермской (Молотовской) области в годы Великой Отечественной войны

К началу 1940-х годов ГУЛАГ, пройдя несколько стадий развития, представлял из себя сложившийся карательно-хозяйственный институт советского общества.

На 1 марта 1940 года, по официальным для внутреннего пользования сведениям, ГУЛАГ включал в себя 53 лагеря (понятие «лагерь» в структуре ГУЛАГа того времени обозначало административную единицу, объединяющую множество лагерных отделений и лагерных пунктов)¹, 425 исправительно-трудовых колоний (ИТК), 50 колоний для несовершеннолетних с общим контингентом заключенных 1 668 200 человек². Промышленность ГУЛАГа охватывала 17 отраслей. 33,3% выпускаемых промышленностью ГУЛАГа изделий приходились на товары широкого потребления³. Ведущее место в промышленности ГУЛАГа занимали лесные лагеря⁴. Указы 1940 года — от 26 июня «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», от 10 июля «Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство», от 28 декабря «Об ответственности учащихся Ремесленных, Железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» — увеличили количество заключенных к началу войны до 2,3 миллиона человек⁵.

В предвоенные годы произошло существенное изменение нормативной базы, регулирующей деятельность исправительно-трудовых учреждений (ИТУ). Указами от 15 и 20 июня 1939 года отменялось условно-досрочное освобождение⁶, которое было одной из важных мер поощрения и повышения производительности труда заключенных. К этому времени предприятия НКВД выполняли около 13% объема капитальных работ всего народного хозяйства страны⁷. Промпредприятия ГУЛАГа в 1940 году выпустили товарной продукции на 1,2 миллиарда рублей⁸. Колонии для несовершеннолетних в этом же году выпустили продукции на 233,3 миллиона рублей⁹. Таким образом, ГУЛАГ стал крупной хозяйственной организацией, для которой текучесть кадров, со-

здаваемая условно-досрочным освобождением, была нежелательна. Основными стимулами повышения производительности труда устанавливались усиленное снабжение и питание, денежное премирование, улучшение быта заключенных. Этими же указами ужесточались меры принуждения к «прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства» — «усиленный лагерный режим, карцер, худшие материально-бытовые условия... в отдельных случаях до высшей меры наказания включительно»¹⁰.

В Молотовской области к началу 1940-х годов существовали следующие лагеря и колонии ГУЛАГа.

Лагеря, подчиненные ГУЛАГу:

— Усольский ИТЛ (лагерь имел два лесозаготовительных отделения, одно сплавное, семь ОЛП). Заключенные занимались лесозаготовкой. Количество заключенных на 1 января 1941 года — 26 406 человек¹¹. Из характеристики лагеря за 1939 год — «около 50% осужденных за к/р (контрреволюционные. — *Ред.*) преступления»¹².

— Соликамский ИТЛ (затон Усть-Боровой, на левом берегу Камы). Заключенные строили сульфит-целлюлозный комбинат. Количество заключенных на 1 декабря 1940 года — 6815 человек¹³.

УИТК Молотовской области (данные на 1 апреля 1941 года)¹⁴:

— в Молотове — промИТК № 1, ИТК № 4 (Закамск № 2, станция Химград), ИТК № 5 (Мотовилиха), ОЛП (поселок Ераничи Сталинского района);

— в Краснокамске — ИТК № 3;

— в Кунгуре — трудколония для несовершеннолетних;

— в Березниках — ИТК № 6 (станция Усольская).

Заключенные занимались металлообработкой, деревообработкой, лесозаготовками, швейным производством, производством обуви, мебели, музыкальных ин-

струментов. Работали по контрагентским договорам с Краснокамским бумкомбинатом, стройтрестом № 29 (строительство завода № 98 в Закамске), заводом № 172 имени Молотова, Березниковским химкомбинатом Севуралтяжстроя (строительство содового и азотно-тукового заводов), заводом «Красный Октябрь», госстройтрестом № 12 (строительство завода № 19-33-бис). Среднесписочное число заключенных ОИТК составляло 8510 человек.

Количество заключенных в Молотовской области в предвоенные годы колебалось от 40 до 45 тысяч человек.

Перед войной немецкая разведка разрабатывала планы создания «пятой колонны» из советских заключенных и спецпоселенцев¹⁵. Засекреченность системы советских ИТУ давала возможность иностранным исследователям выводить предположительную цифру количества заключенных — от 5 до 15 миллионов человек, из них от 7 до 8 миллионов политические¹⁶. Эта статистика в некотором роде близка к реальности, если говорить о пострадавших от репрессий к началу 1940-х годов. Так, в 1940 году централизованная картотека ГУЛАГа имела данные почти на 8 миллионов человек как на побывавших в ИТУ¹⁷. Если к этой цифре прибавить трудпоселенцев, спецссыльных (на 1 марта 1941 года только в Молотовской области насчитывалось 75 369 трудпоселенцев и 9160 спецссыльных)¹⁸, то получится довольно значительное количество. Такая масса потенциально настроенных против Советского государства людей не могла не учитываться германской разведкой. Планировались вооруженные десанты в районы скопления лагерей¹⁹.

За годы войны органами НКВД в лагерях и колониях были ликвидированы 603 (настоящие или мнимые) повстанческие группы. Приговорены к высшей мере наказания (ВМН) 10 858 человек из числа осужденных²⁰. 24 января 1942 года 125 восставших заключенных Вор-

кутлага захватили районный центр Усть-Уса. «В результате принятых мер убито 11 бандитов и 32 задержано»²¹. В 1942 году в Усольлаге раскрыта военно-фашистская организация, состоящая из бывших офицеров эстонской армии. Планировали захватить лагерь, после по радио связаться с германским командованием и просить помощь в виде десанта²². В июне 1943 года в Закамской стройколонне № 792 раскрыта антисоветская повстанческая организация. Организация состояла из эстонцев, которые обсуждали возможность восстания и ждали немецкого десанта. Главная цель — вернуться домой в Эстонию²³. После воркутинского восстания была издана инструкция о режиме содержания и охране заключенных в ИТЛК НКВД СССР в военное время. Инструкция расширяла право охраны применять оружие²⁴.

22 июня 1941 года НКВД даны указания о сосредоточении в усиленно охраняемых зонах заключенных, осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные преступления. Прекратилось освобождение осужденных за измену Родине, шпионаж, террор, диверсию, бандитизм, а также троцкистов и правых. Эти категории осужденных оставляли в лагерях и колониях до конца войны. В общей сложности было задержано освобождение 17 тысяч человек²⁵. В отношении осужденных за антисоветскую агитацию, тяжкие воинские преступления, вооруженный разбой и грабеж, а также рецидивистов, «социально опасный элемент», «членов семей изменников Родины» изменялся порядок освобождения. Эта категория заключенных по отбытии наказания закреплялась за лагерем до конца войны на правах вольнонаемных рабочих и служащих. За годы войны было таким образом закреплено около 50 тысяч человек²⁶.

12 июля 1941 года вышел указ Президиума Верховного Совета «Об освобождении от наказания осужден-

ных по некоторым категориям преступлений». В местностях, объявленных на военном положении, подлежали освобождению заключенные, осужденные по указам от 26 июня, 10 августа, 28 декабря 1940 года, осужденные за бытовые преступления и имевшие остаток срока менее года (с передачей лиц призывного возраста в Красную Армию). 24 ноября 1941 года действие этого указа было распространено на все местности СССР. За первые три года войны в Красную Армию было направлено из ГУЛАГа 975 тысяч человек²⁷.

Пяти бывшим заключенным за доблесть и героизм присвоено звание Героя Советского Союза²⁸. Бывшие заключенные молотовских лагерей и колоний также проявили себя на фронтах: А. И. Калинин, призванный на фронт из ИТК № 13, в 1942 году награжден орденом Красной Звезды; Г. П. Ткаченко, призванный из лаготделения № 1, награжден орденом Красной Звезды; А. Ф. Шаврин за участие в боях в районе Белгорода награжден орденом Красного Знамени, погиб в боях²⁹; Финансов, призванный из Усольлага, писал в письме в лагерь о хорошей жизни на фронте и своих успехах — выучился на бронебойщика³⁰.

Из местностей, находившихся в непосредственной близости от зоны военных действий, в годы войны было эвакуировано 27 лагерей и 210 колоний³¹. В докладе начальника ГУЛАГа Наседкина «О работе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР за годы Отечественной войны» приводятся сведения о том, что «значительная масса заключенных эвакуировалась пенным порядком, нередко на расстояния до 1000 км»³². Было эвакуировано около миллиона заключенных³³.

Многие эвакуированные промпредприятия и производства НКВД, а с ними и тысячи заключенных оказались на Урале и в Молотовской области.

Так, уже в октябре 1941 года в колониях УИТК

содержалось 21 862 заключенных³⁴. В рапорте начальника отдела снабжения УИТЛК за октябрь 1942 года говорится о 23 тысячах заключенных и об ожидаемом пополнении в 10 тысяч человек³⁵. В апреле 1943 года УИТЛК располагало 21 035 заключенными³⁶. На 1 января 1945 года в УИТЛК числилось 23 914³⁷, Широкаге — 10 904, Соликамсклаге — 7025, Усольяге — 36 456³⁸, в Понышском ИТЛ — 94 заключенных³⁹. Всего на 1 января 1945 года в Молотовской области находилось 78 393 заключенных. Производственно-хозяйственная деятельность ГУЛАГа, как и всей страны, была полностью переведена на выполнение заказов для фронта.

Распоряжением СНК СССР от 3 августа 1941 года № 5922-рс в городе Кунгуре на базе ИТК № 5 организовано предприятие-дублер Московской Сокольнической ИТК № 1 по производству кожтехизделий (в том числе и для танков)⁴⁰.

23 сентября 1941 года ОИТК Молотовского управления НКВД докладывало об увеличении программы выпуска спецзаказа для завода имени Молотова на 119,5%; мебельная фабрика трудколонии во второй половине июля переключилась на выполнение мобилизационного заказа для железной дороги, 1 августа приняла заказ от завода имени Молотова на спецборку из деревянных деталей; обувная фабрика трудколонии перешла на пошив лазаретных туфель⁴¹.

Постановление правительства от 6 августа 1941 года предписывало НКВД организовать производство боеприпасов (чугунных корпусов для 50-миллиметровых осколочных мин, противотанковых мин ПМД-6, ручных гранат РГД-33) на 14 промпредприятиях⁴². ИТК Молотовской области с 1942 года начали выпуск мин. К концу второго квартала 1945 года ИТК Молотова и Кунгура выпущено 55,8 тысячи 50-миллиметровых мин; 2145 тысяч 82-миллиметровых мин, 852,8 тысячи 120-миллиметровых мин⁴³. Таким образом, из произведенных в годы

войны промышленностью НКВД 35 миллионов мин⁴⁴ более 3 миллионов было изготовлено в нашей области.

Кроме мин кунгурские ИТК выпускали редукторы АКС-2 (по плану 1945 года — 420 штук). Лесные лагеря и колонии выпускали спецукупорку — ящики для боеприпасов (по плану Усольлага на 1945 год — 60 тысяч штук)⁴⁵. В 1944 году Усольлаг и Ныроблаг изготовили 75,2 тысячи лыжболванок, 252,6 тысячи ружболванок, 99,6 тысячи комплектов спецукупорки⁴⁶.

В декабре 1942 года в ИТК Молотовской области вырабатывались изделия для лагерей НКВД — чулки, кожаная обувь, варежки, деревянные ложки⁴⁷. В 1942 году УИТЛК УМВД по Молотовской области дало указание всем лагерям и колониям полностью обеспечить себя лаптями⁴⁸.

По официальным данным, производительность труда заключенных в 1943 году по сравнению с 1941 годом поднялась на 80%⁴⁹. Себестоимость военной продукции по отдельным предприятиям снизилась на 20 — 50%⁵⁰. В то же время калорийность питания, по подсчетам исследователей, снижена на 30%⁵¹. Таким образом, высокий экономический результат был достигнут путем жесточайшей эксплуатации «контингента». Не случайно в 1942 году умерло в лагерях и колониях, по статистике ГУЛАГа, 352 560 человек, в 1943-м — 267 807⁵². В марте 1942 года в Соликамсклаг прибыла группа (рабочая колонна) трудоспособных немцев в количестве 3294 человек; через два месяца количество трудоспособных снизилось до 435 человек⁵³ и т. д.

В годы войны на территории Молотовской области организовано множество новых лагерей, колоний, лаготделений и лагпунктов. На их создание практически не потрачено ничего. В лаготделение № 3 (станция Баская) первая партия людей прибыла 15 июня 1942 года. Спустя три месяца была проведена проверка, показавшая, что на одного человека приходилось 0,98 квадратного метра жилой площади, не было ни матрацев, ни

соломенных матов, заключенные спали, не раздеваясь, на голых двухъярусных нарах. В лаготделении не было ни одной сушилки — и одежда, и обувь высыхали на людях. В лагере отсутствовала вода, не было бани. Для утоления жажды люди пользовались водой из грязных луж и канав. Член проверочной комиссии — врач — был свидетелем того, как группа заключенных бежала за подводой, на которой везли бочку с водой, и подставляла руки. Основным продуктом питания была мука. Все остальные продукты заменялись мукой. За три месяца умерло 273 человека, большинство прямо на работе⁵⁴ (заключенные прокладывали железнодорожную трассу). В октябре 1942 года в этом лаготделении умирало ежедневно 5—6 человек⁵⁵.

Постановлением ГКО в 1942 году для строительства азотно-тукового комбината в Губахе создано лаготделение № 4. Предварительно никакой работы проведено не было. Заключенные размещались в землянках. За 24 дня декабря 1942 года умерло 210 человек⁵⁶.

Проверка лаготделения № 2 в Березниках 18 июня 1943 года обнаружила трехъярусную систему нар (отмененную приказом НКВД № 0033 от 8 января 1943 года), «заклопленность», задержку выдачи хлеба заключенным⁵⁷.

В марте 1945 года молотовская прокуратура проверяла лаготделение № 1: «...имеется палатка № 4, оборудованная сплошными нарами на 160 человек; помещаются 200 человек. Стены и потолок палатки со слабой тепловой изоляцией, поэтому холодно, стены и потолок покрыты инеем. В палатке размещены женщины-инвалиды. Тюфяками обеспечено 50%, других постельных принадлежностей вовсе нет⁵⁸. В ИТК № 5 в бараке № 15 на имеющихся 130 койках помещались 270 человек. В промИТК № 1 при лимите в 400 человек содержалось 1418 человек»⁵⁹.

Судя по нижеприведенной таблице, заключенные крупных лагерей, расположенных в Молотовской области, ходили или в обносах, или полуодетыми.

**Обеспеченность вещдовольствием
в I квартале 1945 года, %⁶⁰**

	Соли- камсклаг	Широклаг	Усольлаг
Рубашка нательная	38	100	100
Кальсоны	32	82	91
Полунальто	68	78	77
Телогрейка	51	20	63
Шаровары ватные	58	48	78
Обувь	24	100	100
Обувь теплая	77	100	100
Наволочка тюфячная	83	100	57
Наволочка подушечная	45	50	37
Одеяло	97	97	88

Уменьшенная в связи с войной норма питания на местах часто еще раз уменьшалась или заменялась малокалорийными продуктами: в Широкаге в первом квартале 1945 года «недорасход мяса и рыбы покрывался за счет перерасхода муки и крупы. Частично вместо овощей выдавалась мороженная свекла»⁶¹.

Одним из средств экономии был частичный перевод заключенных буквально на подножный корм. 16 ноября 1942 года вышел приказ НКВД № 739, предписывающий лагерям и колониям создать собственные продовольственные базы⁶². В 1943 году заключенные Усольлага, Соликамскстроя и Понышстроя поймали 297 центнеров рыбы, собрали 1160 центнеров грибов и 567 центнеров ягод⁶³. На создании продовольственной базы был использован труд в основном слабосильных и инвалидов. В результате в 1945 году урожай картофеля в среднем по УИТЛК составил сам-два, «к тому же мы еще и заморозили его»⁶⁴.

«За успешное выполнение заданий Правительства по производству боеприпасов, спецкупуорки и другой оборонной продукции работники лагерей, колоний и центрального аппарата ГУЛАГа дважды награждались орденами и медалями Советского Союза»⁶⁵. Всего заключенные изготовили 35 миллионов осколочно-фугасных мин, 47 миллионов ручных гранат, 15 миллионов бронебойных и противотанковых гранат, 10 миллионов прочих видов боеприпасов, в том числе авиабомб⁶⁶. По одним данным, в лагерях и колониях с июля 1941 по декабрь 1944 года умерло 822 418 заключенных⁶⁷, по другим, за годы войны умерло 2 миллиона заключенных⁶⁸. Труд этих людей так же приближал Победу, как труд и военные подвиги всего народа. Но если о свободных людях на войне написаны сотни исследований, то о заключенных до последнего времени писали только секретные доклады.

¹ Детков М. Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в 1930—50 гг. — М., 1992. — С. 34.

² Доклад заместителя начальника ГУЛАГа Лепилова на имя Берии, Круглова, Чернышева и Кобулова о работе ГУЛАГа // ГУЛАГ: 1918—1960: Документы. — М., 2000. — С. 725—726.

³ Там же, с. 733—734.

⁴ Там же, с. 737.

⁵ ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. — С. 17—19.

⁶ ГУЛАГ: 1918—1960: Документы. — М. 2000. — С. 116—117.

⁷ ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. — С. 19.

⁸ ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1., д. 1969, л. 2. Предварительные итоги производственной деятельности УИТК ГУЛАГа НКВД за 1940 г.

⁹ Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я. Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6. — С. 189.

¹⁰ ГУЛАГ: 1918—1960: Документы. — М. 2000. — С. 116.

¹¹ ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1., д. 853, л. 215—244. Характеристика Усольского ИТЛ.

¹² Там же, д. 2980, л. 7. Характеристика лагерей ГУЛАГа.

¹³ Там же, д. 853, с. 185. Характеристика ИТЛ и строительства Соликамского бумажного комбината.

¹⁴ Там же, д. 1162, л. 30. Дислокация ИТЛ и К ГУЛАГа НКВД СССР и экономическая характеристика по состоянию на 1-04-1941 г.

¹⁵ *Смыкалин А. С.* Пенитенциарная система Советской России 1917 — начало 1960 гг. — Екатеринбург, 1998. — С. 27.

¹⁶ *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы Советской России. — Екатеринбург, 1997. — С. 143.

¹⁷ Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне. // Исторический архив. 1994. № 3. — С. 131.

¹⁸ Годы террора. — Пермь, 1998. — С. 288.

¹⁹ *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы Советской России. — Екатеринбург, 1997. — С. 144.

²⁰ ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 328, л. 12. Материалы, использованные при составлении доклада о работе НКВД СССР в годы ВОВ.

²¹ Там же, д. 45, л. 102. Письма ГУЛАГа всем НКВД, УНКВД, начальникам УИТЛК.

²² Там же, д. 328, л. 12. Материалы, использованные при составлении доклада о работе НКВД СССР в годы ВОВ.

²³ ГОПАПО, ф. 2, оп. 1, д. 23686.

²⁴ Уголовно-исполнительное право России. — М. 2002. — С. 295—296.

²⁵ ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 328, л. 6. Материалы, использованные при составлении доклада о работе НКВД СССР в годы ВОВ.

²⁶ Там же, л. 7.

²⁷ Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне // Исторический архив. 1994. № 3. — С. 135.

²⁸ Там же, с. 135—136.

²⁹ ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 1474, л. 132. Переписка и материалы об участии бывших заключенных в Отечественной войне.

³⁰ Там же, л. 152.

³¹ Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне // Исторический архив. 1994. № 3. — С. 135.

³² Там же, с. 135.

³³ ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 328, л. 2. Материалы, использованные при составлении доклада о работе НКВД СССР в годы ВОВ.

³⁴ *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929—1953) // Годы террора. — Пермь, 1998. — С. 176.

³⁵ ГОПАПО, ф. 2464, оп. 1, д. 19, л. 3.

³⁶ Там же, л. 101. Сводка о населенности ИТК, промИТК и лаготделений за 14-04-1943 г.

³⁷ Там же, д. 61, л. 17.

³⁸ ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 329, л. 31.

³⁹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923 — 1960: Справочник. — М., 1998. — С. 359.

⁴⁰ ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 45, л. 94. Письма ГУЛАГа всем НКВД, УНКВД, начальникам УИТЛК.

⁴¹ Там же, д. 1980, л. 24. Переписка и ОИТК/УИТЛК — НКВД/УНКВД о переводе предприятий на выполнение оборонных заказов.

⁴² Там же, д. 2060, л. 7. Справка о предприятиях НКВД, изготавливающих военную продукцию в годы Великой Отечественной войны.

⁴³ Там же, л. 12 — 19.

⁴⁴ ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 77, л. 195. Лекция начальника ГУЛАГа.

⁴⁵ Там же, л. 4.

⁴⁶ Там же, д. 331, л. 30 об.

⁴⁷ Там же, д. 2002, л. 30 и об., 31 и об. Сводные отчеты УИТК ГУЛАГа НКВД СССР по себестоимости.

⁴⁸ ГОПАПО, ф. 2464, оп. 1, д. 2, л. 11. Протоколы партийно-хозяйственного актива УИТЛК УМВД по М/О.

⁴⁹ Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне // Исторический архив. 1994. № 3. — С. 149.

⁵⁰ Там же, с. 145.

⁵¹ *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы Советской России. — Екатеринбург, 1997. — С. 139.

⁵² ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 328, л. 78. Справка: смертность в ИТЛК.

⁵³ Там же, д. 45, л. 177. Письма всем НКВД, УНКВД, начальникам УИТЛК.

⁵⁴ ГОПАПО, ф. 2464, оп. 1, д. 6, л. 6.

⁵⁵ Там же, д. 2, л. 7.

⁵⁶ Там же, д. 6, л. 30. Спецсообщение о состоянии лаготделений № 4.

⁵⁷ Там же, д. 19, л. 142.

⁵⁸ ГАПО, ф. Р-1365, оп. 2, д. 283, л. 25. Прокуратура г. Молотова. Докладные записки, сведения о работе по надзору за местами заключения.

⁵⁹ Там же, л. 26.

⁶⁰ ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 329, л. 43 об., 44.

⁶¹ Там же, л. 60. Сводные обзоры и справки руководству о состоянии лагерей и колоний.

⁶² Там же, д. 1929, л. 37. Сводные данные о выходе сельхозпродукции в подсобных сельхозах.

⁶³ Там же, д. 1928, л. 29. Годовые отчеты и справки о работе подсобных хозяйств лагерей и колоний НКВД.

⁶⁴ ГОПАПО, ф. 2464, оп. 1, д. 61, л. 43. Из выступления т. Уднникова (зам. нач. УНКВД М/О).

⁶⁵ Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне. // Исторический архив. 1994. № 3. — С. 147.

⁶⁶ ГАРФ, ф. Р-9414, оп.1, д. 77, л.195. Лекция начальника ГУЛАГа.

⁶⁷ Там же, д. 328, л. 82. Смертность в абсолютных и относительных показателях за 1941 — 1944 гг.

⁶⁸ *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929 — 1953) // Годы террора. — Пермь, 1998. — С. 176.

М. В. ЗМЕЕВ

Народное учительство в Пермской губернии рубежа XIX—XX веков: профессиональная этика и повседневность

Формирование той или иной профессиональной группы неразрывно связано с процессом институционализации соответствующего профессионального пространства. Последнее может рассматриваться как совокупность объективных и субъективных факторов, необходимых для того, чтобы эта деятельность состоялась.

Для группы народных учителей этот процесс выражался, с одной стороны, в становлении и расширении начальных школ и училищ, соответствующей учащейся аудитории, в создании специальной педагогической литературы, в появлении профессиональных организаций, кружков и союзов, с другой — в формировании профессиональной учительской этики. Под таковой мы будем понимать определенный негласный кодекс поведения, следование которому позволяет субъекту идентифицировать себя с профессией и профессиональной группой. Причем этика является конвенциональной, это «договор» о том, что есть хорошо для человека в той или иной деятельности и ситуации, а что плохо и недопустимо.

Учительская профессиональная этика, следовательно, подразумевала определенные требования к поведению учителя по отношению к себе, коллегам, начальству, учащимся и более широкому социальному окружению. В конечном итоге профессиональная этика может стать и этикой повседневной жизни, профессиональный мир — миром повседневности, а профессиональной этикой будут руководствоваться и в сугубо обыденных жизненных ситуациях. В этой связи попытаемся выяснить, насколько глубоко профессиональная этика учительства проникла в повседневный опыт представителей этой группы.

Этические требования всегда исходят из системы нормативно-ценностных представлений человека. В интересующую нас эпоху эти последние аккумулировались в сознании учителей в идеализированном образе народного учителя. Со школьной скамьи, благодаря книгам и периодике, будущий учитель привыкал смотреть на профессию через призму этого идеализированного образа, согласно которому призвание учителя — «истинное просвещение темного люда»¹. В то же время руководство Пермской женской учительской семинарии отмечало, что призвание учительницы — «скромно трудиться над закладкой фундамента огромного здания — нашего государства»². А один крестьянский поэт Вятской губернии так воспевал учителей в своих стихах:

*Даете деревне
Вы силу и знание,
Ведете деревню
Из тьмы вы на свет.*

...

*Спасибо вам всем,
Незаметным героям,
Спасибо, светила
Деревни родной³.*

Учитель, следовательно, — это проводник к свету истины, просветитель, вождь «темного люда». При этом, однако, не затухался и факт трудности данной профессии. Напротив, в печати — статьях, заметках, хрониках, некрологах — внимание акцентируется именно на том, что учительский труд тяжелый, ответственный, «пролетарский», неблагодарный, что учитель работает из-за идеи, а не из-за денег и т. д. Один из инспекторов народных училищ отмечал, что учительская профессия благородная, но не доходная⁴. Отсюда проистекает еще одна черта учительского образа — подвижничество.

*Тяжек и труден
Ваш путь благородный,
Горем повитый,
Повитый нуждой!..*

Но в то же время:

*Вершите вы дело,
Священное дело,
Ему беззаветно
Душой отдались.
Забыли себя вы,
Забыли, но смело
За подвиг тяжелый
И смелый взялись!⁵*

Остаться верным учительскому долгу, не взирая на нужду и возможность поступить на более выгодную работу, считалось, согласно нормам идеализированного образца, делом чести, проявлением своеобразной профессиональной доблести.

Таким образом, учитель был призван на героический, благородный труд по просвещению народа и закладке основ просвещенного государства. Более того, настоящий учитель в своих ценностях, целях и уст-

ремлениях должен быть выше бытовых сиюминутных потребностей. Его деятельность, следовательно, есть деятельность возвышенного порядка, выходящая за пределы повседневных, рутинных проблем.

Исходя из этих представлений, формировался взгляд на учителя как на образец поведения, в том числе и в быту.

Можно сказать, что уже в рамках этого ценностно-нормативного образа, предусматриваются возможные и допустимые сценарии поведения учителя. Наиболее распространенные положения учительской этики можно сформулировать так:

- учитель должен поддерживать на высоте свою профессиональную квалификацию, быть образцом образованности;

- быть бескорыстным в части распространения знаний;

- быть трудолюбивым до самозабвения на работе и вне ее;

- быть дружелюбным, чистосердечным, честным и учтивым в отношении с коллегами и начальством;

- любить детей и не допускать «недозволенных» методов в обучении и воспитании, как то: бить, оскорблять и унижать детей словом и делом;

- вести трезвый образ жизни;

- являть образец в супружеских отношениях и не допускать «вольного поведения» с противоположным полом.

Эти этические нормы были призваны репрезентировать учительство и как особую профессиональную группу, и как носителей общих интеллигентных черт. «Я веду образ жизни трезвый, по службе всегда исправный, избегаю посещения собраний молодых людей, проводящих время в разгуле и буйствах», — сообщает о себе учитель Федотов, оправдываясь перед директором народных училищ по жалобе со стороны инспектора⁶. Причем за соблюдением этой этики следили как

сами учительские коллективы, так и училищное начальство и местное население. Так, например, в 1905 году в селе Чуваки во время ревизии местного училища инспектором крестьяне подали последнему на учительницу жалобу, в которой выражали свое недовольство тем, что в квартиру к этой незамужней учительнице часто приезжает учитель. Инспектор, осудив учительницу, устроил также показательный опрос учащихся на предмет рукоприкладства с ее стороны. В конечном итоге учительница была переведена «в самую глухую деревню, в училище с наемным помещением и самыми худшими условиями»⁷.

Из отчетов инспекторов народных училищ можно заметить, что нередко увольнения и переводы учителей производились за «манкировку» и леность последних, за пьянство и непристойное поведение.

Тихий самоотверженный и бескорыстный труд, лишенный карьерных соображений, официальных похвал и отличий, в реальности также оставался лишь элементом идеализированного образа.

*...Она сидит, работы проверяет,
Обед нетронутый пред ней стоит давно.
Как много дел! Нельзя и оторваться.
И некогда сходить на волю поразмяться,
Устала вся, болит и ноет грудь;
Легла бы спать, но надо заниматься.
Тетрадей куча перед ней лежит,
Исправить в них ошибки надо...*

*А там еще задач проверить надо много,
И нужно будет книгу почитать...
Проходит день, и ночь уж наступает.
И все в деревне спят уже давно.
Она сидит, то пишет, то читает,
Стучит в висках у ней, в глазах темно...*⁸

Так воспевал учительский труд деревенский поэт.

Между тем в 1901 году инспектор Осинского городского училища в сообщении директору народных училищ губернии отмечает неохоту учителей выполнять неоплаченную работу (имея в виду между прочим и проверку ученических тетрадей)⁹. В действительности учителя не только небрежно относились к неоплачиваемому или малооплачиваемому труду, но вследствие нищенского содержания вовсе уходили со своих должностей, подыскивая места более доходные, причем не всегда по учительской специальности. Например, учитель В.-Бувеского училища Осинского уезда прослужил на этом месте 24 года. В 1895 году решил оставить службу по случаю получения должности смотрителя осинской тюрьмы¹⁰. Инспектор народных училищ Красноуфимского уезда 8 сентября 1901 года доносит директору народных училищ, что не может бороться с текучестью кадров в министерских училищах и затрудняется найти подходящих кандидатов на вакантные места, в частности, из-за плохого обеспечения учителей министерских училищ. «Ни на окончивших курс в учительской семинарии, ни на окончивших курс в женских гимназиях и епархиальных училищах, — пишет он, — нельзя рассчитывать, чтобы они надолго оставались на службе в министерских училищах: первые уходят в духовное звание или переходят на заводскую и земскую службу, последние выходят замуж. Лучшие из окончивших курс в городских училищах, как доказывает опыт, по прослужении нескольких лет в учительской должности тоже уходят для продолжения образования...»¹¹. Как правило, скудного учительского жалованья было недостаточно для материального обеспечения, особенно семейных работников народных школ. Приходилось искать побочные источники дохода: частные уроки, заведование библиотеками и церковными хорами, службу писаря или счетовода при заводах, ручной ремесленный труд, огородничество, пчеловодство и т. д. Но, судя по «Отчету

о состоянии начальных народных училищ Пермской губернии за 1899/1900 учебный год», можно констатировать, что учителя, зарабатывающие на жизнь упомянутыми занятиями, составляли всего 4,63% от общего числа учителей народных школ губернии¹².

В этих условиях — неустроенность быта, низкая оплата труда, отсутствие в большинстве сельских школ сносных библиотек — учителей заботили иные сюжеты, нежели профессионально-педагогические. За стенами школы начиналась другая реальность. «Занимаясь в училище, мрачные думы о материальной нужде забываются, придя же после занятий домой, вместо успокоительного отдыха на каждом повороте встречаешь недостатки, которые вредно действуют на физическое здоровье, а от этого болит душа», — пишет заведующий Златоустовским двухклассным министерским училищем Красноуфимского уезда И. Ларцев¹³.

Можно предположить, что в этом внешкольном пространстве учителя руководствовались прагматическими соображениями и этическими правилами, свойственными окружавшему их крестьянско-мещанскому миру. Не стоит забывать, что большинство учителей начальных школ были выходцами как раз из этих социальных слоев.

Также можно утверждать, что профессиональная этика учительства, образцы которой были во многом заимствованы из книжной и дворянской культуры, многими народными учителями пока лишь инсценировалась, а не укоренилась глубоко в сознании. «Рассуждать о школьных вопросах он любитель, — говорил об одном учителе инспектор народных училищ Екатеринбургского уезда, — и в критике преподавания других мастер, но сам к делу нерадив и неискусен»¹⁴. Или еще. Учительница Нафанаиловской школы в Екатеринбурге А. И. Игнатова, как положено истинной гуманистке, с сочувствием относилась к своим бедным подопечным, помогая некоторым особо нуждающимся материально. Но в то же время Игнатова была уволена от занимаемой

должности в связи со скандалом, вызванным тем, что она, «когда рассердится, допускала щипки рук у некоторых учениц и удары линейкой...»¹⁵

Правила профессиональной этики, которые вытекали из идеализированного образа учителя — вождя темного народа, как правило, заучивались и при случае успешно демонстрировались, но они не стали этически-ми правилами собственно повседневности. Профессиональная этика оставалась, говоря словами А. Щюца, конечной сферой значений, переход от которой к повседневной реальности преодолевался с усилием.

¹ ГАПО, ф. 42, оп. 1, д. 330, л. 202.

² Там же, ф. 34, оп. 1, д. 16, л. 41.

³ Учительский вестник. 1910. № 2. — С. 15—16.

⁴ ГАПО .Ф. 42, оп. 1, д. 249, л. 54.

⁵ Учительский вестник. 1910. № 2. — С. 15—16.

⁶ ГАПО, ф. 42, оп. 1, д. 330, л. 203.

⁷ Там же, ф. 160, оп. 2, д. 58, л. 20

⁸ Учительский вестник. 1910. № 3. — С. 34.

⁹ ГАПО, ф. 42, оп. 1, д. 321, л. 81.

¹⁰ Там же, ф. 265, оп. 2, д. 16, л. 21.

¹¹ Там же, ф. 42, оп. 1, д. 330, л. 113.

¹² Там же, д. 266, л. 31.

¹³ Там же, д. 319, л. 76.

¹⁴ Там же, д. 343, л. 5.

¹⁵ Там же, д. 343, л. 274.

Н. Г. ШЕЛЕПЕНЬКИН

Эпистолярное наследие В. П. Астафьева как источник по изучению истории России

Эпистолярные источники весьма трудно собирать, выявлять и, тем более, учитывать. Письма великого русского писателя В. П. Астафьева не исключение. В 15-томном собрании сочинений, вышедшем в Красноярске в 1997—1998 годах, письма составляют два последних тома, но это только надводная часть айсберга: большая

часть его эпистолярного наследия не опубликована. Оба тома публикаций содержат большой и живой материал, относящийся прежде всего к процессу становления личности самого Писателя, к его литературному творчеству, которое, естественно, не находилось в стороне от столбовой дороги развития советской, а потом уже и постсоветской литературы. Помимо писем самого автора, в 14-й и 15-й тома сочинений вошли письма читателей, критиков, издателей, коллег, работников кино и театра за период с 1961 по 1997 год.

Путь «человека из народа» на писательский Олимп не был усыпан розами. Некоторые склонны рассуждать о творчестве В. П. Астафьева подобным образом: вот, жил, писал, издавался, да и власть опекала его, как и других его собратьев по перу, чего еще надо? Наверняка все читали наполненные юмором автобиографические зарисовки автора о том, как в 1951 году появился на свет первый рассказ. Но вот письмо жене, Марии Семеновне, датированное 1967 годом из Ессентуков: «...Сегодня занесло меня в парковый читальный зал, и там я посмотрел свой рассказ в «Современнике». Что с ним сделали! Кажется, еще никогда так не выколачивали, не изрубали и не искажали моего текста. Я ушел из зала шатаясь, и когда пришел в столовую, две женщины, сидящие со мной за одним столом, сказали: «Виктор Петрович! Что с вами? На вас же лица нет!» Я не помню, что им ответил, попытался пошутить, но ничего не вышло».

Для историка зачастую и одно письмо может оказаться важнейшим свидетельством того, чем жили страна и общество в то время. «Как жить? Как работать? Эти вопросы и без того не оставляют меня ни на минуту, а тут последние проблески света затыкают грязной лапой... Отпуск мой испорчен. Настроение ужасное. Мне хочется завывать и удариться башкой об стену. Будь же проклято время, в которое нам довелось жить и работать!» За внешней эмоциональностью письма скрывается глубокий философский смысл, внутренний разлад с

самим собой и с вполне благопристойной общественно-политической системой. И как горестный вывод, обращенный пророчески (в том же письме!) в будущее: «Нас ждет великое банкротство, и мы бессильны ему противостать. Даже единственную возможность — талант — и то нам не дают реализовать, употреблять на пользу людям. Нас засупонивают все туже и туже»¹. Шел пятидесятый год советской власти.

С легкой руки не только некоторых историков, но и литературоведов В. П. Астафьев был зачислен в команду писателей «деревенской темы», которые обратились «к извечным проблемам нравственности человека, связанного с землей»². В. П. Астафьев в своем творчестве лишь касался «деревенской темы», хотя пребывать в одной команде с Ф. А. Абрамовым, В. Г. Распутиным, В. И. Беловым и другими писателями было почетно. В то же время в письме читательницам-сибирячкам в 1971 году он замечает, что на вопрос о «деревенской теме» «отвечать не так просто». Вал публикаций все чаще касался деревни 1930-х годов. По мнению Виктора Петровича, это происходило потому, что, с одной стороны, у многих авторов еще не «отсохли» деревенские корни, а с другой стороны, в те годы «шла ломка старой деревни, тысячелетнего уклада — это не могло не вызвать пристального внимания со стороны литераторов деревни, не могло все это не потрясти писателя своей оголенной жгучей драмой»³.

В эпистолярных источниках жгучие проблемы коллективизации и раскулачивания получили свое развитие и оценку лет на 10—15 раньше, чем в публицистике и в исторической науке. В 1976 году В. П. Астафьев в послании к И. И. Акулову пишет, что «даже такие книги, как «Пряслины», «На Иртыше» и «Комиссия» Залыгина — все-таки написаны «деревенскими гостями». Резкость писателя в данном письме не знает границ. Свое мнение В. П. Астафьев собирался высказать и в «Нашем современнике», и «особый разговор» предсто-

ял с... лучшим другом, Е. И. Носовым, из-за того что «он подло отнесся к твоему роману («Касьян Остудный» И. И. Акулова. — *Н. Ш.*), он с точки зрения функционера рассуждал о книге, которая ранит, не может не ранить всякого порядочного человека, если он истинно русский»⁴.

Наверное, не прав был В. П. Астафьев в отношении своих коллег, но в отношении проблемы коллективизации и раскулачивания он был глубоко прав. В годы перестройки эта «оголенная жгучая драма» встала во весь рост на страницах исторических, литературных и общественно-политических журналов. Да и в переписке В. П. Астафьева с его адресатами четко прослеживается эта сквозная тема, которая в российской истории соединяется с темой массовых репрессий по принципу сообщающихся сосудов. По большому счету, в XX веке российское крестьянство приняло на себя главный удар и массовых репрессий, и фронтов двух мировых войн, да и «холодной войны» тоже. Потому и не мог В. П. Астафьев спокойно воспринимать иные варианты трактовки «деревенской темы».

Изучая переписку В. П. Астафьева с почитателями его таланта, обнаруживаешь удивительный факт возникновения в полемически взвинченной, биполярной общественной атмосфере двух последних десятилетий качественно нового состояния социологического мышления, которое позволяет по-иному взглянуть на проблемы исторического пути России в XX веке и осмыслить их. основополагающим фактором возникновения этого мышления является состояние «человек к человеку», то есть оно проявляется в общении корреспондента с адресатом, при этом военная тема переплетается с «деревенской темой».

Фронтовик В. С. Бекетов из Екатеринбурга в письме от 13 января 1993 года делится не только своими воспоминаниями... Вывод, к которому он приходит, не может оставить равнодушным не только историка, но и

вообще россиянина: «Нет, сломан был хребет крестьянства не в гражданскую войну, не во время голода и раскулачивания, а во время войны... 1927-й год после бессрочной службы в деревню не вернулся, а остальные года были перебиты и изуродованы. Это был конец крестьянству, конец Руси».

А в послевоенные годы понесла деревня свои новые жертвы, теперь уже на алтарь «холодной войны». В городе, поселке парень и мужик еще могли зацепиться за институт, техникум, завод, фабрику, а *в деревне военкомат выметал всех вчистую*⁵. (Выделено нами. — Н. Ш.) Так разрушалась корневая система народа. И какого народа? Теперь уже невозможно покрыть фигурой умолчания тот факт, что и большевистские, и «демократические» эксперименты, и борьба с фашизмом и с империализмом оплачены в первую очередь русской кровью. Однако это не повод для гордости и самовосхваления. В ответном письме одному из своих оппонентов В. П. Астафьев писал, что его работа над военной прозой должна «показать людям, и прежде всего русским, что война — это чудовищное преступление против человека и человеческой морали», а те, кто героизируют войну, забывают о том, «что чем более наврешь про войну прошлую, тем скорее приблизишь войну будущую»⁶.

Собрание сочинений готовилось еще при жизни Виктора Петровича. Он сам комментировал каждый том. Письма для публикации отбирались тщательно, но в основном по принципу значимости их для литературы. Некоторые письма датированы ошибочно, не всегда указано место написания, адресаты зачастую не снабжены даже кратким комментарием. Однако в целом эпистолярное наследие В. П. Астафьева, при всей субъективности его оценок происходящего не только у нас, но и в мире, является ценным источником и в сочетании с другими документами дает возможность раскрывать сложные и драматичные периоды в истории нашей страны.

Письма писателя не оставляют места сомнениям в искренности его слов. «Что сказать, я бы дал тебе Госпремию за одни только твои письма, ибо они ничем не отличаются от твоих книжных страниц: так же полны страстности, душевной боли и страдания»⁷. Эти строки адресовал В. П. Астафьеву в своем письме писатель Е. И. Носов, его лучший друг. Остается только добавить, что лучше и не скажешь.

¹ Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. — Красноярск, 1998. — С. 25–27.

² Рапацкая Л. А. Русская художественная культура. — М., 1998. — С. 531.

³ Астафьев В. П. Собр. соч. Т. 14. — С. 62–65.

⁴ Там же, с. 130–132.

⁵ Там же, т. 15, с. 168–172.

⁶ Там же, с. 293.

⁷ Там же, с. 149.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Л. А. ФАДЕЕВА

Российские политические субкультуры и проблема гражданского общества

Для России вот уже на протяжении трех последних столетий характерен постоянный конфликт субкультур: западнической и почвеннической, радикальной и патриархально-консервативной, анархической и этатистской. Социально-психологические сдвиги в перестроечную эпоху носили ярко выраженный ситуационный характер, они проявились в изменении политических ориентаций и стереотипов. Одни компоненты массового политического сознания второй половины 1980-х годов существовали в форме политических настроений и позже были вытеснены иными настроениями и представлениями, другие упрочились и приобрели характер стереотипов, хотя и распространились не на все общество. Это

привело к усилению фрагментарности общества и его политической культуры. Политологи заговорили о наличии в России «демократической» и «коммунопатриотической» политических культур. На рубеже 1980 — 1990-х годов в политической публицистике (и отчасти в политической науке) бытовало мнение, что основные различия между носителями этих противоположных субкультур имеют генерационный характер. Предполагалось также, что именно наличие «коммунопатриотической» субкультуры является препятствием на пути демократии и гражданского общества.

На российской политической культуре сказались различные факторы: *конкретно-исторические* — прежде всего длительное развитие страны в условиях политической деспотии; *ситуационный* — влияние экономического кризиса на политические ориентации людей в сторону авторитаризма; и, наконец, *фактор неудачного практического опыта* — непоследовательность и формальность российской демократии. Согласно материалам социологических опросов, в 1993 году лишь 22% респондентов признали установившийся в России строй демократическим (против 52 %); в 1999 году 63% считали, что демократия в России необходима, а 73% опрошенных отмечали, что находящиеся у власти политики компрометируют эту форму правления.

Многочисленные исследования показывают, что одной из характеристик современной российской политической действительности является недоверие к институтам власти. Вновь возникающие структуры сначала вызывают у людей интерес и доверие, но затем те быстро снижаются. Человек с улицы воспринимает новые институты, в том числе и институт партийно-политической борьбы, как проявление дисфункции и безответственности власти. Партии и политические институты представляются ему деструктивными институтами, отвлекающими власть от дела.

Низкий уровень жизни, низкая степень удовлетво-

ренности жильем, работой, доходами при отсутствии сбалансированной политической системы создают основу для слабого доверия парламенту и правительству. По мнению исследователей, для различных политических субкультур современной России свойственно неприятие бюрократического авторитаризма и коррумпированности властей. Отношение к власти, возобладавшее в массовом сознании в 1990-е годы, свидетельствует об устойчивости базовых компонентов российской политической культуры. Недоверие к государству, которое и в предшествующие десятилетия было «оборотной стороной» свойственного ей патерналистского комплекса, присуще этой культуре и обусловлено многовековым господством статусно-силовых отношений на всех этапах российского социума.

Сосуществование в массовом сознании установки на государственный патернализм с почти тотальным недоверием к власти предполагает душевный дискомфорт, фрустрацию. Однако у россиян это сочетается с достаточно высокой самооценкой. Если материальным положением своей семьи удовлетворены лишь 14% россиян, то своим статусом в обществе — 48%. Ценностью для россиян остается стабильность, однако ожидания стабильности любой ценой постепенно сменяются ожидаемыми переменами, осознанием того, что «нынешнее кризисное состояние общества — это всерьез и надолго».

Политическая культура передается от поколения к поколению в процессе социализации. Смена старых типов политической культуры новыми происходит постепенно, путем поэтапного вытеснения одних смешанных систем ориентаций другими. В научном плане некорректно говорить о высокой или низкой политической культуре. Как правило, имеется в виду высокий или низкий уровень демократизма, политической активности граждан и т. п., поэтому в политических науках употребляются понятия «активная» и «пассивная» полити-

ческая культура, в соответствии со значениями уровня ориентации индивидов на самих себя как акторов. Очевидна взаимосвязь между состоянием политической культуры и гражданского общества.

Опыт прошедшего десятилетия продемонстрировал, что демократические ценности закрепляются в массовом сознании медленно и неравномерно. Центр социально-экономического и политического анализа под руководством Г. Г. Дилигенского провел рейтинг слов-символов и ценностей в разных группах российского общества. В ходе исследования выяснилось, что права человека как ценность поддерживают 56% россиян, законность — 54%, равенство граждан перед законом — 28%, законность власти — 18%, законопослушание — 13%. Время не подтвердило той гипотезы, согласно которой демократические ценности важнее для молодых, нежели для пожилых людей. Если рассматривать политические субкультуры с точки зрения приверженности демократическим принципам и ценностям, то обнаруживается наличие трех субкультур: *патерналистской*, для которой приоритет составляет государство, а не личность; *демократической*, с ориентацией на права личности; и *смешанной*, в которой сочетаются разнообразные и даже противоречивые компоненты.

«Неготовность России к демократии можно признать реальной, если рассматривать ее как феномен культурный, конкретно-исторический и ситуационный, — пишет Г. Г. Дилигенский. — Но было бы ошибочным видеть в ней некую внеисторическую психологическую константу, корнящуюся в природных особенностях русского духа». Те респонденты, которые выдвигают на первый план в содержании демократии свободу, считают, что Россия идет по пути демократии; те же, кто акцентирует внимание на личной защищенности как определяющей компоненте демократии, отмечают, что для России — это дело далекого будущего.

О. В. ЛЫСЕНКО

**Печальные детективы: общество и власть
в произведениях В. П. Астафьева**

Пятнадцать лет назад автор сих строк впервые прочел «Печальный детектив». Имя Виктора Астафьева, повторяемое и склоняемое в достопамятном ряду «перестроечных писателей», на какое-то время стало столь значимым, что, казалось, его читают все. Впрочем, сегодня это утверждение может вызвать лишь улыбку. Понятно, что читающих и тогда было очень немного. Но мне сложно отделаться от мысли, что чтение именно таких книг и предопределяет судьбу. Есть очарование эстетизма, есть интеллектуальное обаяние философской прозы, есть прекрасный плен развлекательного чтения, но почему-то только немногим, и Виктору Астафьеву среди них, удастся схватить нечто основное — вот именно, не внешнее, но основное — в окружающей жизни, что при небольшом усилии с нашей стороны уже превращается в знание. Троллейбус, идущий «дрынка», чалдоны, подпаивающие хохлов ради заветного «слова», город, ждущий первого весеннего парохода, — это тот уровень сущностной детализации, за которым открываются механизмы жизни общества. И в этом смысле астафьевская проза есть проза социологическая, да простят автору это вольное определение и филологи, и коллеги по цеху.

Посему наиболее любопытным (с личной точки зрения) представляется скорее образ общества, запечатленный в повестях и романах В. П. Астафьева, чем повествовательная канва или отдельно взятые образы героев. Образ этого общества историчен и убедителен, а потому исключительно важен для понимания всей истории второй половины XX века.

Перед нами разворачивается хроника повседневности, созданная не внешним наблюдателем, а обычным участником. Удивительное дело: человек жил и рабо-

тал, писал повести, вполне укладывавшиеся в официальные рамки, умеренно морализировал, но результат оказался намного более значимым, чем обычная нравственная сентенция. Точность наблюдений, можно сказать, социологическая скрупулезность в деталях наталкивают на мысль, что перед нами разворачивается подлинная история общества, которую мы прожили во дворах своего детства и заново услышали в рассказах наших родителей, но никак не из учебников или научных изданий. В этом смысле хронология, воспроизведенная в произведениях В. П. Астафьева, примечательна: все начинается в предвоенные и военные годы, а заканчивается «Печальным детективом» 1980-х годов, закономерным итогом ФЗО-шного или интернатовского детства, солдатской казармы и госпиталя, разоренной деревни или артели работяг, шабашащих ради пропитания.

Эта общественная история тем более привлекает к себе внимание, что она имеет продолжение и сегодня, сохраняясь на окраинах провинциального города наряду с цветными вывесками и новыми домами непонятного архитектурного стиля. До этого материала легко добраться — стоит только свернуть с главных улиц в сторону двух- или трехэтажных домов.

Само общество (или общества), описанное В. П. Астафьевым, складывается из осколков разных социальных групп, перемешанных внешними обстоятельствами. Это бывшие переселенцы, зеки, сироты, мужики, скитающиеся в поисках лучшей доли, солдаты, вовлеченные в военный круговорот. Возникшие на пересечении неких индивидуальных судеб, такие объединения и случайны (в смысле неустойчивы), и закономерны одновременно, ибо раз за разом воспроизводят одну и ту же схему взаимоотношений.

Одной из основных характеристик такого общества можно назвать стремление к максимальной изоляции, равносильной безопасности. Бараки и общаги не могут

быть открыты, ибо их обитатели живут по неписанным законам, продиктованным нуждой, бытовым расчетом, необходимостью самосохранения. В произведениях В. П. Астафьева практически нет большого начальства (в крайнем случае — оно карикатурно или страшно, как образ царя в русской сказке). Мелкое начальство (воспитатели, инструкторы, лейтенанты), вынужденное служить передаточным звеном сверху вниз и наоборот, есть скорее барьер (в начале прошлого века писали: средостение) между обществом и начальством большим. Его роль — присматривать за подчиненными и прерывать связь между верхом и низом, ибо, если полюсные общественные группы друг друга услышат, быть беде. Аналогичным образом замкнутость групп работает и против чужаков, являющихся возможными конкурентами в борьбе за скудные блага.

С другой стороны, внутри каждой из групп выстраивается своя иерархия. Человек внутри такого коллектива отнюдь не лишен индивидуальности, более того — склонен к ее утверждению, но вынужден постоянно подчинять себя коллективным установкам в обмен на гарантию хотя бы минимальной поддержки. Но внутри самого коллектива распределение ресурсов лишено черт умильной придуманной общинности. Статус человека, а значит, и объем привилегий в основном зависят от личных качеств. Все это очень напоминает среду криминального мира. В. П. Астафьев помогает понять, что не территория зоны породила криминальную культуру, проникающую в большое общество, но наоборот, общество под давлением обстоятельств, сходных с обстоятельствами тюрьмы, вырабатывает правила и для себя самого, и для зоны. Стоит напомнить содержание этих правил: подчинение общему порядку, опора на свои силы, клановость, насилие, замкнутость как гарантии против вмешательства извне, недоносительство, самосуд.

И вот проходит время. Герой В. П. Астафьева (в «Печальном детективе») уже человек в годах, живет

нормальной жизнью, работает. При этом по прошествии времени может возникнуть подобие нового стиля, основанного на иных реалиях жизни: профессиональной деятельности, семейной жизни, нормальной (не экстремальной) экономике. Но под этой маской скрывается все тот же механизм функционирования общества по образцу барака, общаги, зоны. Эта жизнь подернута пеленой рутины, сонности, спокойствия, но основные ее характеристики сохраняются. И если продолжать выбранный В. П. Астафьевым путь сегодня — путь описания реальной жизни простого человека, — то в нем по-прежнему будут отсутствовать большая политика, сколько бы то ни было гарантированная частная жизнь, уважение прав, гражданские институты. Мы вновь увидим парадные доклады и полное непонимание простого факта, что мы этого общества все еще не знаем, мы до сих пор не соединили в своем сознании эти устные рассказы и детские воспоминания с официозом прессы, учебников, презентаций. Поэтому политики у нас с другой планеты. Более того, чем больше они отличаются, тем лучше. Их биографии — лубок. Их нечистоплотность — норма в глазах низов. Их функция — кормежка и распределение. Это патернализм, но особый — патернализм маргинального типа, когда выбирают не за личные качества, а за то, что он хозяин.

С. С. БОЙКО

**Сопротивление субъекта созданию,
или**

**О возможности М-версии гражданского общества
в России**

XX век — век социальных экспериментов, когда из «человеческого материала» созидался новый человек, новое общество. Виктор Астафьев в своей прозе, как мне кажется, отразил это отчаянное, в целерациональном смысле обреченное на провал, сопротивление чело-

века *созданию* «истинного арийца», «советского человека» или «homo economics»¹.

Писательская карьера его стала результатом *действия* на процесс *создания*, когда о прошедшей страшной войне, затронувшей всех и каждого, было принято писать с высокого благословения только так:

«Однажды я попал на занятие литературного кружка при местной газете. И как раз угодило слушать рассказ о войне. ...Герой его, летчик, сбивал и таранил фрицев, будто ворон. Потом благополучно приземлился, получил орден, вернулся домой. Его встречали родные, невеста и вся деревня, да так встречали, что хоть пере-скакивай из жизни в этот рассказ»². От бешенства несоответствия своей правды войны и невеселого послевоенного бытия навязываемой лубочной картинки появился «самобытный», «самородок» из «глубинки», писатель В. П. Астафьев.

В произведениях его жизнь человеческая в простых своих смыслах выживает, сопротивляется войне, голоду, индустриализации и равнодушию людскому. Сопротивление это исходит из «стержневого корня» человека, из его способности сохранить и выразить свою индивидуальность, спонтанно ассоциироваться с другим, создавая новое измерение свободы. Однако ассоциирование с другим происходит у В. П. Астафьева скорее символически, знаково, а не посредством действия. Это образ Васи-поляка, символически связавшего жизненный смысл главного героя романа «Последний поклон» через музыку Огинского со своей жизнью³. Это отношение к учителю и учительнице, уважение к которым проявлялось в заботе «тишком», да невзначай.

Новое измерение свободы создавалось анонимно, косвенно. Свобода выражалась не путем объединения в борьбе «за» и «против», а через индивидуальное сопротивление в *действии*. Здесь происходит «раскрытие личности с одной стороны и выстраивание историй с другой, — в совокупности образуя источник, откуда

сам человеческий мир почерпывает себе смысл... оза-ряющий смыслообразностью всю человеческую практику»⁴.

Герои В. П. Астафьева, преодолевая пути *animal laborans* и сопротивляясь победе *homo faber*'а, выходят за пределы приватного, частного бытия в сферу публичного в смысле «пространства, которое защищено от всего преходящего и отдано относительно долговечно-му»⁵. В этом пространстве *бытия-друг-с-другом* человек задается вопросом *кто-ты-есть*. Таким образом, его герои оставляют нам надежду на реализацию находящейся в потенциале возможности гражданского общества в традиции Ш. Монтескье. В ее рамках гражданское общество — это «набор независимых ассоциаций граждан, опосредующих отношения между индивидом и государством и в случае надобности защищающих свободу индивида»⁶. Гражданское общество Ш. Монтескье есть актуализация сферы публичного.

У В. П. Астафьева нет описания ассоциаций, нет призыва к созданию гражданского общества, но его произведения пронизаны духом «общественности». Под «общественностью» в данном случае понимается феномен публичной сферы в обществе Российской империи второй половины XIX — начала XX века, когда образованные сословия сконструировали пространства *бытия-друг-с-другом* в постижении и служении *народу*, в поисках ответа на вопрос *кто-ты-есть, кто-мы-есть*. Однако соблазн *создания, строительства* привел к победе *homo faber*'а, человека изготавливающего, создающего. Исчез смысл конструировать пространство *бытия-в-другом* для постижения сокровенного, постижения смысла человеческого бытия. Можно задать, установить смысл и воплотить его *в-другом*. Отсюда великие эксперименты прошлого столетия, стоившие миллионов человеческих жизней и утери смысла, показавшие бессмысленность *создания, строительства* из живого человека *идеала, утопии*.

Защищены ли мы на исходе третьей волны демократизации после провозглашения «конца истории» от новых попыток *создания* и *строительства*? Можно констатировать одно: попытки эти будут продолжаться. Мы видим это в сегодняшних стремлениях *строить* гражданское общество в России. Они, по-видимому, коренятся в тех человеческих свойствах, которые связаны со страхом *иного*, стремлением сделать *иного*, другого в *такого же*, либо в *идеального, понятного*.

В. П. Астафьев возвращает нас к практике созерцания, к попытке увидеть в повседневной жизни, в диалоге *с-другим*, *с-собой* смысл человеческого существования. Да, скорее он выступает как собиратель, который выхватывает из повседневности ростки *бытия-в-другом*. В его прозе эти моменты напоминают состояния «сатори», описываемые сторонниками учения дзен. Так художник показывает нам путь возрождения человеческого.

Подводя итог вышесказанному, попытаюсь ответить на не произнесенный здесь вопрос: а возможно ли гражданское общество в России? Да, возможно — в диалоге *с-другим* и *с-собой*, в сопротивлении строительству, в поиске смысла того урока, который дает нам жизнь за пределами обыденного. Таким образом, художник указывает нам, современникам, один из путей возрождения.

¹ *Арендт Х. Vita activa*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Библихина; под ред. Д. М. Носова. — СПб., 2000. — С. 386—408.

² *Астафьев В. П.* Стержневой корень: Послесловие автора // Астафьев В. П. Тихая птица: Роман, повести, рассказы, очерк. — М., 1991. — С. 677.

³ *Астафьев В. П.* Последний поклон // Астафьев В. П. Где-то гремит война: Повести и рассказы. — М., 1975. — С. 7—18.

⁴ *Арендт Х. Vita activa...* — С. 423.

⁵ Там же, с. 75.

⁶ *Хархордин О.* Проект Достоевского // Pro et Contra. 1997. т. 2. № 4. — С. 38.

А. Н. КАБАЦКОВ

Национальный контекст становления институтов гражданского общества

Становление институтов гражданского общества — процесс эпохи модернизации. Для автора ход оформления этих институтов как значимых регуляторов общественного устройства означает появление особой области социальных отношений, основная задача которой — быть противовесом и контролером действий государства, прежде всего в экономической сфере. Поэтому рост значимости экономической составляющей социальных отношений в современном российском обществе неизбежно ставит вопрос: а что будет сдерживать экономический прагматизм, который без социальных регуляторов внушает опасения своим капиталистическим прошлым, хотя и известным по зарубежному опыту?

Если отойти от тенденций восприятия государства как «естественного» претендента, в русле отечественной традиции, на роль социального контролера, то можно увидеть, что модернизационные процессы всегда предлагали альтернативы институтам гражданского общества в виде национальных институтов. Анализируя процесс становления наций в Европе XIX века, Мирослав Хорх писал, что там, где политические институты не имеют устойчивых традиций, созданных ходом истории, социальный конфликт, естественный продукт модернизации, провоцировал вовлечение в него национальной составляющей: «В таких обстоятельствах не было места более развитым формам политической логики или аргументации. Обеим сторонам данного конфликта легче удавалось выражать социальное противостояние или враждебность в категориях национальных, то есть представлять их как опасность для общей культуры, или отдельного языка, или этнического интереса»¹.

Применительно к отечественной ситуации, следует отметить сходство ее со странами, где традиции политически корректного разрешения социальных противоречий малозначимы как для большинства населения, так и для элит. Здесь уместно отметить, что наша культурная традиция интегрировала в ментальное пространство такие события как революции 1917 года, Великая Отечественная война, сталинские репрессии. Это означает, что для жителей нашей страны обращение к революционным методам разрешения социальных конфликтов естественным образом дополняет повседневные политические практики новой эпохи — выборы депутатов. Иными словами, отказ от политкорректного социального поведения для российского гражданина не вызывает у него острого внутреннего диссонанса с усвоенными нормами и правилами в такой степени, чтобы сделать этот отказ невозможным.

Соответственно, если традиционные культурные регуляторы слабы, то, может быть, их функции будут выполнять повседневные социальные установки. Обратимся к результатам социологического исследования «Межнациональное общение и взаимодействие народов Прикамья в современных условиях», проведенного в Перми в 2000 — 2001 годах.

Оказывается, что актуальность национальных отношений для современного горожанина намного выше, чем та реальная роль, которую институты национально-го типа выполняют в его повседневной жизни. В экономической сфере ряд национальных групп, таких как евреи, татары, башкиры и узбеки, обладают двойственными характеристиками. С одной стороны, их деловое и предприимчивое поведение чаще других получает положительную оценку через призму таких характеристик как трудолюбие, бережливость, экономность. Это означает, что их умение работать, экономить, вести бизнес, добиваться своих целей отмечено обществом и яв-

ляется социально признанным. Но, с другой стороны, представители этих национальных групп тоже чаще других оценивались негативно, когда респонденты говорили, что им присущи жадность и корысть. Сопоставим эти данные с характеристикой немцев, которые оцениваются с деловой точки зрения весьма положительно и практически не вызывают отрицательных эмоций. Отличие евреев, узбеков, татар и башкир от немцев только одно: они являются конкурентами в повседневной жизни за «место под солнцем».

Соотнесем это еще с двумя факторами. Первый — всеобщая неприязнь наций, которые в центральных СМИ объявлены «врагами». Это создает предпосылки для распространения антипатии на своих инациональных соседей по социальной среде, особенно если в национальном самосознании вопросы религиозной и культурной близости или удаленности по отношению к той или иной национальности приобретут актуальность. И второй — активная политика местных властей по актуализации национальной идентичности у местных национальных групп, что как раз создает социальные условия для вышеупомянутой актуализации.

Таким образом, мы видим, что и в общественном сознании, и в социальной жизни имеются значимые основания для формирования системы регуляторов экономического поведения национального типа. В таком случае на место институтов гражданского общества придут национальные институты. Так как они претендуют на выполнение тех же функций, то будут востребованы обществом и потому вполне могут оказаться интегрированными в систему нового социального консенсуса.

¹ Хорх М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. — М., 2002. — С.132.

Н. В. ШУШКОВА

Образ начальника в современном массовом сознании

Художественное изображение действительности в некотором роде подобно социологическому анализу, сконцентрированному на определенных аспектах функционирования общества. Если взглянуть под этим углом на произведения В. П. Астафьева, то мы видим разделение общества на две группы: начальство и простые люди. Их характеристики сильно отличаются. К первым, помимо руководителей разного уровня, относятся милиция, врачи (иногда иные представители интеллигенции), партийные функционеры. Писатель видит в них механизмы, которым если и присущи какие-то «человеческие» качества, то самые низменные. Их служебные действия подчиняются иной логике, а ошибки не имеют оправдания. Между начальством и простыми людьми непреодолимая пропасть.

Рассмотрим на основании социологических исследований, насколько такое описание действительности соответствует представлениям современного городского жителя¹.

Общим для всех исследований был тот факт, что подчиненные не имели возможности получить достоверную, из первых рук информацию о своих руководителях. Часто работники знают лишь менеджеров низшего звена и лично контактируют только с непосредственным руководителем. Образ «высшего начальства» вымышлен, не имеет связи с реальными людьми, строится на обрывочных сведениях, слухах, домыслах, во многом стереотипен.

Руководителями работники склонны считать скорее тех высших менеджеров, чья деятельность связана с производством продукции, чем вышестоящих собственников. Дистанция между двумя группами — работников и менеджеров, создаваемая прежде всего по иници-

ативе последних, достаточно велика. С другой стороны, интерес менеджеров к информации «снизу» невысок. В отношении администрации предприятия у работников складывается четкое представление, что она живет собственной жизнью, не согласующейся с интересами и требованиями простых рабочих. Можно говорить о существовании двух независимых социокультурных полей.

Такая «незаинтересованность» может быть объяснена становлением нового типа отношений между работниками и собственниками (предпринимателями). Управление крупным предприятием осуществляется группой наемных менеджеров. Простым рабочим зачастую известны только управляющие, но не собственники, прикрытые завесой тайны. Работники крупного промышленного предприятия могут даже не знать фамилий своего высшего руководства. Еще труднее им оценить его профессиональную деятельность и практически невозможно описать личностные качества высшего руководства.

В существующих у опрошенных представлениях «о начальстве» присутствует четкая дифференциация. Руководители делятся на «старых» и «новых». Образ «старых» — чаще всего это менеджеры низкого и среднего уровней — имеет скорее положительную оценку. «Новые» руководители — пришедшие недавно и на высокие должности — описываются в шаблонных *рыночных* понятиях. Например, на одном из обследованных предприятий *управленец из бывших инженеров*, сделавший карьеру, в сознании работников предстает как более квалифицированный, умный, интеллигентный, но тоже рабочий, «свой»; а *наемный менеджер*, представляющий анонимных собственников, как руководитель высшего уровня, недостижимый, сильный, амбициозный, уверенный в своей власти организатор.

Выстраивается образ властного, влиятельного, даже авторитетного, но одновременно бездушного человека.

В представлениях о нем неизбежно присутствует и высокий материальный статус, экономический успех. Авторитет «высшего руководителя» нового образца не подкреплён эмоционально. Единоличная, диктаторская власть не принимается большинством работников. Вместе с тем присутствует достаточно большое желание найти защиту и покровительство у более сильного. Характеристики, даваемые руководителю, сразу же меняют тональность, если выполняется условие некой *заботы* менеджеров (реальной или мифической) о своих подчиненных.

Подчиненные готовы видеть эту заботу, внимание к ним даже там, где их нет. Работники склонны утверждать, что их начальство советуется с ними по важным вопросам, прислушивается к их идеям. Однако, как показывают ответы на контрольные вопросы, почти все решения принимаются руководителями самостоятельно, а инициатива подчиненных игнорируется или подавляется. Руководители не доверяют своим работникам и стремятся дополнительно контролировать даже простую исполнительскую деятельность. Более того, подчиненные воспринимаются *власть имеющими* как некая единая группа, члены которой должны подчиняться каждому из управляющих, независимо от того, какое подразделение он возглавляет.

Можно говорить о том, что образ современного российского менеджера, сложившийся у людей, подчиненных ему, во-первых, наполняется произвольными характеристиками из ряда рыночных, во-вторых, не принимается эмоционально, остается достаточно отстраненным, в-третьих, в соединении с высоким экономическим статусом руководителя способствует возрождению патерналистских чаяний. Подобные представления существуют и в политической сфере: депутат, мэр или губернатор заслуживают «народную любовь» лишь в случае заключения патерналистского контракта.

Итак, начальство и сегодня остается чужим для рядового работника. Правда, эта чуждость интерпретируется в разных терминах. В первом случае «чужой» — синоним враждебному, опасному, непонятному. Во втором «чужой» — большой, высокий, сильный, заботливый. Смена интерпретаций зависит от конкретной личной ситуации респондентов. Во всяком случае, социальные и культурные дистанции между «верхами» и «низами», представленные в произведениях В. П. Астафьева, сохранились в современном крупном городе.

¹ В работе использованы результаты социологических исследований «Социальная ситуация в г. Нытва» (декабрь 2001 г.), «Управленческая ситуация на совместном предприятии нефтедобывающего комплекса» (апрель 2001 г.) и «Управленческая ситуация на крупном промышленном предприятии г. Перми» (октябрь 2001 г.), проведенных кафедрой культурологии ПГТУ. Руководитель проекта доктор исторических наук профессор О. Л. Лейбович.

Р. А. ЮШКОВ

Россия и глобализация: роль и участие

Прежде всего следует оговориться, что речь идет не о глобализации вообще как об абстрактном теоретическом понятии, а о сегодняшнем реальном процессе. Этот процесс принципиально отличается от тех идей теории конвергенции, которые рождались в дискуссиях Римского клуба, а также в секторе высшей референтуры ЦК КПСС и 5-м управлении КГБ СССР в ходе разработки планов горбачевской перестройки. Тогдашнее советское руководство мыслило категориями социал-демократической, плюралистической или многополярной глобализации. Предполагалось, что разные этнокультурные и социальные системы постепенно привносят в органически образующийся «единый мир» свои уникальные экономические, цивилизационные, конфессиональные модели. Глобализация мечталась как полилог мно-

жества субъектов. Основными коспонсорами предполагалось выступить двум ведущим блокам — НАТО и Варшавскому договору, отказавшимся от противостояния для гуманной цели спасения человечества, однако в этом должны были принять участие и прочие государства и культуры. Последние должны были усилить свои экономические и политические позиции за счет отказа человечества от обоих доминирующих идеологических универсалий — марксистской и либеральной — в пользу выработки «нового мышления».

Жизнь жестоко посмеялась над романтическими иллюзиями раннегорбачевского периода. Реальная глобализация, маховик которой все сильнее раскручивается на наших глазах, концептуально и содержательно резко отличается от моделей теории конвергенции. Она реализуется под знаком жестко идеологизированной, отнюдь не плюралистической, не демократической, а весьма универсалистской, тоталитарной модели, под флагом неолиберализма, агрессивно претендующего на доминацию в мировом масштабе. Эта глобализация основана не на «новом мышлении», а на тотализации одной из половин «старого мышления», она не освобождает мир от давления сверхдержав, а подчиняет его колониальной власти одной из них. Это резко однополярная модель с геополитическим центром в США и с периферией в Европе и других частях англосаксонского мира. Эта глобализация имеет свою четкую мировоззренческую модель, воплощенную в либеральной системе ценностей. Последним придается статус «общечеловеческих». Основные из них общеизвестны в результате тотальной неолиберальной пропаганды. Это индивидуализм, права человека, конституционализм, примат гражданского закона, свободный рынок, отделение церкви от государства, социальная конкуренция, жизненная борьба, примат рациональной культуры, прагматизм, личное обогащение, социальный эгоизм и т. д. Все они (по крайней мере в том виде, в

каком реализуются и преподносятся для восприятия) выращены из протестантской религиозно-ментальной системы, где посмертное, трансцендентное начало в его влиянии на земную жизнь крайне минимизировано. Эта тенденция в западной цивилизации, и особенно в американской ее части, секуляризировалась и дошла до своего предельного развития.

Видный проповедник американизма от науки Хантингтон с горечью отмечает в своих работах, что либеральный комплекс ценностей пока еще с большим трудом приживается на почве не западных цивилизаций. При этом принципиально опускаются реальные возможности частичного (конвергентного!) заимствования элементов чужих моделей. Например, Китай, уверенно идущий по пути экономической модернизации, сохраняет при этом в культуре четкую приверженность к собственной этнокультурной системе. Необходимо подчеркнуть, что большая часть населения Земли воспитана (пока еще) на культурных моделях, прямо противоположных западной либеральной культуре. В этих не западных культурах перечисленные выше «общечеловеческие ценности» действительно не являются основополагающими критериями при оценке общественного мироустройства. Навязать таким обществам эти ценности означает уничтожить их цивилизационную идентичность.

Помимо этого, нельзя не заметить лицемерную систему двойных стандартов, сопутствующую нынешней атлантистской глобализации, когда ради защиты стратегических интересов США и НАТО в сфере мировой политики осуществляются вопиющие нарушения, казалось бы, святых принципов примата закона, презумпции невиновности и прав человека. Аналогично действуют экономические субъекты глобализации — транснациональные корпорации, попирающие природоохранные и социальные нормы в странах, являющихся субъектами эколонональной экспансии. Сообщениями об этом полна мировая «зеленая» пресса. Самым ярким примером здесь

служит очередной этап передела мира в пользу США под предлогом воздаяния за теракты 11 сентября, организованные, согласно мнению многих аналитиков, усилиями ТНК.

Экономическая результирующая глобализации — все более несправедливое распределение мировых ресурсов и все большее углубление разрыва (почти в 250 раз) между «золотым миллиардом» и беднейшими странами. Душевой ВВП на человека, например, в США и Швейцарии составляет около 30 тысяч долларов в год, в Эфиопии — 120.

Россия, в свое время в лице своих лидеров легкомысленно сыгравшая в поддавки с атлантистской цивилизацией и отпустившая тормоза нынешней глобализации, несмотря на номинальное участие в большой восьмерке и натовской двадцатке, сегодня является пассивным субъектом глобализации, то есть культурного, политического и экоресурсного неокOLONиализма. Все больше становясь сырьевым придатком Запада, страна распродает, часто за бесценок, свои минеральные запасы и биоресурсы. Этот процесс координируется олигархической криминально-компрадорской буржуазией, немногочисленным слоем, который присваивает себе результаты этой глобальной распродажи и один получает пользу от победного наступления неолиберализма в экономике и культуре. Сплошь и рядом это происходит под бездумные одобряющие возгласы либеральной интеллигенции. Помимо этого Россия стремится предоставить себя в качестве глобальной свалки для ядерных отходов. В экономике постепенно укрепляется позиция западных ТНК. Расслоение достигло гигантского размаха, а отмечаемый рост среднего уровня жизни, впрочем, незначительный, происходит за счет все большего отрыва верхушки.

Одновременно идет размыв Традиции и самого национального культурного кода, в первую очередь у молодежи. Процесс не ограничивается принятием запад-

ной одежды, музыки, образа жизни, англизацией языка и другими внешними признаками, но посягает и на самые базовые ценности русской и российской культуры. Одной из таких ценностей всегда был культ нестяжания, а его принципиальными признаками — непрагматичность и некоторая иррациональность творимого мироустройства. Русь и Россия по сравнению с Западом всегда были бедны не только де-факто, но и в идее, поскольку богатство здесь никогда не наделялось онтологическим весом, не считалось высшей добродетелью в отличие от этических норм либерализма. Бедность страны и ее культурного героя не только историко-географическая обусловленность, но и результат парадигмальных культурных установок. Сейчас, когда на роль культурного героя выходит олигарх или просто самозабвенно жирующий буржуа, можно говорить о действительной угрозе утраты национальной идентичности.

Мощнейший культурный шок, переживаемый населением в результате слома всех цивилизационных координат, обуславливает алкоголизацию, наркотизацию, криминализацию, которые сами по себе уже стали факторами, угрожающими национальной безопасности.

Надо ясно осознать, что в процессе глобализации у России нет ни исторического, ни геополитического, ни социального места. Воцарившись на просторах Евразии, неолиберализм в сочетании с геополитическими интересами США не оставят для России как для аутентичной целостности возможности самосохранения. Перед лицом этих мрачных перспектив Россия должна встать в авангарде антиглобалистского движения и в этой борьбе сплотить вокруг себя все антиглобалистские, левые, традиционалистские силы. В итоге этой борьбы должен быть утвержден альтернативный проект — проект иной, многополюсной и многомерной глобализации. И именно Россия с ее уникальным многовековым опытом интеграции разных культур и сообществ могла бы стать пер-

вой стратегической платформой для реализации этого проекта.

На фоне этой актуальной глобальной задачи парадоксальным образом выглядит современное удручающе слабое развитие антиглобалистского движения в самой России. Основной причиной нам видится дискредитированность в обществе левых взглядов в результате сталинского террора и долгого периода брежневской стагнации, ведь антиглобализм — по определению левое и антиимпериалистическое движение. Мощным тормозящим фактором развития страны является то, что общественные организации, практически весь третий сектор, — то есть та часть общества, которая должна быть в авангарде социального развития, — топчется в болоте западничества и крайнего либерализма. Исключением является лишь сравнительно небольшая часть «зеленых» и анархистов.

Резкий контраст являют собою нынешние международные конференции и форумы неправительственных организаций, где среди радикально левой, антиглобалистски и антиамерикански настроенной мировой общественности (как западной, так и из развивающихся стран) унылым замшелым либеральным островком смотрятся делегации стран Восточной Европы. Жалко и горько смотреть, как очередной правозащитник карабкается на трибуну, чтобы с мессианским пафосом возопить: «Куда вы рветесь?! От империализма? Влево? К коммунизму??? А мы там уже были!!!» Большинство этих людей, особенно тех из них, что ранены советскими лагерями, уже не переубедить, и им, не понимающим резко изменившихся реалий времени, суждено быть «пятой колонной» в своей многострадальной стране. Дело за новыми людьми, что, быть может, прорвутся сквозь вязкую засасывающую муть макдональдсов, голливудов, кока-кол, прайвиси, жвачек и чипидейлов и займут свое место на баррикадах, возведенных для защиты хрупкого древа Традиции.

О. А. СМОЛЯК

Еврейство в европейской философской мысли

Тема еврейства, антисемитизма звучит рефреном в контексте политических проблем XX века, оставаясь актуальной, символичной, значимой. Чаще эту тему освещают политики, общественные деятели, и обращение к названной проблеме европейских философов второй половины XX века является, по меньшей мере, неожиданным.

Почему антисемитизм интересен модернистской философии?

На наш взгляд, будет неполным предположить, что лишь пережитые события второй мировой войны обусловили обращение Ж.-П. Сартра, Т. Адорно, М. Хоркхаймера к этой теме.

В работе Сартра «Размышление о еврейском вопросе» (1946) и совместном труде Адорно и Хоркхаймера «Диалектика просвещения» (1948) ярко прослеживается мнение, что тема еврейства сопровождает всю европейскую историю.

Антисемитизм, по мнению философов, является продуктом современной цивилизации и никогда не будет изжит, так как это не идея, это — страсть. Он синкретически тотален, хотя и выражается в рассуждениях, внешне разумных. Важно, что антисемитизм является свободным и тотальным выбором самого себя. Это подход к людям вообще. Вот почему антисемитизм, расизм, шовинизм — явления одного порядка. Внимание европейских философов к антисемитизму имеет историческую и территориальную основу.

Сартр раскрывает тему антисемитизма через образы антисемита и еврея. Для него эта проблема имеет экзистенциальное основание и связана с выбором человека.

Антисемит — это человек массового общества, человек толпы, серая посредственность. Он сам выбирает жизнь в режиме страсти, так как любит состояние нена-

висти. Делая свой выбор, антисемит бежит от ответственности за ценности, которых придерживается; более того, он стремится к каменному постоянству своей личности. В боязни одиночества он ищет подобных себе.

Известна позиция Сартра о том, что свобода человека предшествует его сущности. Он называет человека существом «ситуационным»: ситуация определяет человеческие возможности, но человек определяет смысл ситуации. Адорно и Хоркхаймер также отказываются признать существование человеческой «природы». Через эту позицию философы раскрывают образ еврея: это человек, которого *другие* считают евреем. Таким образом, еврей, антисемит — субъекты, определяемые ситуацией.

Интересно, что выбор имеет не только социальное основание, но и физиологическое. В этом отношении антисемитизм характеризуется мыслителями как проявление садомазохистского комплекса, Освенцим — воплощение инстинкта страха и агрессии.

Антисемитизм не изживаем и потому, что образ еврея — это архетип Чужого, который находит свое выражение в образе Сатаны как абсолютного Зла, образе врага. Этот образ призван выполнять функцию Другого.

Для философов, отказывающих человеку в его сущности, Другой — это решение проблемы идентификации. В нашем примере еврей — это Другой, помогающий антисемиту идентифицировать себя. Через Другого антисемит обращается к себе, ведет диалог с себе подобными.

Позиция Сартра, Адорно, Хоркхаймера эмоциональна, поскольку события пережиты и памятны. Образ Освенцима прочувствован и занимает значительное место в их творчестве.

Ж.-Ф. Лиотар, приверженец постмодернистской социально-философской рефлексии, также обращается к теме еврейства в эссе «Хайдеггер и «евреи»».

Философ лишает проблему онтологической сущнос-

ти. Он вообще не говорит об антисемитизме (возможно, принимая позицию франкфуртцев, что антисемитизм закончился). Заявляя, что для него эта тема является мыслью о внепамятном, он помещает ее в пространство времени. И образ «еврея» предстает перед нами как чистая форма, конструкт, который может быть наполнен любым содержанием (отсюда и «»). Теперь «еврей» лишен национального, политического, исторического содержания; тема лишена эмоций. Теперь «еврей» это не только политика, — это и этика, и эстетика, и экономика.

Выдвигая проблему времени на передний план, Литар говорит, что содержание проблемы — это ее фон, контекст. И представить Освенцим в образах — значит забыть его. Освенцим представляет угрозу для дискурса.

Тема еврейства в европейской философской мысли звучит в контексте проблемы человека. Модернистская философия начинает последовательный отказ от человеческой «сущности». Этим она дистанцируется от классической традиции и главной темой выбирает проблему существования. Феноменологический метод является основой в решении проблемы свободы (Ж.-П. Сартр актуализирует проблему выбора, представители франкфуртской школы — проблему господства), но в то же время — первым шагом к отказу от онтологической проблематики.

Постмодернизм выступает наследником позиции модернистских мыслителей и провозглашает время чистых форм (метод — построение структур). Онтология подменяется гносеологией — познанием себя через Другого, образ которого становится центральным. Теперь решению подлежит основной вопрос — вопрос об идентификации. Такой подход к проблеме человека легитимирует позицию, где истина не является ценностью, провозглашает субъективность как основной принцип исследования.

Обращение к чистым формам, конструирование создает иное пространство, где решение проблемы явля-

ется универсальным, и выводы могут быть применимы к любой области действительности. Следовательно, нет проблем экономических, политических, эстетических, как нет больше области политики, экономики, эстетики и т. д.

МУЗЕЙНО-АРХИВНАЯ СЕКЦИЯ

Л. С. БОРТНИК

Писатель и власть

В Государственном общественно-политическом архиве Пермской области, бывшем до августа 1991 года Партийным архивом Пермской области, среди других хранятся документы, отражающие проблемы взаимоотношений творческой интеллигенции с местной властью. Особый интерес представляют документы, касающиеся Виктора Петровича Астафьева, члена Союза писателей с 1958 года, состоявшего на учете в Пермском отделении Союза писателей РСФСР по 1969 год¹.

К сожалению, документов немного. По своему составу это: стенограммы заседаний областных партийных конференций КПСС, пленумов, заседаний бюро, областных совещаний идеологических работников, отчетные доклады пермских отделений творческих союзов РСФСР, другие справочные материалы, использовавшиеся для подготовки вышеназванных документов из фонда Пермского обкома КПСС (ф. 105) и Пермского промышленного обкома КПСС (ф. 7214). Однако эти материалы важны, поскольку они могут дать объективную информацию об отношении власти к писателю, а также об атмосфере, царящей внутри творческих союзов, об идейных и творческих позициях руководителей и рядовых членов союзов.

Необходимо отметить, что местные власти той поры в своих начинаниях не были оригинальны. Как правило, все «мероприятия» проводились по образцам, зада-

вавшимися сверху. В этом плане была особенно показательно встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, проходившая 8 марта 1963 года. С большой речью на ней выступил Н. С. Хрущев. Он подчеркнул, что «деятельность писателей, художников, композиторов, скульпторов, работников кино и театра — всей творческой интеллигенции — постоянно находится в поле зрения партии и народа»². С характерным темпераментом в этой речи Никита Сергеевич напомнил: «Прошлый раз мы видели тошнотворную стряпню Эрнста Неизвестного и возмущались тем, что этот человек, не лишенный, очевидно, задатков, окончивший советское учебное заведение, платит народу такой черной неблагодарностью. Хорошо, что таких художников у нас не много, но, к сожалению, он все-таки не одинок среди работников искусства. Вы видели и некоторые другие изделия художников-абстракционистов. Мы осуждаем и будем осуждать подобные уродства открыто, со всей непримиримостью»³.

Месяц спустя, 17 апреля, подобная встреча прошла в Перми. Документы о ней содержатся в деле, озаглавленном «Стенограмма областного совещания идеологических работников. Текст доклада К. И. Галаншина, первого секретаря Пермского промышленного обкома КПСС»⁴. Руководитель области повторил основные положения выступления Н. С. Хрущева, а также дал развернутую характеристику идейного состояния культуры и искусства Прикамья.

Особый интерес представляют выступления в прениях руководителей культурных учреждений и творческих союзов. Эти выступления позволяют ощутить атмосферу времени, в которой жили люди творчества, в их числе и В. П. Астафьев, а также демонстрируют понимание ситуации, уровень творческого потенциала, конъюнктурности и даже чисто личностные качества.

Первое слово было предоставлено Л. И. Давыдычеву, ответственному секретарю Пермского отделения

Союза писателей. Анализируя творческую ситуацию в Союзе, он выделил проблему провинциализма как одну из главных, ведущих к средним, посредственным произведениям. Свою мысль писатель проиллюстрировал таким образом: «В газете сообщалось о том, как в одну из психобольниц пришли студенты-медики. Им демонстрировали больного, который страдал манией величия. И вот вышел небольшой человек. Они сомневались, кто он. Ожидали услышать: Шекспир или Наполеон. А больной ответил: «Я — Панькин». Оказалось, что больной был буфетчиком, а Панькин — начальник над всеми буфетами. Когда мы заболеваем манией величия, мы всегда бываем Панькиным»⁵. Эта констатация Л. И. Давыдычева весьма характерна. Главную, практическую задачу писательской организации ее секретарь видел в воспитании творческой молодежи.

Драматический театр представлял его главный режиссер В. Менчинский. Он заметил: «Партия, внимательно наблюдая за жизнью всего нашего искусства, поставила все на свои места, а самое главное, ввела дискуссии в нужное русло. Поставила совершенно точную задачу, самый главный стиль, который будет стоять все годы, — это идейная направленность спектаклей»⁶.

Е. Н. Широков говорил от Союза художников: «Мы, представители изобразительного искусства, по-настоящему переживаем волнующее время, когда к живописи приковано большое внимание, и мы как бы переживаем свое второе рождение. Я хочу сказать о нашей работе, как у нас обстоят дела. У нас, конечно, нет нужды бороться с формализмом и абстракционизмом, у нас, слава богу, этого нет (в зале смех), но решение ответственных задач, которые стоят перед художниками, также несовместимо с творческой серостью, убожеством в искусстве, профессиональной слабостью. В этом отношении у нас, конечно, есть большая нужда поработать в этом направлении. У нас много серых вещей делалось и даже сейчас делается»⁷.

Следующим выступал И. И. Келлер, главный режиссер театра оперы и балета. «Когда мы говорим об искусстве, — заметил он, — мы редко пользуемся таким замечательным словом, как вдохновение. А это слово, по существу, определяет то, что мы делаем не ремесленно и не потому, что мы это написали, а потому, что это наш долг и потребность. Мы с вами в своем творчестве должны чувствовать вдохновение»⁸.

Выступление Н. Н. Верзилова, редактора «Звезды», носило резко критический характер: «На мой взгляд, в жизни нашей писательской организации есть один очень существенный недостаток — это беспартийность, склонность некоторых литераторов к правдоискательству. И самое опасное то, что это выдается за добродетель, за смелость, за новаторство. В этом, мне кажется, много ошибок и путаницы, которую допустил Виктор Астафьев в своей статье «Нет, алмазы на дорогах не встречаются». В свое время Астафьеву было указано на ошибочность отдельных произведений. Люди, которые должны были помочь ему разобраться в замечаниях — я имею в виду работников книжного издательства, а также руководителей писательской организации, — взяли на себя роль буфера между партийной критикой и писателем.

Многие товарищи и я также считаем, что Астафьев интересный и способный писатель. Надо помочь ему, как большому уральскому писателю, произведения которого отличаются высокоиндейным звучанием»⁹.

Роль «буфера», надо думать, в первую очередь сыграли К. В. Рождественская и Л. И. Давыдычев, которым Виктор Петрович, очевидно, был благодарен за то, что не мешали работать, спасали от продолжительных заседаний.

Своеобразно выступление сталевара завода имени В. И. Ленина Тихомирова: «Я имею дело с железной рудой, а работники литературы имеют дело со словесной рудой. Мне трудно сказать, как добывается эта руда, но я представляю себе, какая литература рожда-

ется из этой руды. Хотелось бы в порядке обмена опытом поговорить о качестве продукции, сделанной из словесной и железной руды». В данном случае некоторое сомнение вызывает авторство речи. Думается, она была написана инструктором обкома КПСС.

Не менее интересны и отчеты творческих союзов, подготовленные, очевидно, к названному совещанию. Так, в отчетном докладе бюро Пермского отделения Союза писателей, написанного Л. Давыдычевым, говорится: «Малая творческая продуктивность — наша беда. Талант обязан быть щедрым. Дело не в том, чтобы насписать книгу за книгой. Дело в том, чтобы работать непрерывно. Напряженно. Результативно.

У нас есть хорошие примеры. Правдин, Рождественская, Астафьев, Крашенинников, Решетов и другие — берите с них пример работоспособности. У большинства товарищей, которых я назвал, и линия творчества определенная. Можно, не заглядывая в планы этих писателей, сказать, о чем они будут писать»¹⁰. Далее Л. Давыдычев поднимает вопрос о праве писателя обращаться «к так называемым негативным темам. Ведь упреки в субъективном подходе к действительности предъявляются кому угодно, только не к лакировщикам. Наибольшее количество ударов, иногда и очень болезненных, падает на головы тех, кто поднимает голос протеста против имеющихся у нас недостатков!

Много бывает шума по поводу негативных произведений, но удивительно не замечаются произведения бесстрастные, подло спокойные, я бы сказал. Вот возьмем, к примеру, «Дикий лук» Астафьева. Молодец Астафьев, что взялся за образ Генки. Я готов спорить о рассказе как о литературном произведении, у меня к нему есть свои претензии. Но ведь к рассказу-то предъявляли претензии иного порядка!

Автор не только не приукрасил своего героя — он беспощаден к нему. Беспощаден в смысле правды о нем. Убери хоть одну, пусть даже и натуралистическую де-

таль — и как знать, может быть, тогда Генка и не вызовет такой обостренной обеспокоенности за себя, какую вызывает сейчас.

Я даже не верю в то, что Генка кому-то принесет счастье. Но дело не в этом. Астафьев заставляет думать о таких Генках, искать выхода, как быть с ними.

А сколько творилось вокруг рассказа шума? Напечатали его потом в сборнике лучших рассказов года.

Писателю можно нанести любой удар — бей, не ошибешься, ничего тебе за это не будет»¹¹.

Представляют интерес отчеты Пермского отделения Союза писателей РСФСР, в которых даны списки пермских писателей, чьи произведения печатались в Пермском книжном издательстве или за пределами области. Их анализ позволяет говорить о том, что произведения Виктора Петровича печатались очень активно, начиная с 1957 года, фактически еще до вступления его в члены Союза. Так, в 1958 году в Пермском издательстве вышел роман «Тают снега», в 1959 году в трех номерах свердловского литературно-художественного журнала «Урал» напечатаны рассказы и повести «Глухая просека», «Перевал», «В муках рожденный». В этом же году во Франции был издан рассказ «Ария Каварадосси», а в московском журнале «Знамя» — рассказ «Солдат и мать». Примерно такие же темпы сохраняются и в последующие годы.

Сопоставляя эти данные с материалами Пермского обкома, можно увидеть интересную закономерность: признание таланта В. П. Астафьева со стороны идеологического руководства крепнет по мере того, как произведения писателя начинают печатать известные уральские, а тем более столичные журналы. Мы наблюдаем постепенный переход от критики к замалчиванию, а затем признанию творчества писателя.

В этом отношении показательно выступление секретаря областного комитета КПСС В. А. Константиновой на отчетно-выборном собрании Пермского отделения Союза писателей 1964 года: «Наш пермский читатель не мо-

жет оставить без внимания произведения тов. Астафьева, пермский читатель не может не гордиться тем, что им получена первая премия журнала «Огонек» за 1963 год.

Астафьев много пишет интересных книг. Когда читаешь его произведения и беседуешь с ним, складывается такое впечатление, что этот товарищ очень требователен к себе, к каждой своей мысли, к каждому своему слову и он требователен к своим рассказам. И если каждый из наших писателей будет предъявлять к себе такие же требования — это неплохо, и я бы сказала, что многим писателям есть чему поучиться у тов. Астафьева. Правда, мы еще не читали больших произведений Астафьева, но мы знаем, что он заканчивает большое свое произведение, и хочется пожелать ему, чтобы это произведение было хорошим. Пермский читатель не хотел бы ошибаться в той высокой оценке, которую он дал творческой деятельности т. Астафьева»¹².

В том же году, выступая на XII областной партийной конференции КПСС, высшем партийном форуме местного уровня, первый секретарь Пермского обкома К. И. Галаншин отметил: «Произведения Астафьева, Давыдычева, Правдина нашли широкое признание читателей»¹³. Можно сказать, что это было фактическое и официальное признание местной властью таланта и творчества В. П. Астафьева.

¹ ГОПАПО, ф. 7214, оп. 1, д. 215, л. 64—68.

² Хрущев Н. С. О коммунистическом воспитании. — М., 1964. — С. 206.

³ Там же, с. 212.

⁴ ГОПАПО, ф. 7214, оп. 1, д. 212.

⁵ Там же, л. 3.

⁶ Там же, л. 12.

⁷ Там же, л. 27—28.

⁸ Там же, л. 30—36.

⁹ Там же, л. 42.

¹⁰ Там же, д. 215, л. 19.

¹¹ Там же, л. 30.

¹² Там же, д. 238, л. 18—19.

¹³ Там же, ф. 105, оп. 283, д. 2, л. 48.

Н. Л. НОХРИНА

В. П. Астафьев и Прикамье

*(по материалам Пермского областного
краеведческого музея)*

Пермский областной краеведческий музей располагает уникальными материалами, отражающими уральский период жизни В. П. Астафьева. Это его книги с автографами, фотографии, сделанные в Чусовом, Перми, Быковке, афиши литературных вечеров. Особую ценность представляют письма В. П. Астафьева, адресованные пермским писателям: Н. Н. Вагнеру, В. В. Климову, Л. И. Кузьмину, О. К. Селянкину, В. А. Черненко и др. Их в коллекции более пятидесяти. Датированы они 1952 — 1993 годами.

Сегодня эти письма — ценнейший источник для изучения творческой биографии писателя.

Самое раннее из хранящихся в музее писем было отправлено В. П. Астафьевым в декабре 1952 года из Чусового в Пермь В. А. Черненко, помогавшему ему готовить к изданию первую книгу.

Характерно то, что это письмо, пожалуй, единственное, в котором В. П. Астафьев выступает в роли робкого ученика, во всем полагавшегося на мнение редактора: «С Вашей правкой согласен полностью, кое-что я уже и своим «нюхом» учуял, переделал, но многое пригодится»¹. И здесь же он пишет о трудностях, с которыми сталкивается в работе над сборником: «Хочу написать короткий, короткий рассказ, но пока не получается, мучает многословие...»² Но уже в следующем письме В. П. Астафьев пишет: «Посмотрел «Землянику», лучше стала, но как бы и меня не стали звать захребетником, вроде ставропольских писателей, за которых дописывают редакторы. Если такой правке подверглась только «Земляника», то я считаю, что это еще не беда, но если все рассказы, признаюсь, мне будет совестно называть книжку своей»³.

Выход в 1953 году первой книги В. П. Астафьева⁴ не остался незамеченным. Из редакции журнала «Урал» он получил предложение опубликовать ряд рассказов. «Конечно-таки страшновато печататься в другой области»⁵, — пишет он В. Черненко. Затем приходят предложения из издательства «Детская литература», журналов «Смена», «Огонек», «Звезда», «Новый мир». «В «Новом мире» вопрос, кажется, решился положительно. Антонов прислал письмо, в котором извинялся передо мной за задержку, масса дел, говорит, и обещает к концу февраля прислать правленные им рассказы. Если, мол, согласитесь и т. д. Человек он, видимо, деликатный, и придется соглашаться, куда ни шло, пускай печатают, куда их денешь. Я шучу, поэтому не читай эти строки вслух. На самом же деле мне не верится, что меня могут напечатать в толстом журнале»⁶.

А вот как В. П. Астафьев в 1956 году формулирует свое литературное кредо: «Надо поменьше выдумывать. Ведь моя биография — это кладезь, которую едва ли за жизнь вычерпаешь. Она и должна быть источником дальнейших трудов... Моя стихия — быт, семья, ребятишки. Производство не для меня»⁷.

Жизнь все время испытывала писателя, словно спрашивая: «Что ты можешь? На что годен?» Его мучают постоянные головные боли (последствия ранения). «Работать хочется здорово, а не можно, хоть зубами скрипи. Читать тоже нельзя, но удержаться не могу и читаю, отчего голове лучше не становится»⁸ (1955).

И вот вопреки всем обстоятельствам В. П. Астафьев начинает писать роман. Это было большой дерзостью: за спиной шесть лет школьной учебы, он всего лишь начинающий журналист.

Роман «Тают снега» пишется тяжело. «Дай Бог вытолкнуть его, дожать, и больше я не возьмусь за такую обременительную рукопись»⁹, — пишет он В. Черненко. И здесь он получает значительную моральную и материальную поддержку со стороны пермских писате-

лей и издателей. «Издательство взяло переиздать «Васюткино озеро». И они мне поставили превосходные условия, с помощью коих я думаю относительно безобидно доработать рукопись романа. Дали они двойной тариф и оплату, как за новое произведение... Такой дерзости я от них не ожидал, знаю, что все это сделано для того, чтобы я смог дотянуть книгу, и таковая чуткость меня многому обязывает»¹⁰ (1955).

На Урале В. П. Астафьевым были написаны и изданы очень дорогие для него книги: «Звездапад», «Последний поклон» (первая книга), «Пастух и пастушка», «Кража» и др. В 1969 году он уехал из Перми, но навсегда сохранил добрые чувства к этому краю и его людям.

Письма В. П. Астафьева из Вологды, затем из Красноярска свидетельствуют о том, что он был в курсе литературной жизни Прикамья. В. П. Астафьев приветствовал выход каждого нового номера газеты «Литературное Прикамье», радовался тому, что Л. И. Кузьмин оставил кресло ответственного секретаря писательской организации: «...а то он совсем закип в кресле-то, а ему еще писать да писать...»¹¹. В своих письмах В. П. Астафьев с большой любовью вспоминает ушедшего из жизни А. М. Домнина, благодарит А. Г. Гребнева за прекрасную статью о его «Пастухе и пастушке», мечтает приехать на открытие литературного музея в Чусовом.

Письма В. П. Астафьева конца 1980 — начала 1990-х годов — это философские размышления о жизни, о назначении человека на земле, о взаимоотношении человека и природы. Он предостерегает человечество: «Горе тому, кто вступит в ссору с природой, его породившей»¹². А вот как определял В. П. Астафьев в трудном для страны 1992 году задачу, стоящую перед писателем: «Надо помогать общему делу, не дать одичать себе и своему народу. Вот в чем сейчас главное»¹³.

¹ ПОКМ, 2139/1.

² Там же.

³ Там же, 2139/2.

⁴ Астафьев В. П. До будущей весны. — Молотовгиз, 1953.

⁵ Там же, 2139/3.

⁶ Там же, 2139/24.

⁷ Там же, 2139/19.

⁸ Там же, 2139/18.

⁹ Там же, 2139/20.

¹⁰ Там же, 2139/18.

¹¹ Там же, 19393/365.

¹² Там же, 19368/26.

¹³ Там же, 19393/360.

Е. П. ТИХОНОВА

Обзор документов личного фонда

В. П. Астафьева

(по документам фонда Р-1659

«Астафьев Виктор Петрович — советский писатель»)

Творческий путь В. П. Астафьева начинался на пермской земле: с 1945 по 1961 год он жил в Чусовом, а затем до конца 1960-х годов — в Перми.

В Чусовом он написал свой первый рассказ «Гражданский человек» (1951) о своем фронтовом друге Моте Савинцеве, который был опубликован в газетах «Уральский рабочий», «Звезда» и в альманахе «Прикамье». Инсценировка рассказа прозвучала в эфире областного радио.

После опубликования первого рассказа В. П. Астафьев несколько лет работал в редакции газеты «Чусовской рабочий», а затем на областном радио. За четыре года работы в газете В. П. Астафьев написал более сотни корреспонденций, статей, очерков, свыше двух десятков рассказов, из которых и составил две первые книги. В 1953 году в Перми вышел его первый сборник рассказов «До будущей весны», а затем «Огоньки» (1955). Первый роман «Тают снега» выпущен в 1958 году Пермским книжным издательством. В этот период

В. П. Астафьев был принят в члены Союза писателей, окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького.

Живя в Прикамье, В. П. Астафьев написал повести «Перевал», «Стародуб», «Звездопад», «Кража», «Последний поклон».

Многие произведения В. П. Астафьева автобиографичны, и все они посвящены людям труда, их напряженной внутренней жизни, теме возмужания души.

Формирование личного фонда В. П. Астафьева начиналось с переписки с семьей В. П. Астафьева¹. Документы приходили к нам небольшими бандеролями². Сначала документы поступали только от В. П. Астафьева, а с середины 1990-х годов и от жены Виктора Петровича, Марии Семеновны Астафьевой-Корякиной, которая присылала документы из своего личного архива (творческие материалы, личные документы, фотографии семьи Астафьевых-Корякиных, письма родных, друзей, знакомых, читателей). Фонд стал семейным.

Сегодня фонд В. П. Астафьева и М. С. Астафьевой-Корякиной насчитывает 749 единиц хранения за 1930 — 1992 годы, из них 218 — особо ценные дела.

Наибольшую ценность в фонде представляют *творческие материалы* — рукописи и машинописные экземпляры произведений с пометками автора: главы *романов* («Тают снега», «Прокляты и убиты», «Печальный детектив»), машинописные варианты *повестей* («Стародуб», «Кража», «Где-то гремит война», «Пастух и пастушка», «Последний поклон», «Царь-рыба», «Веселый солдат»), *пьес* («Прости меня», «Черемуха»), *киносценариев* («Гуси-лебеди», «Звездопад», «Инвалид войны», «Последний кусок хлеба», «Черемуха»), *рассказов* («Гражданский человек», «Сибиряк», «Земляника», «Материнское сердце», «Перед свадьбой», «Старая лошадь» и др. — всего более 160), *очерков* («Солдату все еще снится», «Сопричастный всему живому» (биографический очерк), «Хлеб» и др.), *статей* («Го-

род местных гениев» (о Чусовом), «Год, прожитый в труде» и др.), *заметок писателя* («Вдали синее Кваркуш», «Самое дорогое» и др.), *фельетона* «Кузнечик».

Исследователям будут интересны *рецензии* на произведения В. П. Астафьева известных писателей (Ф. Абрамова, В. Быкова, А. Войтецкого, Е. Носова, Е. Рысса, Б. Ширшова, О. Селянкина), журналиста С. Гинца и др., опубликованные в журналах («Огонек», «Смена», «Звезда», «Костер», «Урал», «Уральский следопыт», «Мурзилка», «Молодая гвардия», «Дружба народов», «Советская женщина», «Работница», «Москва», «Пограничник», «Сельская молодежь» и др.) и газетах («Известия», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Молодая гвардия» и др.). Много здесь статей, написанных сотрудниками журналов, газет, теле- и киностудий. Рецензии на произведения различны, но в основном — критические, советующие, что необходимо исключить, переделать в его произведениях, которые должны быть глубоко идейными, воспитывать из читателей тружеников, созидателей, думающих людей³.

В фонде много *писем* к В. П. Астафьеву из различных учреждений, общественных организаций (например, Всероссийского общества охраны природы), школ, библиотек, от частных лиц. Корреспонденты выражают свою признательность, благодарность Виктору Петровичу за произведения, заставляющие волноваться за судьбы героев, вызывающие симпатии и антипатии. Есть письма от учащихся, учителей, пенсионеров, рабочих...⁴ Есть письма, где люди обращаются с просьбами о помощи, о совете мудрого, доброго душой человека. Так, ребята из Сочи просят помочь талантливому мальчику, который нуждается в сложнейшей операции в Америке.

Есть несколько писем-рецензий В. П. Астафьева на произведения писателей Е. Носова, В. Белова и др.

Среди документов В. П. Астафьева — автобиографическая справка о его участии в Великой Отечественной войне; ответы на анкеты разных журналов; поздравле-

ния с 50-летием со дня рождения; номер газеты «Литературная Россия» от 26 ноября 1975 года, где опубликовано постановление Совета Министров РСФСР о присуждении Государственных премий РСФСР в области литературы, искусства и архитектуры (в т. ч. В. П. Астафьеву); биографический буклет; пригласительные билеты на спектакли, выставки, презентации.

Помогают раскрыть напряженную, интересную и многогранную жизнь *изобразительные материалы и фотографии* В. П. Астафьева: Виктор Петрович среди однополчан, родственников, во время работы в саду, на рыбалке, охоте, во время различных поездок и встреч с писателями В. Распутиным, О. Гончаром, Л. Кузьминым, А. Домниным, скульптором Аникушиным, на творческих встречах с читателями и т. д.

Фонд «Астафьев Виктор Петрович — советский писатель» интересен, и мы очень благодарны М. С. Астафьевой-Корякиной за многолетнее сотрудничество с Государственным архивом Пермской области по сохранению творческого наследия В. П. Астафьева.

В 2001 году Мария Семеновна передала в архив около 200 писем из личной переписки семьи. В ближайшее время они будут обработаны, приняты на госхранение и поступят в научный оборот.

¹ ГАПО, ф. Р-1659, л. 7, 9.

² Там же, л. 12.

³ Там же, оп. 1, д. 165.

⁴ Там же, оп. 1, д. 191.

Т. Д. ШМАТЕНОК

Концепция портрета В. П. Астафьева художника Е. Н. Широкова

Портрет Виктора Петровича Астафьева написан Е. П. Широковым в 1969 году и несет яркую печать времени.

Образ писателя предстает предельно значительным, далеким от мелочного прозаизма обыденности, исполненным особой жизненной силы. Пафос произведения в яркости социального самоощущения героя, в утверждении достоинства и огромных созидательных возможностей активной творческой личности.

Истоки подобного взгляда на человеческую личность, подобной концепции образа связаны с определенной эпохой, периодом «хрущевской оттепели», когда представители поколения шестидесятников — к нему принадлежат и автор, и герой, — делали в искусстве свои первые шаги. В отечественной истории это период очередного распутья, на которые оказался так богат XX век.

Необходимость всеобщего обновления, масштабность проблем придали остроту, накал и интенсивность чувству переживания времени. Общество пережило тогда изменения гораздо более глубокие, чем просто смена общественных ориентиров. В аспекте духовного творчества после первой четверти XX века это самая пассионарная эпоха. Важным оплодотворяющим фактором процесса явилась позиция правдоискательства, одухотворяющая вера, любовь к своей стране. Термин «шестидесятники» не просто указывает на время, но имеет мировоззренческую окраску. Конечно, по своим позициям и взглядам поколение не было однородным. Е. Н. Широков и его герой относятся к тем его представителям, для которых искусство является важной духовной миссией, а художественное выступает синонимом истины и красоты.

Судьба Широкова во многом типична для значительной части интеллигенции его поколения. Выходец из рабочей среды, уроженец небольшого уральского поселка Касли, будущий художник рано начинает трудовую жизнь: к станку пришлось встать 12-летним подростком в годы войны. Учебу завершал в школе рабочей молодежи. Колебаний в выборе профессии не было, и в

16 лет он поступает в художественное училище города Свердловска, а затем в один из самых престижных художественных вузов страны — Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В. И. Мухомой.

Он видел в жизни естественные трудности. Социальные трагедии первой трети XX века миновали его семью и ближайшее окружение, не оставили меты в сознании, не стали фактором формирования его духовного опыта. Вся система жизни, воспитания, образования подводила к искусству, принимающему действительность.

Интеллигент в первом поколении, Широков сохраняет в себе, в своем творческом сознании определенные черты, связанные с народным миропониманием. Духовной родословной Широкова, без всякого преувеличения, можно назвать его малую родину, город Касли, известный центр уральского художественного литья. Он сыграл существенную роль в формировании его духовного облика, художественных вкусов и пристрастий.

Уральские центры художественного литья представляют уникальную заводскую цивилизацию, сочетающую народный опыт, народную этику и интеллектуальный творческий труд, коллективную мудрость и индивидуальную творческую инициативу. Их сложное единство составляет органическую основу этой цивилизации, которая во многом сделала стране славу. Есть множество оснований утверждать, что эта среда способствовала формированию лучших качеств, ставших олицетворением национального характера, воплощением которых являются старые народные мастера.

Вся эта особенная историческая среда была еще живой, предопределив многое в жизнеощущении Е. П. Широкова. С одним из народных мастеров — П. С. Аникиным — судьба столкнула будущего художника. Он брал у старого мастера уроки рисования, слушал рассказы, рассматривал репродукции, альбомы, эскизы будущих

отливок. Для юной чистой души в этом была бездна ошеломляющей новизны, подлинного, отчаянного потрясения. Запомнилась, врезалась в память собственная модель Аникина под названием «Искусство бессмертно». Может быть, скульптура была несовершенной, главное — реальное, на твоих глазах возникшее явление человеческих возможностей. Думается, что воздействие П. С. Аникина было не столько практическим, сколько нравственным. Его характер и суть можно определить как магию человеческого умения, магию творчества. Даже созерцание этого приподнимало над обыденностью, окрыляло, делало сильнее, заставляло желать стать таким самому. За это человека можно уважать и любить бесконечно.

Влияние каслинской заводской среды проявляется и в его отношении к искусству. В нем есть позиция мастера, для которого творчество — это прежде всего труд и мастерство. Как важный смысловой оттенок эта позиция присутствует в концепции портретных образов, в том числе и в автопортретах. И не только через атрибуты профессии, делающие акцент на трудовом процессе, но и в определенном аспекте интерпретации человеческой личности: многие мужские персонажи наделены неспешностью, особой «мужицкой» основательностью знающих себе цену мастеров. Руки героев несут эту же смысловую нагрузку.

Имеет оно и более практический «выход». Собственный опыт чеканщика художественного литья и постоянное рисование с отливок развили в нем «предметный», осязательный характер восприятия, воспитали вкус к законченной, ясной форме, на практике подтвердили особую значимость умения и мастерства. Этот опыт ощущим в пластической заостренности формы, в пристрастии к разработке фактуры.

Портретная концепция Широкова складывалась под мощным воздействием идей и художественного языка так называемого сурового стиля. Суровый стиль — оп-

ределенное умонастроение начала «хрущевской оттепели», противопоставившее свою позицию творчества официальным явлениям искусства. Во многом благодаря искусству «суровых» была прорвана плотина старых мнений. Суровый стиль имел достаточно широкое распространение, особенно в провинции. Здесь он не был кратковременным явлением, как в столице, где он был недолгим в том числе и для самих лидеров направления, а явился для немалого количества художников основным руслом их творческого движения.

Среди его лидеров крупнейшие московские художники-шестидесятники: Н. И. Андронов, П. Ф. Иванов, Т. Салахов, В. И. Иванов. Они утверждали простоту и мужественность, активно вели поиски современного героя. Художественная концепция положительного героя рождалась в острой полемике с предельно измельченным восприятием человека, рассматривающим личность в кругу лишь частных бытовых проблем. Героем произведений «суровых» оставался простой человек, человек-труженик. Новизна и актуальность их позиции заключались в том, что в рядовом труженике они увидели активного, сознательного и ответственного участника широких социальных процессов, утверждали зрителя в сознании, что малый мир индивидуального бытия раскрыт в большой мир исторических забот эпохи.

Искусство сурового стиля было глубоко демократичным, потому что понятие о масштабе индивидуальности в нем оказалось свободным от социальной исключительности любого толка, и прежде всего от классовой. Все это внутренне готовило искусство к новому восприятию самой проблемы человеческой личности, косвенно придавало ей по-новому широкую значимость.

«Портрет Астафьева» — решающий рубеж, переломное произведение в творчестве художника, сделавшее Широкова Широковым. В Астафьеве Широков нашел своего героя, открыл сферу существования, напол-

ненную глубоким драматизмом.

Астафьев еще тогда не был знаменитым писателем, жил в Перми и в тот момент времени правил корректуру повести «Пастух и пастушка». За этим занятием изображает его Широков. Астафьев сидит за столиком, перед ним открытая папка с бумагами, газеты. Голова писателя опущена, взгляд направлен на рукопись. Поза, выражение лица, жесты обозначают момент серьезной, внутренней сосредоточенности.

Образ лишен непосредственного ощущения человеческой личности писателя. Открытая монументализация, обобщенность выводят образ из «натурных» координат, укрупняют его, придают ему символическое звучание. На это нацелены все элементы образной структуры портрета: ракурс, характер расположения фигуры в пространстве, пластическая идея. Точка зрения сверху придает образу неожиданную остроту. Она заставляет по-особому воспринимать фигуру героя, предметы, окружающее пространство. Ракурс задает всей драматургии холста момент новизны. Необычно положение фигуры в пространстве: она помещается в плоскости, пересекающей пространство холста по диагонали, оказывается центром всей динамичной композиции. Углом развернут в сторону писателя столик, сам он сидит на углу табурета. Пластика фигуры словно выточена резцом.

Углы, острые грани, резкие, определенные линии и объемы, широкие цветовые планы, скульптурная проработка лица выстраивают мир энергичный и мужественный, очищенный от быта и его каждодневных забот. Мир портретного образа предстает не как непосредственная реальность, а как идея, как мысль, как то, что должно воплотиться в жизнь.

Отстраненность, опосредованность образа связана с проблемой стиля, заложенными в нем идеально-нормативными представлениями о личности. Идеальным героем сурового стиля, вариантом которого представля-

ется портретная концепция Широкова, является зрелая активная личность, способная к волевому героическому действию во имя общего блага.

Индивидуально-личностные свойства модели — в данном случае Астафьева, зрелого, внутренне сильного, способного к преодолению, — оказались близки стилевому идеалу, и это обогатило портретный образ. Его достоинство видится в целостности замысла и исполнения, в жизненной убедительности образа, в глубине раскрытия индивидуального характера. Обобщение, то есть выявление общезначимого, не заслонило индивидуальности портретируемого, а, наоборот, подчеркнуло, высветило, позволило представить ее крупно, весомо, мощно.

Образ Астафьева — это образ совершенно земного, полнокровного человека, призванного для реальной жизни в напряженном драматичном мире. Его облик предельно демократичен, в нем подчеркнута мужицкая грубоватая естественность и простота. Вся фигура героя, насыщенный, красновато-коричневый цвет его свитера, плотный и глухой, подчеркнутая, осязательная фактура живописи несут в себе определенные ассоциации и говорят об особой земной крепости и основательности натуры, заставляют вспомнить его фронтовую биографию. В лице писателя запечатлены следы времени, пережитых драм. Упругое напряжение композиции, при отсутствии внешнего действия, выражает потенциальную жизненную энергию. Герой портрета выступает носителем динамичной преобразующей силы. Время в картине длящееся, состояние героя не сиюминутно, оно наделено не случайно-единичным смыслом, а символическим значением.

Думается, что образ Астафьева можно воспринимать как знак разбуженных и обновленных сил современности, пришедших в активное движение.

УЧАСТНИКИ ЧТЕНИЙ

Приветствия и выступления

- А. М. Белавин**, профессор, доктор исторических наук, проректор по научной работе Пермского государственного педагогического университета (ПГПУ).
- Р. П. Белов**, писатель (г. Пермь).
- В. А. Шмыров**, директор Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36».

Доклады

Литературная секция

- М. П. Абашева** (руководитель), доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета ПГПУ*.
- Ю. Г. Бобкова**, аспирант кафедры общего языкознания ПГПУ.
- В. И. Бурдин**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века ПГПУ.
- С. И. Ваксман**, член Союза российских писателей (г. Пермь).
- В. Ф. Гладышев**, журналист (г. Пермь).
- В. А. Зубков**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века ПГПУ.
- Л. М. Маракова**, преподаватель школы № 15 (г. Пермь).
- В. М. Михайлюк**, писатель (г. Пермь).
- И. А. Подюков**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания ПГПУ.
- Г. В. Чудинова**, кандидат филологических наук, доцент Пермского областного института повышения квалификации работников образования*.

* Участники, чьи доклады не вошли в настоящий сборник, помечены*.

Библиотечная секция

- Т. Я. Анисимова**, заведующая сектором Пермской областной детской библиотеки им. Л. И. Кузьмина.
- Т. И. Быстрых** (руководитель), заведующая краеведческим отделом Пермской областной универсальной библиотеки им. М. Горького*.
- Г. В. Вершинин**, журналист (г. Лысьва).
- Л. Г. Даниленко**, учитель литературы школы № 37 (г. Пермь)*.
- В. С. Колбас**, заместитель директора Детско-юношеского центра «Рифей» (г. Пермь).
- Д. Г. Ризов**, писатель (г. Пермь)*.
- М. В. Тарасова**, заслуженный художник РФ (г. Пермь)*.
- Л. В. Терехина**, заведующая библиотекой Уральского филиала Российской академии живописи, ваяния и зодчества (г. Пермь)*.
- З. В. Тымина**, сотрудник Чусовской городской библиотеки им. А. С. Пушкина*.

Историческая секция

- М. В. Змеев**, аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета (ПГТУ).
- М. А. Иванова**, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Пермского государственного университета (ПГУ).
- А. С. Кимерлинг**, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии ПГТУ.
- Е. А. Кобелева**, сотрудник Пермского областного отделения общества «Мемориал».
- О. Л. Лейбович** (руководитель), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии ПГТУ.
- К. В. Титов**, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии ПГТУ.

В. В. Шабалин, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологии ПГТУ.

С. А. Шевырин, научный сотрудник Мемориального центра «Пермь-36».

Н. Г. Шелепенькин, кандидат исторических наук, доцент кафедры общей отечественной истории ПГУ.

К. В. Юхневич, студент 2-го курса историко-политологического факультета ПГУ.

Г. А. Янковская, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России ПГУ.

Общественно-политическая секция

И. В. Аверкиев (руководитель), председатель Пермской гражданской палаты*.

С. С. Бойко, ассистент кафедры политических наук ПГУ.

А. Д. Боронников, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии ПГТУ*.

А. Н. Кабацков, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии ПГТУ.

О. В. Лысенко, кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии ПГТУ.

С. Г. Маковецкая, директор Общества развития предпринимательских инициатив (г. Пермь)*.

О. А. Малахова, студентка 5-го курса историко-политологического факультета ПГУ*.

О. А. Смоляк, аспирант кафедры культурологии ПГТУ.

Л. А. Фадеева (руководитель), доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук ПГУ.

Н. В. Шушкова, аспирант кафедры культурологии ПГТУ.

Р. А. Юшков, кандидат географических наук, доцент кафедры биогеоценологии и охраны природы ПГУ.

Музейно-архивная секция

- Н. А. Аликина**, краевед, заслуженный работник культуры РФ (г. Пермь)*.
- Л. С. Бортник**, ведущий специалист отдела информации, публикаций и научного использования документов Государственного общественно-политического архива Пермской области (ГОПАПО).
- Л. В. Мишланова**, член Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры РФ (г. Пермь)*.
- М. Г. Нечаев** (руководитель), кандидат исторических наук, директор ГОПАПО*.
- Н. Л. Нохрина**, заведующая литературным отделом Пермского областного краеведческого музея.
- Е. П. Тихонова**, начальник отдела обеспечения, сохранности и государственного учета документов Государственного архива Пермской области (ГАПО).
- Т. Д. Шматёнок**, заведующая отделом искусства XX века Пермской областной художественной галереи.

Содержание

Литературная секция

В. И. БУРДИН. <i>Жанровое своеобразие «Затесей»</i> <i>В. П. Астафьева</i>	5
И. А. ПОДЮКОВ. <i>Эстетика народной речи</i> <i>в поэтике В. П. Астафьева</i>	7
В. А. ЗУБКОВ. <i>Полемическая составляющая</i> <i>в творческом методе В. П. Астафьева</i>	15
В. М. МИХАЙЛЮК. <i>Великий труженик пера</i>	17
В. Ф. ГЛАДЫШЕВ. <i>Мы за ценой не постоим?</i> <i>(Две правды о войне)</i>	25
С. И. ВАКСМАН. <i>Останутся воспоминания</i>	30
Ю. Г. БОБКОВА. <i>Живое слово народной речи</i> <i>в художественном стиле В. П. Астафьева</i>	37
Л. М. МАРАКОВА. <i>Творчество В. П. Астафьева</i> <i>как выражение русской души</i>	39

Библиотечная секция

Т. Я. АНИСИМОВА. <i>В. П. Астафьев в письмах</i> <i>к Л. И. Кузьмину: штрихи к портрету</i>	43
Г. В. ВЕРШИНИН. <i>Поводырь российской</i> <i>глубинки</i>	49
В. С. КОЛБАС. <i>Несколько слов о Викторе</i> <i>Астафьеве</i>	58

Историческая секция

О. Л. ЛЕЙБОВИЧ. <i>Исторические взгляды</i> <i>В. П. Астафьева</i>	64
В. В. ШАБАЛИН. <i>«Пьяная оппозиция» (из истории</i> <i>левоопозиционного движения на Урале)</i>	68

- М. А. ИВАНОВА. Сталинская «кадровая революция»
1937—1938 годов: региональный аспект
(по материалам Прикамья)..... 74
- А. С. КИМЕРЛИНГ. Советская карательная
политика 1945—1953 годов:
постановка проблемы..... 79
- Г. А. ЯНКОВСКАЯ. Советский художник в годы
позднего сталинизма: повседневная жизнь
против идеологии..... 83
- Е. А. КОБЕЛЕВА. «Члены семей изменников
Родины» в Молотовской области
в 1941—1945 годах 87
- К. В. ТИТОВ. Проблемы гражданского общества
и архетипические черты российской
государственности 91
- К. В. ЮХНЕВИЧ. Повседневная хозяйственная
жизнь русской деревни. 1923—1925 годы..... 96
- С. А. ШЕВЫРИН. ГУЛАГ на территории
Пермской (Молотовской) области в годы
Великой Отечественной войны..... 99
- М. В. ЗМЕЕВ. Народное учительство в Пермской
губернии рубежа XIX—XX веков:
профессиональная этика и повседневность 112
- Н. Г. ШЕЛЕПЕНЬКИН. Эпистолярное наследие
В. П. Астафьева как источник по изучению
истории России 119

Общественно-политическая секция

- Л. А. ФАДЕЕВА. Российские политические
субкультуры и проблема гражданского
общества 124
- О. В. ЛЫСЕНКО. Печальные детективы:
общество и власть в произведениях
В. П. Астафьева 128
- С. С. БОЙКО. Сопротивление субъекта созданию,
или О возможности М-версии гражданского
общества в России 131

- А. Н. КАБАЦКОВ. *Национальный контекст становления институтов гражданского общества* 135
- Н. В. ШУШКОВА. *Образ начальника в современном массовом сознании* 138
- Р. А. ЮШКОВ. *Россия и глобализация: роль и участие* 141
- О. А. СМОЛЯК. *Еврейство в европейской философской мысли* 147

Музейно-архивная секция

- Л. С. БОРТНИК. *Писатель и власть* 150
- Н. Л. НОХРИНА. *В. П. Астафьев и Прикамье (по материалам Пермского областного краеведческого музея)* 157
- Е. П. ТИХОНОВА. *Обзор документов личного фонда В. П. Астафьева (по документам фонда Р-1659 «Астафьев Виктор Петрович — советский писатель»)* 160
- Т. Д. ШМАТЕНОК. *Концепция портрета В. П. Астафьева художника Е. Н. Широкова* 163

*Вспоминая
Виктора
Петровича*

некоторые не только со сцены.
20/2/03. Вит Б. В.С. Кольбас

В.С.
Кольбас →

А.Н. Зинин
всб

1 Астафьевские чтения. С приветственным словом
выступает вице-губернатор Татьяна Марголина

Пленарное заседание I Астафьевских чтений

*I Астафьевские чтения. Слово о писателе произносит
руководитель областной писательской организации
Татьяна Соколова*

г. Куигур. Еще недавно в этом храме была тюрьма. Этот и все последующие снимки сделаны Валерием Бодряшкиным во время последнего приезда В. П. Астафьева на Урал в августе 1997 г.

Встреча В. П. Астафьева на границе Чусовского района

г. Чусовой. В кругу родных и близких, в присутствии мэра

*г. Чусовой. Во дворе дома друга-инвалида
Великой Отечественной войны Ивана Ширинкина*

г. Чусовой. На могиле дочери Лидочки

*Деревня Кучино,
музей политических репрессий «Пермь-36»*

*г. Пермь. В мастерской художника
Евгения Широкова*

*Деревня Быковка — любимое место
писателя. На этой «даче» были созданы
«Затеси», «Пастух и пастушка», другие
произведения*

*Деревня Быковка. Возле «дачи» с
сыном Андреем и Т. Г. Курсиной*

Прогулка по окрестностям Быковки

Прогулка по окрестностям Быковки

*Последняя рыбалка
на речке Быковка*

*Деревня Быковка.
В. П. Астафьев с внуком Арсением*

*Деревня Быковка. «Красный угол»
дачи-избы В. П. Астафьева*

*Деревня Быковка. Много лет назад
эти березы посадил сам Виктор
Петрович. Последние шаги по пермской
земле...*

Деревня Темная. Ночные бдения

Научное издание

I Астафьевские чтения

Редактор *Г. Пантелеева*
Художник *О. Трушников*
Оригинал-макет *Г. Пантелеевой*
Корректор *Г. Борсук*

Подписано в печать 4.05.2003. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага ВХП.
Гарнитура Kudrachov. Усл. печ. л. 9,66+0,84 вкл. Тираж 1000 экз.
Заказ № 7129.

Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36».
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 17а, оф.36.

Тел.: 12 00 30 (факс), 12 37 18.

E-mail: muzeum@permnet.ru
muzeum@psu.ru